

ЦЕНА ВРЕМЕНИ



Книга II

Annotation

Главный герой вот уже больше месяца живёт в чужом мире. Александр может рассчитывать только на самого себя, ведь как выясняется, даже его скудные знания в области истории не имеют почти никакого значения в мире, где история свернула с привычной колеи. Угроза с севера вынуждает героя отвлечься от обустройства своей жизни и встать на непривычную для него тропу войны.

Цена времени. Книга 2

Роман Шайх

Глава 1. «Долгая дорога»

Под мерный стук копыт и скрип телег я двигался в авангарде Новгородского полка. Дабы не напрягать лишний раз ни своего бесценного коня, ни свою не менее бесценную часть тела, что уже изрядно подустала в седле, спустя час пути я решил продолжить путь в одной из телег.

Мною была введена некая система, согласно которой одна пятёрка моих гвардейцев шла в седле, а вторая располагалась в телегах. Спустя какое-то время они менялись. Подобное было обусловлено моим крайнем нежеланием лишний раз изнашивать и без того дохленьких мерингов. Где-то слышал, что лошади на самом деле довольно сложно везти на себе целого человека. И все эти истории про многодневный галоп на одном скакуне — не более, чем миф, созданный ради красивых кинохроник и сюжетов.

Вся та орава, что вышла из Новгорода и составляла порядка восьми тысяч человек, мне показалась довольно большим скоплением людей. Но это, как ни странно, по меркам моего времени. Ведь там солдат — это в большинстве случаев дееспособная боевая единица, а восемь тысяч — считай пол дивизии, способной закрыть громадный участок фронта. Вот только в этом случае почти всегда солдаты вооружены мощным, автоматическим огнестрельным оружием, имеют артиллерийскую поддержку и таковую с воздуха, развитую разведку, могут рассчитывать на помощь бронетехники и много чего ещё. В конце концов они обучаются этому целенаправленно как минимум год. А что мы имеем здесь? Сборище оборванцев с одной железкой на троих, что они гордо именуют оружием, хотя больше оно походит на кочергу. Ни намёка на дисциплину и организованность, полный провал в снабжении и взаимодействии частей. Нет, фактически все подчиняются воеводе. Вот только местный командарм, каким бы талантливым стратегом он не был, в лучшем случае сможет попытаться донести до своих воинов суть стратегии до боя. А ни о какой тактике в пылу сражения и говорить не приходится. Попробуй, докричись до разгорячённых битвой и вкусом крови(и не важно своей или вражеской), ни разу не слышавших о тактическом подходе к, казалось бы простой в их понимании сече. Ага, как же. Флаг вам в руки и барабан на шею. Кстати, барабан в этом деле — штука не заменимая. Равно как и труба или рожок. В общем всё, что может подавать громкие, хорошо различимые сигналы. Но местным такое если и знакомо, то в очень сыром и допотопном варианте. Всё же нужно сделать зарубку в памяти на будущее. Если, конечно, посчастливиться вырваться из грядущего пекла.

А вообще в идеале менять к чертям всю систему иерархии в армии по образцу моей гвардии. За эти три недели десяток пацанов, что я выкупил на рынке за бросовую цену полностью изменился. Каждый из них не по годам возмужал, раздался в плечах и, кажется, даже чуток подрос. Вот что с человеком делает рациональное питание при грамотных нагрузках. Определяющим фактором стало ещё и их абсолютное желание и энтузиазм. Может, по началу они и не понимали, для чего это их барин кормит от пуза да гоняет по двору словно ужаленных. Но это не мешало им рьяно бросаться на выполнение всех упражнений по одной простой причине — они были рады своей судьбе. Да-да, то чего так боялись почти все мужчины в моём времени и стране пришлось по душе холопам шестнадцатого века. А всё почему? Потому что я в их глазах был невероятно добрым барином и служить такому они, как водится, готовы до гроба. Авось глядишь и вольную даст на старости лет? А если и не даст — сыто жизнь прожить тоже неплохо. Такие как я во все

времена были редкостью, скорее даже исключением в дворянском обществе. По-крайней мере в той реальности, в которой жил я.

Так вот, про военную иерархию. Да, были в армии и сотники, и десятники, и даже тысяцкие. Вот только, как я убедился, в сотне было далеко не сто воинов, так же как в десятке редко набиралось положенные десять человек. Логично предположить, что и под властью тысяцкого располагалась далеко не тысяча солдат. Каждый местный сотник в среднем имел по тридцать человек. Хотя таковых, как и положено, имелось десять штук. Если мне не изменяет память, то в полку в это время должно наблюдаться порядка тысячи человек. Что же мы видим? Чуть более трёх сотен «лучших воинов Новгорода», выезжающих, впрочем, на таких же меринах, что и мои бойцы, одетые далеко не стандартизировано и имеющие каждый свою голову и своё мнение. Ну, может, и не каждый, но многие мысленно ставили себя на один уровень с воеводой, а то и выше него. Все они были состоятельными людьми, для которых война была чем-то традиционным. Они воспринимали её как рискованное мероприятие, в ходе которого был шанс несколько приумножить свой капитал за счёт трофеев. Вот только боюсь трофеями в скором времени могут стать лишь те недорогие кольчуги и сабельки, что имели эти чересчур уверенные в себе воины.

Место в авангарде было закреплено за мной и моими «боевыми холопами», как все их здесь называли, в ходе ожесточённой перепалки, в которой я смог склонить чашу весов, в роли которой выступала лояльность Михаила, в свою сторону. С чем связан такой спрос на это место? Так ведь до врага ещё далеко, а значит в первых рядах идёт не пушечное мясо, а напротив, люди серьёзные. Тут всё до банального просто: чем больше впереди тебя идёт людей — тем больше остатков их жизнедеятельности тебе встречается. И пусть лошадок на всю армию было чуть более трёх сотен, что в соотношении к восьми тысячам по местным меркам довольно скудно, навоза они производили предостаточно. Это только кажется, что смешно. А я для интереса проехался с минутку в самом конце, что по-военному называется арьергард. А всего минутку потому, что более не мог одновременно объезжать естественные препятствия на своём пути и бороться с собственными позывами от неопишуемого амбре ароматов. А вот вчерашним крестьянам хоть бы хны. Ну, люди привыкшие, что тут сказать.

Вернувшись к передней части колонны, мне на пути так удачно встретился мой фактический командир, который, как мы оба понимали, власть надо мной имел сугубо формальную.

— Алексей! — Окликнул его я.

— Саша? Ну как там позади? — С усмешкой спросил опытный сотник.

— Ты не поверишь — замечательно, — Вернул я ему саркастический должок, — Сам обязательно посмотри!

— Ну конечно! Ты по делу? Али так, время скоротать?

— Да уж по делу, — Заверил я его, — Как-то запомнил спросить. Как считаешь, долго мы вот так идти будем?

— Хм, — Он задумался, — Ну ежели всё хорошо будет — через две седмицы дойдём. Времени мало, так что мнится мне, одной дневкой в седмицу придётся ограничиться. А что, не терпится свеев побить?

— Ага, прям мочи нет, — Хмуро ответил я. Однако Алексей, по всей видимости, заметил мои пессимистические взгляды и как заправский политрук стал внушать мне про непобедимость русской армии.

— Да ты не сомлевайся, мы этих северян быстро назад повернём! — Он угрожающе

замахал кулаком.

— Кто "мы", Лёша? — Я впервые обратился к нему разговорным именем, — Здесь тысяч восемь, да потом столько же. Шестнадцать тысяч голов, из которых воинов — от силы пять сотен.

— Так ведь сколько ж народу! — Перебил он меня, — Порубим мы их в капусту!

— Генрих был в Швеции. Он видел и сотни кирасиров и полки пехоты. Мы с ним прикинули — свейский круль в лучшем случае выставил порядка тридцати тысяч своих воинов, — С каждым моим словом лицо Алексея обретало всё больше негодования. Каждый звук словно вбивал гвозди в крышку гроба его уверенности, — Вот скажи мне, Лёша: тебе за всю жизнь с кем воевать приходилось?

— Т-то есть? — С уже почти бледным лицом спросил он.

— Ну, с какими врагами?

— Ну так э... — Он вновь задумался, — я ж до того как в Новгородский полк попал — много где биться успел: с сибирскими татарами, астраханскими, казанскими, конечно. А раз даже с крымскими! — Вновь возгордился он.

— Вот! Ты всю жизнь воюешь с оборванцами из степи у которых дай бог одна дырявая кольчуга на десяток. Они кочевники. У них просто не может быть реально мощной армии, — Я сделал паузу, чтобы мой сотник мог переварить мной сказанное. Говорил я твёрдо, но негромко, дабы не плодить лишних ушей, — Может у татар все конными и выходят. Вот только какой под ними конь? Чаще всего — дохлый меринок. Их много и они слабы. Шведов же, — Я указал рукой в направлении нашего движения, — Много, но они в разы сильнее и крепче татар. Им хватит одной конницы чтобы разбить нас в пух и прах. А конными у них хорошо, если каждый пятый выходит.

— Так ежели всё так плохо — чего ты согласился? — Усомнился Алексей.

— Потому что со мной — у вас есть шансы, — Уверенно отрезал я, — Немного. Но, боюсь, без меня вы все останетесь лежать в холодной карельской земле.

— Да прям уж! — Снова завёл свою упрямую песню сотник. Ещё с минуту мы ехали в напряжённом молчании, — Я видел тебя в деле, Саша, — Тихо начал он, — Да и рассказывали зеваки как ловко ты того татя московского разбил, — Он замолчал, окунувшись в задумчивость, — В общем так. Ежели всё и вправду так плохо — я с сотней буду держаться подле тебя и слушать тоже тебя. Михаила в этом ты не убедишь. Он даже если орду увидит — войско в бой поведёт. Но на меня ты, — он вновь сделал тяжёлую паузу, — На меня ты можешь рассчитывать.

— Хорошо. Мне твоя помощь неоценима. Спасибо! — Я попросился с сотником и медленной рысью устремился к своему обозу. Это что же получается? Алексей только что заявил о своём желании переметнуться на мою сторону если вдруг станет жарко? Ну, то есть фактически мы и так на одной стороне. Вот только боюсь до первой крови остальные на вряд-ли станут меня слушать, в лучшем случае доверившись воеводе, а в худшем — кто у кого в авторитете. Тогда нас там точно в блин раскатают. Конечно, четверть тонны разного рода диверсионных прикамбасов могут несколько изменить положение дел. Но вот, боюсь, без общего взаимодействия всей армии даже это не переломит исход сражения.

По моим расчётам сейчас восьмое августа. Если допустить, что возникнут издержки, проблемы с погодой или, что не удивительно, со снабжением — мы можем провести только в пути туда порядка двадцати дней. Ведь две недели — это лишь самый позитивный прогноз, основанный на минимальном влиянии всех негативных переменных. Плюс как минимум

столько же нам предстоит протопать в обратном направлении. Если, конечно, будет, кому топтать. Не знаю, сколько там обычно велись многотысячные сражения, но если нас не развеют в прах в первом же крупном столкновении — домой мы вернёмся к середине сентября, никак не раньше. Если на Земле не действует ни один из малых ледниковых периодов — местный климат мне был знаком. И в целом до серьёзных холодов, по моим расчётам, мы успеваем вернуться. Если, конечно, воевода в случае героической победы не решит продолжить победоносное шествие и осадить какой-нибудь Выборг. Зимовку в этих широтах даже треть такой армии ну никак не выдержит. Ведь никакой тёплой одежды большинство солдат, разумеется, не имело. Да и на подножном корму по снегу далеко не уедешь. Впрочем, Михаил может и наивен в плане оценки своих сил, но явно не дурак, а потому дезертирские мысли на этот счёт можно пока отбросить.

Я вернулся к своему обозу, зацепил всё ещё не очень послушного коня к замыкающей телеге и улёгся на кажущийся периной после жёсткого седла мешок крупы. Только сейчас я действительно понял, что хочу домой. В смысле к себе домой — в двадцать первый век! Вся эта средневековая суета, войны, интриги... Как же всё это дико для цивилизованного человека. А может, как в книжках фантастических писали? Ну, помру вот я сейчас и та же сила меня обратно в моё время и забросит? Подумать только: чуть больше месяца назад я имел огромное богатство. Не в смысле материальное, хотя даже бесплатные блага прогресса здесь были бы кстати. Я был богат просто потому, что был спасён от всего этого. И все-таки человек — существо невероятно эгоистичное! Вот забросит меня сейчас в каменный век, или вообще — к динозаврам. И тогда мне уже эта жизнь мёдом покажется. А может и нет? Ведь там как: сожрёт тебя какая громадина, ну значит судьба. А тут? Нет, и тут скажут, мол бог забрал. Но имею ли я чисто моральное право сейчас помереть? Да даже если и вернусь я к себе, кто этих людей спасать будет? Ведь эта реальность, как я понял, течёт параллельно нашей. И с моим уходом никто весь этот поход на паузу не поставит. Вот слетать бы к себе, прибарахлиться тонной-другой разного рода полезностями и назад. Ведь все эти люди: купцы, ремесленники, войны, крестьяне. Их жизни, их судьбы висят на мне. Хотя они этого и не знают. А через неделю к ним прибьётся ещё столько же. Шестнадцать тысяч взрослых душ... Вроде бы не так чтобы и много в масштабах целой страны. Держу пари, царь больше потерял в этой войне с казанцами только от проблем со снабжением. Но какая же это сила в правильных руках! Да если бы я хоть кусочек от этого смог направить в нужное мне русло — я бы больше не нуждался здесь ни в чём. Да и морально неправильно было бы бросить их практически на смерть. Нет, нельзя мне сейчас помирать. Я открыл глаза, сел и ещё раз оглядел кажущуюся бесконечной колонну, уходящую в даль и скрывающуюся за лесным поворотом. Точно нельзя. Отказываться уже поздно. Я — шанс для этих людей. Спасти их от гарантированного поражения — моя задача. Спасти их — теперь уже мой долг.

Я спрыгнул с телеги, уже почти без труда влетел в седло и, ударив в толстые бока своенравного скакуна, галопом помчался вперёд. Меня проводили удивлённым взглядом, но ничего не сказали. Действительно — ну решил барин развеяться, так чего ж ему мешать? Тем более что средства позволяют. Разогнавшись до предела, я поразился, как быстро пролетают разномастные деревья и не заметил, как буквально через пол минуты вылетел из лесной чащи. Проскакав в таком темпе ещё пол сотни метров, я решил более не изнашивать животинку и, натянув поводья, перешёл на быструю рысь. Свернув с тропы вправо, я покорила небольшой холмик и остановил коня прямо на нём. Польский жеребец жадно вдыхал широкими ноздрями тёплый августовский воздух. Я тоже тяжело дышал, как-то

незаметно переняв его отдышку. В благодарность похлопав его по шее, я посмотрел вдаль, сиюсь заглянуть за горизонт. Эта дорога — испытание на пути к великой цели. В путь!

Интерлюдия. Курсант Кузнецов.

Я в нерешительности стоял перед дверью, в которую ещё мгновение назад был готов влететь на крыльях воодушевления. Просьба моя была откровенно наглой и необоснованной и полковник запросто мог отказать мне в столь непотребном, на первый взгляд, вопросе. Наконец, собравшись с духом, я коротко постучал и, услышав столь же заветное, сколь небрежное «войдите», буквально заскочил в кабинет.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться? — Немолодой офицер с редкой сединой медленно и устало поднял на меня свой внимательный и цепкий взгляд.

— Я слушаю, курсант. — Он отложил ручку, которой совсем недавно что-то с интересом выписывал и с кажущимся интересом уставился на меня.

— Товарищ полковник, вот, — Я протянул ему листок формата А4 с заполненным по форме устава рапортом. Он взял его, с полминуты быстро и хмуро читал, после чего положил и вновь посмотрел на меня.

— Значит, ордер вам нужен? — Усмехнулся он.

— Так точно! — С готовностью ответил я.

— На обыск? — Он вдруг улыбнулся, закрывая ладонью свою не по годам белоснежную улыбку, — А на каких, простите, основаниях?

— Ну как же? В деле с лабораторией единственный подозреваемый называл этот адрес. Я вообще не понимаю, почему его до сих пор не проверили.

— Ах вот оно что. Тогда вам, должно быть, известно, что подозреваемый Александров был признан невменяемым и все его показания аннулированы.

— Но ведь нужно проверить все возможные варианты! — Не унимался я.

— Товарищ курсант, — Уже гораздо строже вспыхнул полковник, — Дело о подпольной лаборатории закрыто по статье двести двадцать восемь и, частично, сто семнадцать. Следовательно, ни о каких дальнейших обысках речи идти не может. — Он протянул мне мой рапорт назад, — Продолжайте работу, Кузнецов.

Глава 2. «Первый день и первая ночь»

Никогда бы не подумал, что пятиминутное единение с природой так положительные скажется на ясности моей мысли. Стоя вот так вот на пригорке близ лесной чащи я как будто очистил свою голову от всего ненужного, придав какой-то неведомой лёгкости и светлости разуму. Передо мной открылся донельзя восхитительная картина, которая, наверняка, стала бы пейзажем какого-нибудь художника-живописца, если бы такие здесь, конечно, водились. Бескрайние просторы с наслоенными друг на друга лесами, полями, холмами и оврагами, речушками и полянами. Где-то далеко впереди хмурились тучи и сверкала молния. Видя подобное, хотелось воевать уже не столько за что-то материальное и даже не за собственную жизнь. Хотелось биться за каждый клочок этой прекрасной земли. Неужели в прошлом природа действительно была столь прекрасна? Похоже, что бесконечно набирающий обороты технический прогресс — штука столь же полезная, сколько разрушительная и беспощадная. Проникнувшись моментом, даже конь и тот прекратил своё бесконечное фырканье и сопение, полностью имитируя звуком камень.

Не знаю, сколько бы я вот так вот простоял, любуясь этим, безусловно, фантастическим пейзажем, если бы уже спустя пять минут позади не послышался многочисленный топот бегущих рысью всадников. Это Генрих во главе обоих моих пятёрок спешил проверить, всё ли у меня в порядке. Стоит признать, что внешне не сразу можно было отличить знатного немецкого дворянина от моих «боевых холопов», как тут было принято говорить. Да, его выдавал, пожалуй, только лишь блестящий доспех и гораздо более уверенная посадка в седле. Остальные же одиннадцать человек, не смотря на свой фактический статус, на самом деле не выражали какой-то обыденной рабской подавленности, присущей остальным боевым холопам. Они не уступали Майеру ни физическими габаритами, ни твёрдостью взгляда. Всё верно, ведь этих, ещё по сути отроков я воспитывал не как рабов, которым предстоит взять в руки оружие, а как полноценных воинов. Даже больше скажу — как рыцарей. Ну, по крайней мере начинал. Да, базового воспитания или образования они получить не успели. Но зато их тренировки проходили в таком формате, что они чувствовали себя в некоторой степени равными даже своему хозяину, из-за чего они сейчас хоть и понимали свой формальный статус, но на самом же деле чувствовали свою принадлежность к куда более высокому слою общества.

— Александр, друг мой, всё в порядке? — Майер был спокоен, но ситуация всё же требовала подобного вопроса.

— Да, Генрих, всё хорошо, — Ответил я, вновь оборачиваясь лицом к природе, левой рукой легонько поглаживая гриву коня, — Ты только глянь, какая красота!

— Да, впечатляет, — Он был не так восприимчив, но всё же отдал должное живописному пейзажу. Мы постояли так ещё минуту, — У нас совсем нет шансов? — Уже окончательно расслабившись спросил он.

— У нас всех — есть. Только лишь у них, — я сделал сложную даже для самого себя паузу, — Ни единого. Мы нужны этим людям. Без нас они, увы, обречены на героическую смерть. — Я не стал уточнять, что на самом деле нужны были не столько мы, сколько я. Но ведь и в одиночку я обречён на провал.

— И какой же у нас план? — Уже не в первый раз поинтересовался он.

— Такой же, — Неопределённо пожал плечами я, — Выиграть сражение ещё до его

начала.

— Ещё две недели.

— И что же?

— За две недели многое можно успеть, — Подметил он.

— Можно, — Согласился я, — Но не в масштабах этой армии, — Указал я рукой в сторону медленно выходящей из леса колонны, — Это в большинстве своём не воины. Крестьяне, ремесленники, торговцы — да. Но не воины.

— Ополчение, — Задумчиво протянул Генрих.

— Я считаю, что это крайняя мера. — Отмахнулся я в ответ.

— Почему же?

— Всё в этом мире, друг мой, в идеале должно стоять на своём месте. Рыба — в реке, птица — в небе, купец — за прилавком, крестьянин — в поле. Воевать же должны воины.

— Так ведь дорого выходит столько воинов держать! И ладно война, а когда мир?

— А когда мир — не платить воинам за службу, — Высказал я на первый взгляд бредовую идею.

— Так а на что же им жить-то тогда? — Предсказуемо спросил Майер.

— А в мирное время никто не запрещает им поле пахать, торговать, ремеслом заниматься.

— И чем же они будут отличаться от простых крестьян и кустарей?

— Тем, что во-первых это люди государственные и куда их царь направит — туда они и пойдут. А чтоб воинскую выучку не растерять — они, скажем, четыре раза в год, целую седмицу будут упражняться. Да не так, как мои гвардейцы, а ещё сильнее. В эту седмицу и конному бою их обучать будут, и пешему, и строевому, и потешные баталии разыгрывать. В общем всё, чтобы они оставались сильными, выносливыми и...

— Дисциплинированными? — Блеснул он новым для себя словом.

— Именно. Такая армия будет гнать взашей всех татар и на равных биться с западными крулями. Государство же при таком укладе цвести и пахнуть будет.

— А ты почем знаешь?

— Знаю Генрих, знаю. Да и логично это. Ведь ежели все воины будут при государе, то помещики нормально развернуться смогут. Ведь им не придётся верстаться на службу, выезжать подолгу с поместья своего. А воины эти в мирное время могут огромную пользу принести. Ну ты представь, если, скажем, десять тысяч взрослых, здоровых мужей будут пол года только пахать, да зерно сажать? Это ж сколько голодных ртов они закроют? А сколько золота принесут в казну, если их под ремесло какое подрядить? Вот то-то и оно, — Я стоял, смотря в даль и поглаживая своего жеребца. Генрих же стоял рядом, также любуясь видом и находясь в глубокой задумчивости, — Ну, по коням, друг мой. Нет никакого желания отстать от начала колонны.

Проезжая мимо десятка отдалённо напоминающих орудия агрегатов, я решил поинтересоваться на счёт нашей огневой мощи. Честно говоря, увиденное не вызывало уверенности. Артиллерия — бог войны, безусловно. Но в моём случае мне предстал скорее зародыш, мелкий божок, но никак не бог. Я не был большим спецом, но даже мой неопытный взгляд зацепил несколько деформаций на стволах, пару сколов и, по моему, одно орудие даже было откровенно кривым. Одно можно сказать точно — с такими пушками много не навоюешь.

— Эу, пушкари! — Я окликнул восседающих на одной из телег мужчин. Остальные шли

своим ходом и только эти предпочли ехать в телеге вместе с ядрами и порохом.

— А, Александр! Видели, знаем! — Мне ответил бородастый мужичок. Своим приземистым ростом и плотным телом он напоминал гнома. Да ещё и борода эта. Нет, ну точно со страниц Толкина сбежал, не иначе, — Чего, интересно на пушки глянуть? — С ухмылкой спросил он.

— Да какие ж это пушки? Вон, эта вообще кривая, а на той вмятина. Вы как воевать-то собрались, друзья мои?

— Ну, понимаешь! — Он обиженно проворчал что-то невнятное и с обидой отвернулся.

— Ну ладно, не дуйся ты! Я ж и правда спросить хотел. Вас как звать-то, пушкари?

— Меня Федотом кличут, а вот этот оболтус, — Он отвесил оплеуху своему соседу, — Что решил тогда аж целый рубль супротив пятёрки Фёдора поставить — Аникей, — Второй скупно поздоровался, впрочем, не задерживая на мне своего внимания. Ага, значит проигравший. Ну что же ты так, аж целый рубль... Впрочем, проиграл и спасибо. Мне для моих целей и одного пушкаря хватит.

— Слушай, Федот, а сколько ядер у вас всего?

— Так э... — Он задумался, но спустя несколько секунд всё же выдал, — Пол сотни ровно.

— Всего лишь?! Так это ж пять ядер на пушку! Если они, конечно, эти пять выстрелов сделают и не развалятся.

— Эге-гей, ты пушочки-то не трогай. Добрые пушки, нормальные. А ядер достаточно. Их же чтобы все выстрелить — пол часа едва хватит!

— Вы что, ради одного выстрела больше шести минут готовитесь? — Я потихоньку начал вскипать.

— Ну это ежели без ветра, да всё хорошо пойдёт, — не понимая моего раздражения, заверил он.

— Уф, хорошо. Допустим. А пороха сколько при вас?

— Так ведь дюжину пудов взяли. Думаем, не много ли. Всё ж таки если рванёт, то...

— Чуть больше пуда на орудия, — Мрачно констатировал я.

— Ну да, — Вновь не поняв моего пессимизма подтвердил низкорослый пушкарь.

— Хорошо, — Вздохнув, сказал я, — А картечи много у вас?

— Чего? Какой такой «кар-течи»?

— Ну конечно! Вот чего так пороха мало! — Скорее взывая к небесам проворчал я, — Артиллеристы, мать вашу! Боги войны вы недоделанные. — Всего этого удивлённый пушкарь уже не слышал, поскольку я, ударив в быстрый галоп, уже нагонял авангард колонны.

Впереди меня уже ждал в задумчивости едущий Генрих. Похоже, мои слова произвели на него какое-то впечатление. Когда я подъехал ближе, он как из ступора вышел.

— Саша, я тут подумал. Так ежели так всё хорошо, чего ж раньше никто так не сделал?

— Всё, да не всё, — Неопределённо ответил я.

— Это как?

— А так. Понимаешь, истина-то она вот, считай на поверхности лежит. А многие её и не видят. Нет пока нужды в такой системе.

— Да-а. А ведь я прикинул, это ж сколько плюсов выходит! Ведь ежели все воины царю лично принадлежат, то и бунтов меньше должно стать.

— Не знаю, Генрих, — Пожал плечами я, — Я лишь высказал свои предположения. А

как оно на деле будет — то я не ведаю, — После этих слов мы продолжили путь в молчании. Лишь топот десятков копыт и сотен ног разбавлял вязкую тишину, которая, подобно дёгтю, сковывала разум и тело.

Спустя несколько часов томительной езды, когда уже начало вечереть, показалось небольшое озерцо, одно из многих, коими была буквально утыкана местность вокруг. В связи с этим был торжественно объявлен привал. Люди стали разбредаться по округе. Восемь тысяч ртов грозились заполнить близлежащие окрестности и изрядно истощить местную флору и фауну. Ну прямо миграция неандертальцев, честное слово. Ни а каком порядке речи идти не могло. Воевода просто физически не мог контролировать и координировать действия столь большого скопления людей. Да и координироваться они не очень-то стремились. Казалось, вот выскочит сейчас из-за поворота пол тысячи шведских кирасиров и всё. Прямо тут всех и положат. Причём когда начнут активно помирать первые, последние ещё даже не узнают об угрозе. М-да, такая организация армии ничего хорошего не сулит. Но это я ещё не видел, как они лагерь организуют. Может, там вообще атас и половина всего народу уже завтра как-то резво сократится вследствие санитарного беспредела и прочей бурды, что так активно выкашивала средневековые армии, которые банально не доходили до поля боя.

Всё оказалось плохо, но не критично. Я, в целом, угадал со своими предположениями. Конечно, о внезапном разделении всей армии на больных и истощённых и тех, кому повезло, пока рано. Всё же не в таких уж животных условиях они собирались провести ночь.

Первыми организовали стоянку или даже некоторое подобие лагеря мои гвардейцы. И дело вовсе не в том, что шли мы в самом начале колонны. Вон, уже солнце почти село, а эти полковые полу-воины всё никак не закончат с обустройством своих палаток и лишь сейчас начали разводить костры. У нас-то весь этот процесс в некоторой степени автоматизирован. По команде «привал» кто-то в быстром темпе подпрыгивает на поиски и доставку воды к стоянке, часть людей ставит подобие палаток, защищающих разве что от дождя и комаров, остальные же разводят костры, выгружают из телег походный инвентарь. Звучит, может, и сомнительно. Но вот только наши с этим в двадцать минут уложились, в то время как остальной полк вот уже почти час как возится с этой задачей. Всё потому, что они просто не знают порядка. Их действия беспорядочны и импровизированы. Почти всё основано на примитивных инстинктах, не знающих дисциплины. Помимо абсолютной сумбурности в подготовке, их лагерь не отличается какими-то техническими изысками. Для них даже воду вскипятить дело хоть и знакомое, но, похоже, непосильное, а потому подавляющее большинство предпочло сэкономить время и довериться микрофлоре пруда. И только лишь сотня Алексея, специально расположившаяся рядом со мной, старательно копировала устройство нашего лагеря. Что ж, похоже Алексей неплохой оратор, раз сумел убедить этих самодовольных остолопов в правильном взгляде на жизнь.

Не видя опасности или по собственной глупости на всю армию, похоже, не было выставлено ни единого поста. Наверное, лишь двое из моих гвардейцев ближе к ночи не приняли горизонтального положения. Даже в сотне Алексея я не заметил какой-то настороженности. Дежурство было решено организовать в четыре ночных смены, по два часа на каждую пару. Да, фактически мы сейчас на своей территории и бояться некого. Но так пусть думают далёкие от настоящей армии сотники, десятники, самодовольные помещики и ещё более далёкое ополчение, что всем скопом завалилось спать, напившись перед этим сырой воды(а те, кто побогаче, не только воды) и кое-как наевшись подгорелой каши. Сейчас

угроза может и минимальна, но всё же я считаю, что нельзя не придерживаться простого правила: проиграет тот, кто первым потеряет бдительность. Ну что ж, похоже, стоит показать уверенному в себе Михаилу, к чему может привести его самонадеянность.

Гвардейцы плавно готовились к команде «отбой», но, как заведено, не снимали ни доспехов ни оружия до этой самой команды. Я подошёл к одному из двух вяло потрескивающих костров, возле которого сидел Иван, доедая свой вечерний паёк. Стоит заметить, что все гвардейцы в походе питались одинаково. Пожалуй, на все восемь тысяч они имели самый стабильный и сытный рацион питания. Помимо долгохранящихся сухарей и круп, что являлись самой распространённой в походе едой они также получали сушёное и солёное мясо, рыбу и даже небольшое количество сладкого в виде мёда и варенья. О таком разнообразии даже в мирное время многие ополченцы и подумать не могли. Так вот сидел Иван перед костром и увлечённо жевал кусок солонины. Завидев меня, он подскочил было, вытянувшись по струнке, но я остановил этот жест железной дисциплины говорящим жестом руки:

— Да ты сиди, сиди, лейтенант. Жуй долго и вдумчиво! У меня тут план созрел.

— Слушаю, командир, — С набитым ртом поспешил ответить он.

— Вот слушай и ешь! Нечего тут говорить не дожидаясь. Так вот внимай сюда: этой ночью собирай пятёрку лучших бойцов...

Интерлюдия. ...???...

Группа совершенно непохожих друг на друга людей вышагивала по широкому коридору аутентичного средневекового замка. Их объединяло лишь одно: невероятная сила, уверенность и власть, готовая в любой момент вырваться из их тел. Казалось, все они будто бы ожившие великаны, гении мысли, стратегии, политических интриг. Когда они подошли к большой деревянной двери в конце коридора та отворилась, как будто порыв ветра распахнул её, словно калитку. В совсем не сочетающемся с местным интерьером кресле, смотря в пустоту, сидел мужчина средних лет. Когда вся компания вошла в большой зал, а ворота также бесшумно и быстро закрылись взгляд мужчины резко сфокусировался и он окинул вошедших доброжелательным взглядом:

— А, друзья мои! Я так заработался, что не заметил, как вы вошли! Итак, я оторвал вас от ваших важных дел с одной целью. — Он не по годам резко вскочил из своего сидения.

— Снова залётный, сэр? — Поинтересовался мужчина с запоминающейся улыбкой.

— Именно! Но прежде чем я начну, ещё раз, не нужно обращаться ко мне так, агент ДК. Все эти сэр, господин, товарищ... Что там у вас ещё?

— Доминус! — С улыбкой подметил мужчина в белой накидке.

— Или Сеньёр, — Невзначай заметила длинноволосая девушка.

— Да, да, благодарю агент ГЮ, агент ЖД. Всё же разнообразна наша история донельзя И ещё. Снимите вы уже с себя это барахло! Выглядит, мягко говоря, комично!

— Извините, — Мужчина, до этого дымивший большой деревянной трубкой сделал большую затяжку и наконец выбросил её на пол, где она моментально испарилась, — Очень легко привыкнуть ко всему раритетному. Да и идёт мне эта форма... — С этими словами не без акцента он поднёс указательный и средний палец к виску и сделал мимолётное движение. После этого всё их разнообразие одежды моментально сменилось строгими, чёрными, облегающими костюмами.

— Я понимаю, агент ИС, но таковы правила.

— Правила — это хорошо! — Иронично заметил он, улыбнувшись в густые усы.

— Перейдём к делу, друзья. Я прошу прощения, за то, что оторвал вас от ваших заданий. Мы наблюдаем вот уже третье несанкционированное вмешательство в реальность Б-24 при помощи технологии, косвенно открывающей временную завесу. — Позади мужчины появилась трёхмерная презентация, на которой менялись соответствующие голограммы. — Подобные опыты ставят под угрозу не только существование ордена, но и безопасность планеты. В симуляции уже обыгрываются вмешательства, способные навсегда закрыть для человечества эту технологию. Конечно, пока не придёт время.

— Разрешите вопрос, — Поднял руку тёмный низенький мужчина.

— Да, агент МГ, что вас интересует?

— А может послать в основную реальность кого-то из нас? Ну, мы люди опытные, всё же столько симуляций за спиной.

— Агент МГ. — Начальник устало прикрыл глаза. — При всём уважении, я считаю, что вам не стоит растрачивать дарованное бессмертие на подобное. Угроза уже почти устранена, так что занимаетесь, лучше, своим делом. Как там, кстати, ваш британский вопрос?

— С каждой попыткой всё лучше и лучше! Если вспомнить, как было в начале...

— Да, все мы помним изначальную судьбу вашего участка. И кстати, почему вы до сих пор в старческом облики?

— Ах да, конечно, — Он снова провёл пальцем по виску, разом скинув лет тридцать. — Пытались предотвратить покушение в одной из симуляций. — Виновато извинился он.

— Хорошо. Так вот. Реальность Б-24 находится на временном карантине. Как вы помните, это одна из самых отдалённых и неточных относительно источника реальностей, а потому её потеря не вызовет больших проблем.

— Вы планируете её уничтожить? — Спросил мужчина с бакенбардами.

— Что вы, агент АЛ, откуда такая жестокость?

— Ох, прошу меня простить, я только что с гражданской войны... Кстати, в этот раз она закончилась на три дня раньше!

— Да? — С сомнением спросил главный в разговоре, — А потери?

— Незначительная разница, — Со скрипом ответил он, — Да и покушение, гады, снова готовят.

— Не надоело умирать? — С усмешкой спросила девушка.

— Ну, хоть не на костре, — Съязвил в ответ он.

— Пф, — Обиженно отвернулась она, — В этот раз я почти сбежала!

— Довольно! Отвечая на ваш вопрос, агент АЛ, скажу, что реальность будет существовать до тех пор, пока последний гость из будущего не умрёт.

— А если он не последний?

— Мы не уверены в том, что карантинная зона спасёт от преступного проникновения. Во всяком случае, путём симуляции почти найден был идеальный вариант уничтожения последнего аппарата, способного на такие разрывы.

— Он один?

— Вообще их было несколько, но... Прошлое таково, что один был потерян под завалами Берлина в сорок пятом. Агент ИС, ваш участок. Один стоит где-то, пропитанный насквозь радиационным фоном близ Чернобыля, а один совсем недавно был превращён в решето в ходе контртеррористической операции в первой половине двадцать первого столетия. Последний образец мы отслеживаем. Думаю, ещё недельку симуляций и можно будет действовать без опаски. Это дело я возьму на себя. Все свободны, можете возвращаться

к своим непосредственным обязанностям. — Вся группа синхронно развернулась и, вновь принимая свой изначальный облик, последовала в обратном направлении.

— Вперёд, на спасение мира! — Шепнул им в след мужчина, вновь наклонясь над какой-то трёхмерной проекцией.

Глава 3. «Операция «Ы»»

Пять силуэтов стояли передо мной, вытянувшись в струнку. Слабо потрескивающий костёр тёплым но тусклым светом освещал их лица. Густой туман стелился по земле, грозясь дотянуться до горизонта. Лейтенант Иван, два сержанта — Фёдор и Елисей и ещё двое абсолютно не похожих друг на друга рядовых стояли, словно оловянные солдатики, ожидая моей команды. Один из рядовых был светловолосым, высоким и весьма сильным. Он по национальности то ли норвежец, то ли финн, я так и не понял. Второй же, как будто его диаметральной противоположность: низенький татарин с раскосыми очами, словно сбежавший из поэмы Блока об ускоглазых и отважных скифах. Он не отличался большой силой, но зато в выносливости и скорости ему не было равных. К тому же он оказался единственным из всех гвардейцев, с самого начала уверенно севшим в седло. Ох и проклинал же он своего схожего собрата по нации из другой пятёрки, что не отличался подобными навыками. Похоже, у степняков стыдно не знать седла и не уметь в нём держаться.

Меж тем первые проблески солнца стали показываться из-за горизонта. Пока ещё почти незаметное, в ближайший час оно грозило осветить громадную стоянку русской армии, оповестив всех о продолжении похода.

— Ну, пора, ребята! Перед рассветом самый сладкий сон, сейчас и начнём действовать. Все помнят свои задачи? — Я провёл взглядом по их серьёзным лицам.

— Так точно! — Многоголосный шёпот послужил мне ответом.

— Бьёрн, повтори цели операции, — Обратился я к светловолосому здоровяку, что уже почти догнал меня по росту.

— Ну, значит, провести разведывательно-диверсионную вылазку с целью сокращения численности состава потенциального неприятеля, — С трудом для себя выпалил он, нещадно коверкая незнакомые не только для него самого, но и для всей эпохи, слова.

— И всё? — Вопросительно поднял бровь я.

— А, ещё это, — Он нахмурился, вспоминая заученные термины, — Устранить высокопоставленного офицера противника, — На выдохе, уже почти задыхаясь, произнёс скандинавец.

— Добре, рядовой. Ты молодец, — Я выразил лояльность его стараниям, — Всего с восьмой попытки. В целом, неплохо, — Тот в ответ на похвалу засиял от радости. Да-а, падки местные рабы на лесть, им падающую сверху. Ну, в смысле, бывшие рабы, конечно.

— Операции присваиваю название «Ы», — процитировал я никому здесь неизвестную фразу.

— Командир, — Подал голос любопытный Елисей, — А почему именно «Ы», — словно подыгрывая мне спросил он. Вообще Елисей отличался от Фёдора некой игривой искоркой в глазах, которая, впрочем, могла легко смениться серьёзностью, если это потребуется.

— Чтобы никто не догадался, — С готовностью ответил ему я, чем вызвал на его лице лишь мечтательную задумчивость. — Действуем согласно установленному плану. Три направления, три пары. Как только увидите сигнал — бегом на конечную позицию, — Все пятеро кивнули и наша группа, выстроившись в колонну, медленным бегом рванула к цели.

Спускаясь с невысокого холмика, мы погружались в тот самый молочно-ватный туман, что приятно затягивал влагой ноздри, серьёзно ограничивая видимость. На подступах к лагерю мы разделились, как договаривались заранее. Я специально распределил пары таким

образом, чтобы сержант не попадал со своим подчинённым. Сам же я взял в свою группу на первый взгляд неуклюжего татарина. Неопытный человек может увидеть в нём крупного кабана, отвыкшего от активной жизни и ничего не понимающего в военном деле. Но это лишь обманчивое впечатление. На самом же деле в большинстве занятий Мурат, именно так звали парня, на голову превосходил остальных в своей пятёрке. И это при том, что остальные тоже неплохо справлялись с поставленными задачами. Движения его тела, что совсем недавно казались неуклюжими, вдруг приобрели какую-то грациозность и плавность, стоило нам приблизиться к потенциальной опасности. словно степной волк, он инстинктивно почуял неладное, пригибаясь и сгибая ноги, как будто готовился в любой момент кинуться вперёд или напротив — отпрянуть назад.

Как и ожидалось, ни одного, даже самого захудалого часового мы не встретили. Что ж, самоуверенность воеводы сейчас играла с ним злую шутку. Огромная поляна разношёрстных палаток раскинулась вдоль берега озера. Большинство же и вовсе предпочитало сон под открытым небом, согреваясь лишь затухающими к утру кострами. Правильно, ведь часовых нет и костёр заправлять некому. Я подобное единение с природой, конечно, не одобряю, но кто ж меня слушать станет? По-крайней мере пока.

Нашей целью была палатка, серьёзно выделяющаяся на фоне остальных. Большая и раскидистая, она возвышалась над меньшими собратьями, словно величественный дуб в молодом ельнике. И смотрелась она также неуместно. Вот подсветить её на фоне ночной темноты, пусть даже не поджигая, а простым факелом. После вывести поближе батарею из десятка орудий и отутюжить ориентир по полной. Ведь сразу понятно, что в таком, не побоюсь этого слова, шатре, далеко не последний холоп расположился. И всё, нет больше у армии гения-стратега. Правда, в нашем случае со смертью Михаила количество гениев в армии, пожалуй, всё же не изменится. Может, воевода и славный воин, и людей командирским голосом повести за собой может, но всё же не генерал он. Нет в нём какой-то такой жилки, что отвечает за холодность и ясность ума. Такому бы роты в атаку поднимать, да громогласное «Ур-р-а-а» кричать. А он тут, видишь, командующий армией. Тьфу!

Меж тем мы с Муратом уже вышли на стартовую позицию и стали медленно продвигаться в глубь бескрайнего лагеря. Как и было условлено, всех лежащих под открытым небом мы помечали особым образом. Ничего сложного в этом не было: просто брали кусочек угля и, смочив палец в воде и замарав его чернотой этого самого угля, проводили пальцем по лбу ничего не подозревающих, спящих, подобно младенцам, воинов. В самом полку таких любителей покормить комаров оказалось немного, однако уже спустя пятнадцать минут мы с ловким татаринном «нейтрализовали» два десятка объектов на двоих. На первый взгляд — детская, ничего не значащая шалость. Вот только любому из моего отряда не составило бы ни физического ни духовного труда вот так же просто и быстро, как мы проводим пальцами по лбам, провести клинком по горлу мирно спящим воякам. Да и не пришло мне в голову более эффективной идеи.

Сейчас уже должен быть подан сигнал. Конечно, точного времени оставшемуся в нашем лагере часовому я не называл, но приблизительно обозначил промежуток для подачи этого самого сигнала. Я ещё раз взглянул в сторону лагеря, щурясь и силясь разглядеть в густом тумане то, чего нет. И вот, когда я уже собирался отвести взгляд и продолжить своё нехитрое дело, в дали блеснул жёлтый огонёк. Блеснул и тут же улетел на невероятной скорости в сторону озера, описывая в беззвёздном небе крутую параболу. А вот и сигнал. Я легонько толкнул в плечо своего напарника, оповещая его лишней раз о том, что пора двигаться.

Уже не обращая внимания на так заманчиво храпящие под ногами тела мы тихой рысцой двинулись к шатру воеводы. Подобно теням, проскальзывая меж редких палаток, тлеющих кострищ и мерно сопящих оборванцев, с которыми нам в скором времени придётся разделить судьбу воинов. Когда мы уже преодолели большую часть пути из-за туч предательски выглянул враг всех диверсантов и шпионов — луна. Молодая, ещё недавними ночами являвшаяся тонким месяцем, она повисла одиноким светильником, готовясь уйти на покой, уступая место изрядно подзадержавшемуся солнцу. Восток уже пожирало восходящее светило и последним рубежом обороны от жёлтого блюда оставался лесной массив. Но и он вот-вот падёт под натиском восстающего светлого зверя. И вся армия, весь этот громадный на мой взгляд восьмитысячный лагерь начнёт потихоньку просыпаться и в быстром темпе готовится к продолжению похода. Стоит поторапливаться.

Ещё пару минут бесшумного бега с препятствиями и мы подошли к той самой палатке, скорее даже шатру в два метра высотой и примерно пять на пять в длину и ширину. Странно, а я думал, такие излишества позволяют себе только лишь степняки, которые чтут традиции некогда великого востока. Ан-нет, вон оно как оказалось. Это ж какой шатёр тогда у самого царя? Или он всё же мужик умный и в век восхода артиллерии не станет совершать подобной глупости? Большой вопрос. Но, похоже, мне уже суждено оставить отпечаток в истории этого мира. Так пусть это будет не скромный отпечаток пальца. Пусть здешняя история запомнит меня как приложившегося к ней всем своим немаленьким телом.

Я осмотрелся. Так, а где же другие две группы? Неужели попались? Но, к счастью, мои опасения не оправдались. Вот Иван с Фёдором, пригнувшись, вынырнули из темноты. Не произнеся ни слова, мы обменялись жестами и выяснили, что всё прошло без происшествий. А где же третья группа? Я вглядывался во всепоглощающую и непроглядную темень. Но знакомые силуэты всё никак не появлялись передо мной. Мы ждали минуту, вторую, но их всё не было и не было. Что ж, четверо двоих не ждут. Ещё минута и придётся начинать без них. Я судорожно оглядывался по сторонам, как вдруг меня одёрнул Мурат, показывая пальцем в густую пелену тумана. Казалось, татарин лишь указывает пальцем в никуда. Я с подозрением посмотрел на него, но как только перевёл взгляд обратно на место, в которое он так активно указывал, заметил движение возле одной из палаток. Так и есть — Елисей, явно теряющийся на фоне здорового Бьёрна, рысцой и перебежками двигался в нашу сторону. Движения блондина были менее грациозны, но всё же оставались на приемлемом уровне. Наконец, третья группа бесшумно подошла к нам.

— Елисей, мать вашу, где вас черти носили? — Раздражённым шёпотом спросил я.

— Виноват, командир, — Вторил более тихим шёпотом сержант, — Забрели мы далековато, а как сигнал завидели, так сразу сюда и рванули.

— Ладно, не страшно. Вы всё-таки успели. Иван, Елисей, доложить о результатах.

— Восемнадцать целей нейтрализовано, командир, — Тихо отрапортовал лейтенант.

— Девятнадцать целей у нас, — Так же тихо доложил сержант.

— Хорошо, — Я подсчитал в мыслях общее количество. Вышло пятьдесят семь человек. Однако неплохо, если учесть, что нас всего шестеро. Уж не знаю, как работали бы настоящие диверсанты, но, учитывая полное отсутствие какого либо дозора, подобная ситуация вполне могла произойти. Возможно, когда придётся действовать в стане реального врага от подобных вылазок придётся отказаться. Всё же это довольно рискованно. Мало ли кому вдруг приспичит отойти по нужде. А тут, видишь ли, диверсанты хозяйничают. Нет, по тихому сокращать численность личного состава врага всё же не очень целесообразно.

Впрочем, как лишняя тренировка и доказательство беспомощности нынешней русской, или скорее новгородской, армии перед шведской данная операция подходила как нельзя кстати. Очень надеюсь, что Михаил задумается о какой-то реформации в организации войска после этой ночи.

Решив не портить казённого имущества, мы все вшестером сгруппировались у главного входа в палатку. По науке надо бы ворваться всем с разных сторон и, не теряя ни минуты лишнего времени, нейтрализовать цели, после чего делать ноги. Но, во-первых, ликвидировать мы вправду никого не собирались. Разве что контрастно разбудить вождя большим количеством острого металла возле его лица. Вот это, конечно, можно. А во-вторых палатка-то и вправду хорошая, а вход только один. И как-то не хотелось рвать такую хорошую вещь даже ради столь благой цели. Эх и эффектный же мог получиться штурм! Прямо как в крутых боевиках, которые я, впрочем, особо не смотрел.

Солнце, ещё недавно беспомощно грозящее где-то за горизонтом уже давало столько света, что наша конспирация постепенно сходила на нет. Ну вот теперь точно — пора.

— Маски, — Отдал я короткую команду и все пятеро тут же закутали свои лица по самые глаза в тёмную ткань. Лишь белокурый Бьёрн выделялся на тёмном фоне своими светло-молочными волосами. Не, ну точно японские ниндзя! Только катан за спинами не хватает. Шутки шутками, но такой вот спецназ реально мог переломить ход почти любого сражения. Ведь даже банально поднять шум посреди ночи, не давая противнику как следует отоспаться перед боем — значит несколько приумножить шансы даже численно не превосходящих союзников.

— Ну, вперёд, ребята! — Не успел последний звук слететь с моих губ, как громадный силуэт Бьёрна нырнул в тёмную тень палатки, как будто та безвозвратно поглотила его, подобно чёрной дыре. За ним последовали и остальные. Вскинув каждый свой арбалет, сержанты, подобно группе захвата, наполовину пригнувшись и выставив оружие перед собой залетали в постепенно становящуюся тесной палатку и, проведя мушками по каждому углу, становились на колени, готовые в любой момент среагировать на малейшее движение. Сами арбалеты, от греха подальше, болтов в себе не имели и, соответственно, заряжены были, выражаясь более современным языком, холостыми. Не хватало ещё ненароком шмальнуть Михаилу промеж глаз. Вот тогда точно аллес. И мне и всей военной компании в целом. Само это мероприятие подразумевало нешуточный риск. Но риск этот был оправдан незаменимой в деле разведчика и диверсанта практикой и, конечно, наглядным примером для воеводы и всего полка в целом.

Оторвавшись от размышлений, я последним шагнул в палатку, где по прежнему царил полумрак. Однако глаза мои уже привыкли к темноте и я смог быстро обнаружить на небольшом столе несколько сальных свеч. За время пребывания в этом времени я понял, что горят такие свечи уж очень тускло, зато чадят так, что жуть. Восковые тут, конечно, предпочтительнее, но и цена у них зачастую баснословна. Когда я всё же сподобился зажечь при помощи зажигалки из моего времени так не понравившиеся мне местные «светильники» в небольшой палатке разом стало гораздо светлее. Моему взору предстало небогатое, но всё же весьма интересное убранство шатра воеводы. Небольшой столик, о котором уже было замечено ранее, сундучок в углу и набитая соломой подстилка, на которой мирно храпел сам Михаил. Как бы так его разбудить? Хм, я и не подумал об этом. А впрочем... Заприметив ранее не замеченное мною ведро, наполовину наполненное на удивление прокипяченной водой, я взял его, вылил на землю застоявшуюся жидкость и со всего размаху бросил о

землю. Палатку наполнил режущий уши грохот. Однако нужный результат был получен: Михаил соскочил с места, испуганно озираясь. Его рука потянулась к сабле, стараясь нащупать знакомую рукоять. Я же поднёс к его лицу клинок своей сабли и, стараясь изменить свой голос, отчеканил:

— Стоять! Руки вверх! — Секунду поколебавшись и оценивая ситуацию, воевода всё же не стал сопротивляться. В его глазах читалось искреннее непонимание. Я еле сдерживался, чтобы не засмеяться, глядя на его испуганное лицо. Ну всё, пора прекращать этот цирк.

— Поздравляю, Михаил, — Уже своим голосом сказал я, — Ты убит! — И в подтверждение моих слов Фёдор, до этого держащий его на мушке, произвёл холостой выстрел. Щелчок тетивы заставил воеводу вздрогнуть и на секунду зажмуриться. Но, поняв, что он, почему-то, до сих пор жив, Михаил стал озираясь уже без испуга. Я стянул со своего лица чёрную ткань, явив ему наконец лицо, прервавшее его мирный сон.

— Ты?! Саша! Это чего такое, а?! — Страх и непонимание сменились гневом. У него просто не хватало слов, чтобы выразить всю степень своего недовольства.

— Я же сказал: ты убит. Вот будь на нашем месте тати какие или вовсе свеи: они б тебя даже спрашивать не стали бы. Раз, — Я провёл в воздухе саблей, имитируя короткий замах, — и нет у полка Новгородского воеводы!

— Так а чего ж ты-то всё это устроил? — Не унимался Михаил.

— А я тебе говорил: ставь часовых. А ты мне что?

— Так ведь свои ж все кругом! — Распалился он в ответ.

— Да пойми же ты: ежели ты людей с самого начала не поставишь туда, где они стоять должны, они после стоять там будут вовсе не так, как ты хочешь.

— Это как это? — Уже без гнева спросил он.

— Ну вот смотри: дюжину ночей армия пройдёт без караульных. А когда мы к свеям выйдем — ты их выставишь. Но будут ли они тогда нормально сторожить? Уснут в первый же час! А знаешь, почему?

— Так это, — Он задумался, как первоклассник над сложной задачкой. Я стал объяснять непреклонному воеводе тонкости армейской муштры. Что в походе, да в условиях военного времени, нельзя давать людям расслабляться. Что в походе вся армия не должна терять бдительности, иначе может случиться большая беда. Как я и ожидал, большого влияния на Михаила мои слова не оказали. Он по-прежнему упрямо фыркал, не желая вслушиваться в мои аргументы. Одно слово: консерватор. Впрочем, я и не рассчитывал на какой-то колоссальный успех в его убеждении. С самого начала я поставил себе цель в первую очередь поднатаскать в нелёгком деле своих гвардейцев. И, судя по всему, ещё раз проверить подобное у меня уже не выйдет, поскольку в глазах Михаила, как мне показалось, всё же промелькнуло зерно осознания, когда я в конце концов вернулся к значимости ночных постов.

Ещё больше впечатления на него произвели до смерти перепуганные солдаты, ворвавшиеся к нему с новостью о страшной болезни, что вдруг появилась у нескольких десятков человек. И тут я уже не мог сдержать смеха и под такими же улыбочивыми взглядами остальных диверсантов магическим образом вылечил пациента, просто проведя мокрой тряпкой по лбу. Потерпевшие по началу активно возмущались и негодовали. Однако их пыл как-то быстро остыл, стоило мне напомнить им, что унизила их, вообще-то, пятёрка отроков, что, по их мнению, причислены к холопам. Нет, ворчать они меньше не стали, но теперь уже делали это без ненависти и скорее для галочки, всё чаще бросая на меня

задумчивые взгляды. Казалось, теперь они готовы самостоятельно дежурить по ночам, только бы не допускать больше подобных случаев.

Глава 4. «Нет дыма без огня»

Я двигался в составе второй пятёрки, совершая запланированный манёвр через лесную чащу. Мне удалось выбить для себя и всех своих гвардейцев возможность во время похода отделяться от колонны по собственному усмотрению. Это было очень важным для нас приобретением, ведь теперь мы могли свободно оттачивать мастерство верховой езды. Да и показать местным разведку конными разъездами было бы неплохо. Медленной рысью, дабы не рисковать собой и скакунами, мы продвигались по узкой тропе. Не подкованные копыта отбивали мерную глухую дробь по мягкой летней почве, тянущую в сон. К таковому располагало и окружение: монотонное пение птиц, шум листвы в верхушках немногочисленных клёнов и берёз. Прямо-таки лесом назвать это было сложно, скорее просто лесная просека, густыми кустарниками скрывающая дорогу, по которой в ближайшее время пройдёт армия. По правую сторону от дороги, но уже в значительно более лёгких для езды условиях, ехала первая пятёрка вместе с лейтенантом Иваном. Они двигались в версте от тропы и не спеша огибали пруды и овраги, которые здесь были разбросаны в большом количестве.

Идти галопом я категорически запретил: не хватало ещё истощить ненароком весьма недешёвых, стоит признать, меринов. До полноценного коня стерилизованный и, как следствие, несколько уменьшенная копия, конечно, не дотягивала. Однако каждый влетал мне в копеечку. Тем более, что запасных у нас не имелось. В идеале, конечно, каждый уважающий себя кавалерист в походе должен иметь как минимум одного запасного коня. А в идеале так и вообще двух, а то и трёх. То бишь идти одвуконь, отриконь и так далее, как тут принято выражаться. Вот тогда можно и на спринт порой переходить Лошадь — это ведь не машина. И уж тем более не танк. Тут тебе не «сел и поехал, только горючку подавай». Уход за этим животным — целая наука, требующая от воина постоянного внимания. На одном только подножном корму далеко не уедешь. Тем более галопом. Даже мой жеребец, что, наверное, всю жизнь сидел на овсе и наращивал бока, на вряд-ли пробежит со мной на спине больше километра.

Все двигались в полном боевом обмундировании: за спинами небольшие, двухметровые копыя, на левом боку практически идентичные меж собой сабли средненького качества. Так же за спинами, перпендикулярно копыю, висел длинный мешочек с дротиками чуть больше метра длиной, совсем недавно оснащённые металлическими наконечниками. Такие примитивные на первый взгляд сулицы являлись неплохим бюджетным аналогом лука или арбалета. К тому же научиться метать такие дротики значительно проще, чем научиться вести прицельную стрельбу из лука. У каждого на левом плече красовался круглый щит с локтевым хватом. Такой щит был несколько дороже, однако позволял частично освободить левую руку под поводья. Все поголовно имели плотные меховые шапки, которые хоть и смотрелись несколько комично на фоне относительно тёплой августовской погоды, всё же являлись сравнительно неплохой заменой нормальным шлемам, которые и стоили довольно много, и в должном количестве на местных рынках встречались нечасто.

Тем временем лесной массив, что до этого сопровождал нас добрую часть пути стал потихоньку редеть и расходиться, открывая нашему взору небольшую речушку и такие же смешанные рощи вдаль. Мы шли непрерывной рысью уже, наверное, пол часа и было бы неплохо организовать привал. Причём привал вовсе не для людей, а для животных. В

условиях повышенной мобильности лошади нуждаются в большом количестве воды, из-за чего подобные ручьи были для конной группы настоящим спасением. Вскоре здесь будут основные силы и скорее всего они не упустят возможности наполнить свои бурдюки и напоить животных. А значит следует как можно быстрее продолжить путь. Мы отделились от колонны исключительно с целью повышения непосредственного навыка верховой езды, с которой абсолютное большинство гвардейцев было незнакомо. Они уже кое-чему научились, предыдущие сутки частично передвигаясь верхом. Сейчас они находились в седле гораздо уверенней, чем в первый день знакомства со своими скакунами. Однако в галоп многие всё ещё переходили очень плохо, то и дело тормозя, опасаясь вылететь на полном ходу. Это нужно срочно менять. Всё-таки у меня тут не пехотная часть и не драгунский полк, чтобы до поля боя ехать в комфорте, а в самой битве спешиваться и идти в атаку подобно ополченцам. За месяц жизни со мной десяток успел привыкнуть к обилию ложных, или правильно сказать учебных, тревог. Уже не раз их поднимали среди ночи, отрабатывая максимально быстрое приведение в боевую готовность, построение и перестроение из одной формации в другую и даже дуэли в ночном полумраке. Во время всех этих манипуляций единственным источником света для них являлась луна и звёзды. Это если повезёт. А если нет — тоже самое, но уже в полной ночной темноте, ориентируясь лишь на силуэты и негромкие команды. Сейчас же я, дав напиток лошадям, отдал команду:

— Десяток, к бою! По коням! — И стал наблюдать за молниеносно разгоревшейся суетой и беготнёй, которая, впрочем, не имела никакого отношения к беспорядочности. Все движения выполнялись отработанно и слаженно. Единственным спорным моментом оказалась неспособность большинства справиться с быстрым возвращением в седло. Лишь низенький Мурат на своём степном мерине лёгкой породы лихо вскочивший на него в первые секунды после команды полностью удовлетворил меня.

— Десяток, слушай мою команду! — Речитативом произнёс я, — Построившись в линию, совершить атаку на предполагаемого противника, — Услышав знакомые слова, означающие учебную тревогу, бойцы слегка расслабились, но продолжали внимательно меня слушать, — Ориентир — берёза возле берега. Бросок — по команде. Галоп — перед ударом. Задача ясна?

— Так точно! — Раздался многоголосный ответ.

— Выполнять! — И пятёрка, построившись кривой линией по направлению к одиноко стоящему дереву, стала медленно набирать скорость. Выудив из-за спины по дротику, они припали к лошадям, как бы укрываясь от возможного обстрела. Пока неплохо. До тех пор, пока они двигались рысью, проблем не было. Но стоило лошадям перейти на галоп, как уверенность из их движений стала потихоньку уходить. Один лишь Мурат нёсся на полном ходу с улыбкой на лице, умело держа равновесие и то и дело подгоняя пятками своего мерина. Вот выживу — сделаю этого пацана сержантом от кавалерии! Для начала. А потом, возможно, и старшим офицером станет. Всё-таки успехи он делает почти во всех сферах. Когда до берёзы оставалось не больше пятнадцати метров вперёд почти одновременно полетело пять дротиков, вонзаясь в землю. Такие броски скорее бьют по площади, чем в конкретную цель. Уж больно большой разброс получается, когда под тобой то вверх то вниз ходит седло, а сам ты норовишь вылететь из этого самого седла, рискуя попасть под копыта соседнего скакуна. Следом за броском вся пятёрка обнажила сабли и, подняв их в казацком стиле, который я как-то раз увидел в каком-то фильме, изобразили столкновение с противником. Выглядело изящно и неповторимо, однако о практической эффективности

этого я не имею никакого представления. Натянув удила и резко затормозив, они сымитировали рубку с вражеской пехотой.

— Отставить! — Рывкнул я, приблизившись к месту «побоища». Вся пятёрка прекратила на первый взгляд детскую игру с бритвенно-остро заточенными клинками. Я подъехал к ним и они виновато потупили взгляды. Даже Мурат, который, как мне показалось, сделал всё донельзя хорошо, не выражал гордости ни единым мускулом на лице. Повисла звенящая тишина, изредка прерываемая фырканием лошадей и мерным журчанием ручья.

— Сержант, — Я обратился к Фёдору, что показал себя также непосредственно, как и остальные в его десятке.

— Я! — Испуганно отозвался он.

— Займитесь обустройством временной стоянки. И подайте уже сигнал первой пятёрке.

— Так точно! — Уже активнее ответил сержант и стал в быстром темпе отдавать привычные распоряжения. У нас примерно пол часа до подхода колонны. После этого я планирую объединить пятёрки и уже единой группой двинуться дальше. Меня вновь окружила суета, на сей раз уже бытовая. Первым делом Фёдор поручил разжечь огонь. Это правильно — всё ж таки уже почти полдень, а без горячего в обед никак нельзя. Небольшое количество крупы и скудный даже по местным меркам суповой набор имел при себе каждый гвардеец. Ничего лишнего: соль, вяленое мясо, горстка крупы и сушёные либо плотно завернутые подальше от быстрой порчи овощи. Получившееся в итоге блюдо не шло ни в какое сравнение с приготовленным из свежих продуктов аналогом, однако по сравнению с привычным рационом других солдат подобное претендовало на все Мишленовские звёзды мира. Тем более таковых тут ещё и нет. Да и какой вообще полевой лагерь без огня? Даже если лагерь этот рассчитан на от силы пол часа стоянки.

Идея подачи сигнала была, пожалуй, моей гордостью. Вот как раз Фёдор стал заряжать в свой самострел «особливый сигнальный болт». Ничего сверхъестественного в нём не было: фактически это был небольшой туго завязанный мешочек из жёсткой кожи, наполненный порохом и вставленным фитилём, плотно приклеенным воском, конец которого на всякий случай был щедро пропитан горючей смесью. Расход порошка победы на выстрел был невелик, но эффективность и эффектность применения была на уровне. Ночью в целях конспирации и экономии можно обойтись и простыми зажигательными, а вот в ясную погоду подобное может и не прокатить. Всё ж таки заметить на фоне голубого неба небольшой жёлтый огонёк сложно, даже если будешь намеренно вглядываться. А уж следящий за дорогой всадник и вовсе не приметит. Вот и остаётся полагаться на шумовой эффект вместо визуального. Опасность преждевременного взрыва была минимальной, потому как выстрел по моим строгим наказам производили исключительно двое: один поджигает, другой тут же спускает тетиву. Взведя арбалет и вложив в него тот самый «особливый» болт, Фёдор направил его по направлению, в котором примерно находилась первая пятёрка. Мурат же стоял рядом в полной готовности с тлеющей деревяшкой в руках. Вот сержант кивнул и татарин медленно и судорожно поднёс теплящийся огонёк к верёвочке фитиля. Тот угрожающе зашипел и Фёдор нажал на спуск. Тяжёлый снаряд улетел и, пролетя метров сто пятьдесят, глухо бухнул чёрным облачком. Я по началу думал использовать подобные снаряды как некое подобие разрывных, однако быстро отбросил эту идею — сигнальный болт получался невероятно тяжёлым и имел абсолютно ужасную баллистику по сравнению с обычным. Фёдор же тем временем заряжал второй такой же. Возможно, это лишние растраты, но устав, так сказать, требует. Первая «ракета» лишь

привлекала внимание. А вторая, запускаемая практически вертикально вверх, должна была показать пятёрке Елисея точное направление, в котором они должны были двигаться. Второй болт также улетел и уже преодолел свою пиковую точку, начав снижаться. Но не тут-то было. Пороховой заряд, пусть с небольшой задержкой, но всё-таки активировался. Отлично, сигнал подан, можно и отдохнуть. Вот и не надо никаких посыльных. Два болта, меньше сотни граммов пороха и у первой пятёрки есть наше примерное местоположение. Через пятнадцать минут из-за холма показались шесть всадников. Было ясно, что это Иван и пятёрка Елисея. Ясно это было хотя бы потому, что на фоне средних силуэтов ясно выделялся громила-блондин Бьёрн. Эх, этому парню куда-нибудь в силовики! Или в учебку — рядовых гонять. А он вон — бедного мерина под своей тушей мучает.

Отобедав, мы стали собираться в дальнейший путь. Я всё же решил дождаться обоза и пополнить личные запасы. На всякий случай. Что-то они явно отстают от намеченного графика. Или это мои расчёты неверны? Размышления по поводу внезапно отставшей колонны прервал Иван:

— Командир, а чего это там? — Лейтенант указал в сторону следующей лесной чащи на нашем пути. Я уставился в ту сторону и долго не мог понять, что он конкретно имеет в виду. Наконец, я осознал, что просто не туда смотрю: над чащей чёрными клубами вился дым. Такой тёмный, как будто кусочек вчерашней пасмурной ночи задержался на голубом небе.

— Честно? Я не знаю, Ваня, — Признался я ему.

— Может, кто большой костёр разжёт? — Предположил офицер, — Али лес горит?

— Не костёр это, — Вдруг вклинился в разговор Мурат, — И не пожар. Лес так сильно не чадит. Обычно так крыши соломенные горят, — Голосом профессионала заключил он, — Али просто дома. — Мы с Иваном переглянулись. Казалось, у обоих в глазах промелькнула одна и та же мысль: «опасность!». Возможно, я принял бы этот дымок за простой пожар. Однако точно наперекос этой теории встал факт того, что за ним появился второй, а после и третий, причём на добром расстоянии от первых двух. Это точно налёт. Ставлю всё своё небольшое состояние на это! Я вскочил на своего жеребца и, встав на стремяна, разразился пламенной речью, подобно вождю народов:

— Гвардейцы! Друзья мои! — Я впервые обратился к ним в такой форме, — Там, — Я указал на чащу, — Возможно, ваш первый серьёзный противник. Подлые тати совсем страх потеряли и средь бела дня жгут деревни. Наша цель — Покарать их! Как могучий Тор карает своих врагов тяжёлым Мьельнером! Как Всевышний карает всех грешников и неверных, служащих Шайтану! Как Иисус беспощадно шлёт в ад не служащих заповедям его. Вы разные, но гвардия — есть элита элит, не терпящая разногласий в вере и культуре. Здесь у вас бог один! Один, в лице всех ваших вместе взятых. Вы бьётесь за честь и правду! За своё Отечество! А Отечество ваше — эта земля! Та, что кормит и носит вас. Так покажите же земле, как вы ей благодарны! Ура! — выдал я ещё никому здесь, наверное, незнакомый клич.

— У-р-р-а! — Вторил мне десяток разгорячённых голосов. Они вскакивали на своих коней, обнажали сабли, вставали на дыбы, готовые в любой момент ринуться в бой. Ну, с таким духом я с ними в самое пекло готов. И, что примечательно, они со мной тоже.

Интерлюдия. Курсант Кузнецов.

Белые стены и мрачные коридор психиатрической больницы, в которую я наведалься наводили страх и тоску. Сколько же тут нездоровых содержат? А сколько среди них потенциально здоровых? Б-р-р, не хочу даже думать. В любом случае мне все эти Македонские-Наполеоны, непонятые обществом, были мало интересны.

— Вы что-то хотели? — Вежливо спросила медсестричка на входе.

— Да, — Вдруг замялся я, — Курсант Кузнецов, — Разворачивая удостоверение, я представился. Она с интересом пробежалась глазами по знакомой, наверное, большинству в нашей стране книжечке полицейского документа.

— Чем могу помочь? — Осведомлённо поинтересовалась она.

— Я бы хотел побеседовать с одним из ваших пациентов. Мне нужен Аркадий Семёнович. — Вспомнил я отчество недавнего подозреваемого. Она нахмурилась, напрягая память.

— А у вас нет более, — Она сделала многозначительное лицо, — Подробной информации?

— Ах да, — Мне хватило дедукции, чтобы распознать её намёк, — Он учёный, создавший машину времени.

— А, да, конечно, — Рассмеялась она, — Есть у нас такой. Кстати, сейчас как раз приёмное время. Вы можете с ним поговорить.

— Да, было бы отлично. Спасибо.

Преодолев ещё несколько формальных этапов, я наконец был сопровождён в комнату, которая напоминала комнату для приёмов в тюрьмах для особо опасных заключённых: её разделяла стена с толстыми стёклами, а по обе стороны стояли телефонные трубки. Да уж, вот это методы у них. А может, этот мужик и правда слабый умом и действительно сумасшедший? А влиятельные преступники просто прикрывались им, назвав целую лабораторию в его честь? В любом случае я должен с ним поговорить. Там видно будет. Я сел возле ближнего к выходу окошка. В ту же минуту дверь за окном распахнулась и в проходе появился тот самый низенький и щопловатый человек в очках. На первый взгляд он не создавал впечатления сумасшедшего. Движение его были чрезвычайно вялыми, глаза спокойными и даже несколько потухшими. Осмотревшись, он заметил меня и, подойдя, сел напротив. Взяв трубку, Аркадий глухим голосом спросил:

— Зачем вы пришли?

— Здравствуйте, Аркадий. — Я прислонил удостоверение к стеклу.

— Да уж, тут только здравствовать, — Криво усмехнулся он, — Так что вам нужно, курсант?

— Вы говорили про какую-то аппаратуру за городом, — Я задумался, правильно ли поступаю, — В общем, я вам верю, — Отводя наваждение, выпалил я.

— Неужели? — Наигранно удивился он, но, получив в ответ лишь мой пристальный взгляд, разом переменялся. Припав ближе к стеклу, как будто так было лучше слышно, он начал свой монолог, — В таком случае, слушайте сюда...

Глава 5. «Боевое крещение»

Разгорячённый пламенной речью, десяток был хоть сейчас готов ринуться в свой первый полноценный бой. Я не стал брать в расчёт потасовку с Олегом, ведь там, по сути, мы выполняли роль эдакого спецназа, действуя больше оперативно и выполняя штурм. Здесь же нам предстояло столкнуться с врагом лицом к лицу и, возможно, не иметь как такого элемента неожиданности. Можно, конечно, попробовать схитрить, переиграть, обмануть противника. Но без опыта в открытых боестолкновениях нам на реальной войне делать нечего. В том, что нам предстоит встретиться не более, чем с шайкой оборзевших бандитов я не сомневался. Шведы тут быть никак не могли — они, скорее всего, крепость Корелу до сих пор не взяли. Хотя, конечно, в осадном мастерстве северных соседей было бы неразумно, как и в сомнительном качестве местной фортификации. Похоже, оставшись без присмотра в лице своего помещика, что наверняка не так давно отбыл в Гатчину, некоторые крестьяне почувствовали излишнюю свободу и встали на скользкий путь.

Кидаться вот так вот сразу в бой было бы излишним безрассудством. Для начала нужно дождаться основной армии, доложить Михаилу о случившемся и только потом, пополнив припасы из обоза, двинуться в путь. До источника дыма было не больше версты, значит на путь туда у нас уйдёт не больше десяти минут.

Секунды тянулись невероятно томительно, гвардейцы еле сдерживали себя, чтобы не предложить прямо сейчас сорваться навстречу нарушителям порядка. Лёгкий ветерок нарушал напряжённую тишину в листьях одинокой берёзы. Наконец, из-за поворота в смешанный лес показалась неторопливо бредущая головная кляча, запряжённая в телегу, набитую всевозможными полезностями. Решив более не ждать, мы рванули навстречу обозу. Я отдал приказ собирать полноценный боевой комплект, отличавшийся от походного почти полным отсутствием провизии и увеличенным количеством расходных материалов. Тут же мне в голову пришла очевидная на первый взгляд идея: одного из пятёрки Елисея и самого молодого во всём десятке я послал вперёд, строго наказав не вступать в контакт, а лишь провести поверхностную разведку, после чего двинуться нам на встречу. Взволнованный пацан лет пятнадцати не растерялся и, пыхтя энтузиазмом, рванул на север. Эх, надо было пораньше его послать, не подумал я.

Радовал тот факт, что воевода, о чём-то увлечённо беседуя с Генрихом, двигался прямо за второй моей повозкой, из-за чего мне не пришлось искать его в бесконечно длинной колонне. Завидев меня, он неслабо удивился и риторически поинтересовался:

— Уже вернулись? А как же эти ваши хвалёные конные разъезды? Али заплутали?

— Разъезды для того и нужны, чтобы вот такое, — Я указал пальцем в сторону уже полудюжины набирающих силу дымных столбов, — замечать и предупреждать.

— Чего это? — Замешкал Михаил, завороженно уставившись на живописную картину: речушка, одинокая берёзка, растущая прямо возле крутого берега и лесополоса, за которой густо поднимались ужасающие столбы.

— Избы горят, — неожиданно блеснул знаниями Генрих, разом с шумом опустив забрало своего шлема и потянувшись к приделанному к седлу копыю.

— Да, мы уже поняли. Армия, как и полк, не очень мобильна. Да и на сборы уйдёт много времени. Считаю самым лучшим вариантом направить вперёд мой десяток. Скорее всего простая шайка татей, так что важнее будет не дать им уйти, — Я речитативом описал

ситуацию. Михаил же, оторвавшись от открывшегося пейзажа, задумался.

— Складно ты глаголишь, Саша. Дюже мудрёно. Я бы даже сказал, как сотник, а то и княжий ставленник. — Он прищурился, обрабатывая информацию, — Добре, Саша. Езжай со своими холопами вперёд. Полк край через пол часа подойдёт, можете их просто попастьи доселе.

— Хорошо, Михаил, будем иметь в виду. — Ага, как же! Не оставим мы вам смазок для мечей — самим опыт нужен! — Генрих, ты с нами?

— Конечно! Тем более я уже готов. — Он поудобнее перехватил копьё и, пришпорив коня, ускорился.

Потратив на сборы ещё пару минут и заодно дав возможность разведчику эффективно отработать, мы двинулись прямо в направлении дымящих где-то за лесом изб быстрой рысью. На душе стояла какая-то незнакомая тяжесть опасной неизвестности. А правильно ли я поступаю? Боевой опыт, конечно, штука бесценная, но стоит ли так рисковать? Всё же можно выбрать стопроцентный вариант и, дождавшись полка, смять противника без особых проблем. Но тогда можно и передержать, спровоцировав лишние жертвы среди селян. Да и славную сечу я ребятам обещал и они явно вдохновились, преисполнившись жаждой крови. Нет, нельзя у них сейчас отбирать бесценные практические знания. Всё-таки противник почти наверняка ожидается необученный и укомплектованный наиболее сомнительным образом. Словно в подтверждение моих слов Генрих, подняв забрало, сказал:

— Это совершенно точно не свеи.

— С чего ты так уверен? — Хоть я и был с ним солидарен, решил всё же поинтересоваться, откуда такая уверенность.

— Так король их, что уже пол дюжины лет на троне сидит, когда в поход идёт — запрещает селян грабить. — Так, как будто это очевидно, сообщил Майер.

— Да ну? — Усомнился я. И правда — подобное благородство было бы большой редкостью в это время.

— Именно! — Уверенно воскликнул Генрих. — Я слышал, король Олаф выходец не из знатных. Говорят, он сын простого пахаря, что выбился в свет сначала в городке Уппсала, где получил образование в местном университете, а после и в Стокгольме. Хотя я в это слабо верю. На вряд-ли простой крестьянин так сможет — из холопа в учёные. — С сомнением произнёс он.

— Ну не скажи, — Улыбнулся я, — В моей стране были прецеденты.

— Ну, возможно, — Согласился он, — Так вот, после этого он переехал в Стокгольм и ушёл в политику. Говорят, он выступал за единство и неприкосновенность Швеции. Когда Кальмарская уния распалась, появилось множество претендентов на шведский трон. Олафа поддержала и армия и народ, который он долгие годы мариновал, твердя о процветании страны под его началом.

— Тоже знакомая история, — Провёл я параллели со своей реальностью, но несколько другими датами. — Продолжай, дружище. — Я уже стал подумывать, что этот «общественный деятель» очередной мой коллега по цеху. Однако, словно прочитав мои мысли, Генрих развеял их в прах.

— А чего продолжать? Сразу после прихода к власти Олаф стал вкладывать всю казну в развитие страны: приглашал иноземцев, помогал бедным, карал преступников. Сказывают, он язычник и постепенно от веры католической отрекается. Всё больше прошлое вспоминает когда предки их в воинственных богов верили. Он, говорят, и семью свою хотел возвести в

знатные. Но... — Майер вдруг замялся.

— Но? А разве они не стали дворянами сразу, как он стал королём? — Перебил я своего немецкого друга.

— В Швеции с этим немного не так, как в России, — Неоднозначно пояснил он, — Но дело не в этом! Когда новый король пришёл к власти были и недовольные. Немного, но были. И вот, вся эта... — Он замешкался.

— Оппозиция, — Подсказал я.

— Во-во! Так вот они всю его семью и... Того.

— О... Вот оно что. Что ж, это очень печально, — Искренне удивился и огорчился я.

— Да-а, — Протянул Майер, — Но, говорят, с тех пор он переменялся: из управленца стал милитаристом. И страну свою держал в железных рукавицах. Датчан бил, норвежцев, а теперь вот: на нас пошёл.

— Остановим, — Усмехнулся я, хотя сам не был до конца в этом уверен.

До нашей цели оставалось не более сотни метров, когда из-за поворота показался разведчик. Он гнал свою лошадь галопом, едва не падая из седла, уткнувшись лицом в редкую гриву. Завидев нас, он натянул поводья, от чего чуть было не вылетел из-за резкого сброса скорости.

— Твою ж мать! Рядовой Юстас! — Разразился гневом Фёдор, — Ты чего мерина зазря мучаешь? Сказано ж было — галопом не гнать!

— Виноват, сержант Фёдор, — С трудом балансируя в седле повинулся он, — Заметили меня, стали стрелять, я и припустил, — Он стал вяло оправдываться, скорее для галочки, чем для того, чтобы снять с себя вину. Его скакун тяжело дышал, широкими ноздрями вдыхая тухлый летний воздух, который, впрочем, в лесу был несколько свежее. Я решил прервать его:

— Вольно, рядовой! Докладывать о выполненной задаче.

— Так точно! — Он разом выпрямился, набрав воздуха в грудь, — Группа примерно из трёх десятков совершает налёт на деревню. Деревушка совсем небольшая — едва ли пять десятков домов.

— Вооружение?

— В основном скудное: копья, вилы, дубины, ножи. Но пол дюжины с саблями и хлипкими щитами. Также трое с луками охотничьими. Они по мне и стреляли.

— А одеты как?

— Так по-крестьянски в основном. Видел, правда, одного в кольчуге и с шоломом. — Скороговоркой выпалил он.

— Добре, рядовой. Если тебя заметили, значит на долго они там не задержаться. — Сделал я закономерный вывод. — Нужно спешить. Садись ко мне, а конь твой пусть подле бежит. Нечего животинку мучать. — Так и поступили. Мой поляк лишь недовольно фыркнул, ощутив на себе лишний груз, когда прибалт, коих мне довелось не мало повидать, неуклюже залез и устроился позади меня.

Добравшись наконец до безымянного селения, мы лицезрели угнетающую картину: около четырёх дюжин крестьянских изб, разбросанных по территории находились в откровенно говоря плачевном состоянии. Пол десятка уже активно догорали и примерно столько же только-только попали под власть пламени. Остальные же просто недвусмысленно намекали о совершаемой разбойной деятельности: окна в большинстве своём выбиты, дверные проёмы приглашающе распахнуты, освобождённые от оков в виде

хлипких дверей. Само селение располагалось в небольшой низине относительно нас, из-за чего мы получали довольно подробную картину происходящего. На первый взгляд было как-то даже тихо. Лишь треск горящего дерева и дымные клубы выдавали ситуацию. В дальней от нас части стоял дом, сильно выделяющийся на фоне остальных маленьких изб. Судя по всему это поместье местного дворянина, который так неудачно отъехал из своей деревушки. Группа людей тёмными силуэтами копошилась возле неприступно-высокого забора. Похоже, закрывшаяся внутри семья помещика являлась последним оплотом вялого сопротивления и разбойники хотели как можно быстрее подавить его. Я насчитал больше дюжины человек. Ага, значит оставшаяся половина сейчас так или иначе резвится в деревне. Это давало нам огромное преимущество. Разделяй и властвуй, как говорится. Разбить размазанного по большой площади врага и в конце концов схлестнутся в решающей битве со второй половиной шайки. А там, может быть, нас и из осаждённого поместья поддержат.

— Десяток, слушай мою команду: первая пятёрка со мной и Иваном пойдёт по левой стороне. Вторая с Генрихом двинется по правой. Наша задача: зачистить каждое не горящее здание, каждый двор, — Я подождал, пока все переварят поступающую с непривычной скоростью информацию, после чего продолжил, — Важно не поднимать лишнего шума. Если вас заметит вон та группа, — Я указал пальцем в сторону поместья, — Бросайте всё и давайте дёру к началу улицы. С каждой пятёрки должен быть выставлен постовой, наблюдающий за действиями основной группы врага. Если всё пройдёт удачно — встречаемся и объединяемся на слиянии двух улиц и даём бой остаткам сил противника. Вопросы есть? — Звенящая тишина послужила мне ответом. — Хорошо, тогда действуем!

Рассредоточенные и потерявшие всякую бдительность разбойники и правда не ожидали прямо-таки спецназовского штурма дворов. Почувствовав вкус безнаказанности, они расслабились и считали себя хозяевами ситуации. Конечно, ровно до первого болта в гордо оттопыренную грудь. Кого-то ловили в избах, от чего те, даже успев что-то выкрикнуть, не потревожили дремавшего зверя, встреча с которым для нашего разделённого отряда была бы фатальна. Увлечённые осадой поместья, они не замечали, как за их спинами один за одним падают их поделщики. Судя по оснащению, грабежом простых селян занялись самые бомжеватые бандиты из всей шайки. Ни одной сабли или лука мы не заметили при них. А тем временем наш отряд, ведя за собой небольшой табун из лошадей на случай, если придётся отходить, мерно продвигался к намеченной цели. Улицы, ведущие к поместью, на наше счастье были кривыми и сходились в одном месте. Благодаря этой кривизне наши передвижения оставались незамеченными, ведь избы, косо стоящие по обеим сторонам, выступали неким щитом от преждевременного обнаружения неприятелем. В целом нет ничего сложного в том, чтобы ходить по дворам и уничтожать ничего не подозревающих, абсолютно не готовых к такому повороту событий, врагов. Да и врагами их назвать можно лишь с большой натяжкой. Ведь по факту это были те же самые крестьяне, которым в один момент надоела их доля и они решили улучшить свою жизнь таким вот незаурядным способом. Сбиваясь в стаи, такие оборванцы могли нести большую угрозу как небогатым торговцам, так и подобным селениям, оставшимся без защиты. Трупов мы видели не много и в большинстве своём это были здоровые мужчины, которые, на свою голову, решились оказать сопротивление. Похоже, вся банда сначала прошла по деревне, проводя зачистку от особо ретивых. Женщин, детей и стариков они чаще всего не трогали, хотя последние сами по себе встречаются не часто не только в этой деревне, но и в этом времени в целом.

Все уцелевшие, от мала до велика, проявляли искреннее желание присоединиться к нам

и совместными усилиями выбить разбойников из деревни. Однако мне такая помощь была вовсе не нужна, ведь в открытом столкновении их шансы были невелики и рассчитывать на них можно едва ли. Да и брать на себя ответственность за их жизни мне откровенно не хотелось. И всё-таки я нашёл для них подходящее дело — сделав большой круг, они должны были обойти поместье с флангов и принимать всех бегущих врагов.

Прячась за крайним домом, что так удачно стоял широкой стеной к нам, мы ожидали, пока вторая пятёрка закончит со своей улицей. Время утекало. Совсем скоро здесь должен появиться новгородский полк и тогда мне не удастся испытать своих ребят в честном бою. Да и пятнадцать самых «жирных» татей уже почти ворвались в поместье. Я уже думал выйти вшестером, чтобы выиграть время и поторопить второй отряд, когда из окна крайнего дома правой улицы вылетело тело, судя по одежде очередного бандюгана. Одно из немногочисленных уцелевших мутно-зелёных стекол со звоном разбилось и Генрих, растерянно выглянув в проём, развёл руками, дескать: «сам знаю, извините».

Наконец, десяток вновь воссоединился. Сомкнув ряды, мы монолитной стеной двинулись в сторону противника. Пятнадцать человек, во главе со статным воином в кольчуге и шлеме с наносником быстро заметили нас и, перестав штурмовать особняк, стали готовиться к атаке. За разрозненным строем я разглядел троих лучников. Конечно, без должных навыков охотничье подобие на настоящий лук не представляет серьёзной угрозы. Однако я не имел представления как об их меткости, так и о расположении госпожи фортуны.

Здраво оценив ситуацию и свои шансы, здоровяк в кольчуге спросил кто мы и чего хотим от честных разбойников. Ага, как будто по нам не видно. Да и отсутствие какого либо движения со стороны деревни должно было поставить всё на свои места в его голове. Какой бы глупой она не была. Беседовать с предводителем разбойничьей шайки у меня не было никакого желания. Мы, сомкнув не очень удобные для пешего боя круглые щиты, медленно продвигались навстречу неприятелю. Ощетинившись остриями копий, что были взяты на замену неудобным в пешем строю саблям, первый ряд в девять человек готовился принять натиск превосходящих сил противника. В числе первых отважно вызвался идти и Генрих. Ещё двое, с дротиками наперевес, шли прямо за ними, ожидая команды. Мы же с Иваном, которого я долгое время как мог обучал стрельбе из самострела, двигались ещё дальше позади. Не услышав в ответ ни единого слова, предводитель этой компашки сплюнул и стал что-то говорить своим людям, то и дело указывая на нас. Удивительно, но враг построился в плотную формацию, похожую на одностороннее каре. Я рассчитывал, что они ринутся на нас сплошной кучей, давя числом. Но, похоже, их командир неверно оценил наше оснащение, ошибочно решив, что мы не имеем при себе оружия дальнего боя. Что ж, эта ошибка стоила ему важного тактического преимущества. Заметив движение внутри их построения, я отдал команду:

— Арбалеты по лучникам, сулицы по площади. По команде, — Из каре с разницей в секунду вылетело три стрелы. Описав небольшую дугу, все они поочередно воткнулись в единым монолитом выстроенные щиты. — Залп! — передний строй присел на колени, позволяя двум метателям и нам с Иваном отстреляться. Генрих, почти не знающий наших комбинаций, немного запоздал, но всё же последовал примеру остальных в ряду. Две сулицы, создавая лёгкий гул, улетели в плотное каре, предсказуемо найдя свои цели. Хлипкие щиты, разумеется, не спасали от смертоносных жал, буквально разваливаясь под большим давлением. Эх, вот бы по ним всем десятком так отработать! Если бы знал, что они со своими деревяшками решат вставать в плотные, идеальные для обстрела формации — так

бы и сделал. Ошарашенные бандиты расступились и замешкались, нарушая всякий строй. Это давало нам возможность почти беспрепятственно отработать по лучникам. Вскинув свой арбалет, я привычно поймал на мушку темный силуэт и плавно нажал на спуск. Тетива распрямилась, выпуская смертоносный снаряд навстречу множеству мягких целей. Светлое оперение в последний раз подмигнуло мне, медленно обернувшись вокруг своей оси и, извергнув небольшой фонтанчик крови, увязло в груди лучника, что мгновение назад тянулся к своему колчану. Глухой вскрик и враг валится на землю. Через секунду стреляет и Иван, однако его болт, изначально летящий по правильной траектории, встретил преграду в виде подставленного плеча одного из бандитов в первом ряду. Лейтенант проворчал что-то себе под нос, судорожно натягивая тетиву арбалета. Тем временем первый ряд, встав с колена, стоял, ожидая команды. Противники же, рассредоточившись, заметно ускорились. Они бежали на нас, крича и вопя что-то нечленораздельное, грозясь навалиться, задавить, проломить наш строй. Я понимал, что сейчас нужно давать очередной залп, чтобы получить численное преимущество, но пока два оставшихся лучника не ушли на перезарядку — делать это рискованно. Я ждал, отсчитывая секунды, когда нужно будет разряжать арбалет в ближайшего оборванца и с копьём на перевес вставить в строй. Наконец, одна из стрел глухо ударилась в чей-то щит, даже не воткнувшись. Не дожидаясь, когда ударит и вторая, я вновь отдал команду «залп». Наверное, последняя стрела сейчас в полёте и вот-вот ударится о щит, подобно первой. Когда же первый ряд присел, мне открылась ужасная картина: второй лучник стоял, натянув тетиву. Хитрый бандюган раскусил нашу уловку и специально дожидался, когда мы откроем уязвимую часть. Оба метателя имели на левом предплечье по щиту, способному остановить стрелу. Однако в процессе броска они становились уязвимы. Я быстро вскинул взведённый арбалет, судорожно ища в толпе хитреца. Краем глаза я заметил, что Иван уже поразил свою цель и ушёл на перезарядку. Вдох-выдох-спуск! Болт уходит в цель но... Поздно. Его тетива уже пуста и болт, войдя стрелку глубоко в бедро, не помешал ему сделать выстрел. Словно в замедленной съёмке я наблюдал летящую стрелу. Пройдя над головами первого ряда, она с глухим стуком вошла в грудь одного из метателей. Тот уже бросил свой дротик и готовился поднять щит. Не успел буквально на долю секунды. Детская фигура пошатнулась. Рухнула сначала на колени, а после и на бок. В лице его я узнал того самого рядового балтийца пятнадцати лет. Его синие глаза, испуганно метались, но он не издавал ни звука. Это плохой знак. В ушах вдруг глухо зазвенело. Хриплым, внезапно осипшим голосом я крикнул:

— Десяток, в атаку! — А сам ринулся к пацану. Он лежал, коротко дыша. Из краешка губ сочилась кровь. Похоже, стрела пробила лёгкое. В местных условиях никто не может ему помочь. Да даже если его прямо сейчас положить на стол к лучшим хирургам моего времени — далеко не факт, что они что-то сделают, кроме как печально разведут руками. Повернув его на спину, я посмотрел ему в глаза. Они уже не блестели страхом. В них было нечто другое.

— Командир, извини, — Хрипло просипел он, — Не поднял я щит вовремя. Видать, плохо тренировался.

— Отставить! — Чувствуя, как наворачиваются слёзы, сказал ему я. — Рядовой Юстас, приказа умирать не было!

— Скажи, командир, — Не заметив моих беснований начал он, — А что будет после смерти?

— Ты... — Я хотел было упрекнуть его в неуместности вопроса, но, похоже, парень всё

понимал. — Для таких воинов, как ты, Юстас — только рай.

— Хорошо, — Уже почти неслышно прошептал он, — Тогда я буду вас ждать.

— Юстас, отставить! Сегодня никто не умрёт! — Я судорожно искал в поясном кармане бинты, по большому счёту просто прокипячённую ткань, — Ты жить будешь, слышишь! В разведчики пойдёшь, будешь свеем диверсии чинить! Рядовой Юстас! — Но он уже не слышал. Его глаза стали недвижимы, а дыхание, до этого слабо теплившееся в груди, пропало вместе с жизнью.

Пошёл дождь. Долгожданный, которого не было уже почти неделю. Природа как будто насмеялась над моей бедой или напротив — сочувствовала мне. Я не слышал ни шума идущего рядом боя, ни подошедших с флангов, лишающих бандитов путей отхода, селян, ни полковую кавалерию, со свистом спускающуюся с холма. Обрывисто дыша, я провёл ладонью по лицу парня, прикрывая его глаза. Когда я встал, всё было уже кончено: все разбойники, за исключением главаря, лежали с несовместимыми с жизнью ранами. Главарь же, весь побитый, без кольчуги и шлема, лежал связанный, усмехаясь мне в лицо. Звон в ушах продолжался, заглушая его слова, что обрывками вырывались из его уст.

— Доложить о потерях, — Сухо сказал я, не обращаясь к кому-то конкретно.

— Рядовой Кузьма тяжело ранен в ногу. Рану залатали, как ты учил. Остальные раны лёгкие. Рядовой Юстас...

— Я знаю, — Перервал его я, — Спасибо, лейтенант.

Подойдя к главарю, я заглянул в его глаза. Они наполнились яростью и презрением. В нём не осталось ничего человеческого. Это была лишь оболочка, заполненная нечеловеческими качествами. Дождь усиливался, однако никто не собирался разбежаться. Я повернулся к селянам, скромно стоящим позади. Недвусмысленно кивнув в сторону вожака, я скомандовал:

— Десяток, раненного на носилки, тело рядового забрать. Выходим навстречу к полку.

Глава 6. «Свежая кровь»

Дождь продолжал лить ещё совсем недолго. Он разом выжал на сухую землю огромное количество воды, исчерпав чёрные тучи за десяток минут. Солнце боязливо выглянуло из-за облаков, напоминая тёмный слоёный пирог. Вдали надвигалась ещё большая грозная стена, готовясь опрокинуть на нас очередную порцию в несколько тонн воды.

Юстас был христианином, и хотя в гвардии, как я сказал, нет различий в культуре и религии, было решено похоронить его по обычаям, в которые он верил. На холме, со склона которого ещё недавно торопливо сбегала полковая конница, я приказал копать могилу. Не знаю, как в этой реальности со стандартами глубины, но я позабочусь, чтобы тело его совершенно точно не подверглось нападению падальщиков. Лопаты легко входили в сырую землю и уже меньше чем через час совместными усилиями мы воздвигли на пригорке со свежей землёй сделанный на скорую руку деревянный крест. Не поскупившись, я приказал делать его в рост самого парня. Чтобы он отныне стоял и своим присутствием защищал эту деревушку от врагов. На небольшой плоской дощечке я ножом вырезал на современном для меня, никому здесь невиданном, русском: «Гвардии рядовой Юстас. 10.08.1505.». Хотел дописать и ещё что-то. Что-то, что говорило бы о нём нечто хвалебное. Но мысли роились и я отдал табличку, чтобы её намертво прибили к кресту.

— Прости, парень, не с чего нам пока салютовать тебе. — Я стоял в нерешительности. Губы мои дрожали, а к горлу подкатил тяжёлый ком. Вот совсем недавно этот паренёк был жив. Отчитывался о проделанной работе, виновато тупил взгляд. Но вот момент — и его нет. Совсем молодой, толком не знакомый со смертью. И вот — судьба отворачивается от него. Я в этом мире меньше месяца, но к этим парням привязался крепко. Они для меня уже не просто охранной отряд. Они — часть меня. И если будут умирать они — частично буду умирать и я. Попрошаться с тем, с кем ещё недавно шёл в бой пришёл и Генрих. Его лицо не выражало такой жалости, однако смотрел он без презрения высокого сословия. Он провожал в последний путь не холопа, а воина. Смотрел с холодным пониманием. Так, как будто делал это уже не впервые.

Развернувшись, я побрёл в сторону дороги. С небольшим запозданием и большим нежеланием подорвались и остальные. В глазах их царил какой-то неописуемый мрак и потерянности. Казалось, они вот-вот вырвутся из своих тел и ринутся карать всё плохое во имя всего хорошего. Всё же люди здесь совсем не такие, как в будущем. Они легко принимают смерть, но при этом ценят жизнь ближних, не страшась отдать свою. Готовы жертвовать собой для спасения других. Возможно, не все такие, но мои гвардейцы уж точно.

Когда мы седлали коней, к нам, мелко семеня, бежал низенький старичок с неухоженной седой бородой и причудливой шапкой. Не смотря на свой явно преклонный возраст двигался он весьма резво, явно боясь не успеть. Завидев его, я, глубоко вздохнув, приподнял руку, сигнализируя об остановке. Подбежав к нам, он снял свою шапку, оголяя редкую седину и, тяжело дыша, затараторил:

— Люди добрые! Куда ж вы собрались-то?

— А то не ведаешь? — Хмуро ответил я вопросом на вопрос.

— Да то мне вестимо. — Видимо, осознав неуместность своего вопроса замялся он. — Просьба у меня к тебе, господин.

— А ты кто сам будешь? — Вмешался в разговор Генрих.

— Так староста я. — Отозвался старик. — Когда тати эти набежали, я в усадьбе у барина схоронился. Но то не важно. — Он неопределённо махнул рукой. — Мы подсчитали: они ж десяток здоровых мужиков порубили!

— Соболезную, — Бесчувственно прервал его я, — А нам-то с этого что? Мы вон, — Я указал в сторону холмика с громадным крестом, — Тоже своего похоронили. А он дороже всех твоих холопов был. — Старик взглянул туда, куда я указал, тяжело сглотнул и ещё больше потупил взгляд.

— Да, я видел. Молодой был отрок. Жалко, конечно. — Повисла густая, как дёготь, пауза. — Я чего подошёл. У нас ртов полно, а кормить теперь уже некому. — Мы с Майером нахмурено переглянулись.

— Ты что, старик, на паперти? — Вспылил Генрих, — Мы тебе, считай, жизнь спасли!

— Да что ты, барин, не прошу я у вас ничего! — Испуганно зажурчал староста.

— Слушаю тебя, — Спокойно сказал я. — Но учти: ежели ты попусту ратников моих в походе задерживать вздумал — пойдёшь по всем законам военного времени, — Я недвусмысленно положил руку на ручку сабли. Ну вот нет у меня сейчас настроения вести пустые разговоры. Старик в очередной раз испуганно сглотнул. Похоже, для себя он уже решил, что подошёл явно не вовремя.

— Так возьми отроков наших, — Осторожно начал староста, — Они, право, не чета ратникам твоим, но всё ж и не юродивые. И нам сподручней будет, потому как пользы от них не так много, а жрут, знаешь, как не в себя. И вам в помощь будут. Да хоть в обозе за поводьями сидеть. Али лошадей на ночёвке поить да кормить. — Он враз замолчал, ожидая вердикта.

— Каждый воин сам за своим конём ухаживает, — Начал я, одновременно раздумывая над его предложением. В целом о пополнении личного состава я задумывался ещё до похода. Да только как-то не было ни лишних средств ни времени. Да и ассортимент работорговцев вроде как не бездонный и сами они, будучи теми ещё «евреями», не упустят возможности взвинтить цены завидев большую прибыль. Сейчас же, как мне кажется, десяток как никогда нуждается в свежей крови. — Впрочем, ежели ты их конными выдашь — то я подумаю.

— Так конечно, конечно конными! Нам, знаешь, самим есть нечего, а меринь эти, ну на коих тати прискакали, пользы почти не дают, а резать жалко, вроде здоровые. — Он проговорился и тут же прикусил язык. А вот это интересно. Как-то я уж больно быстро решил ретироваться. А ведь лишние верховые животные нам отнюдь не помешают. Но сейчас, похоже, мы ухватим ещё и всадников к ним в придачу. Хотя я почти уверен, что всадники из них абсолютно никчёмные, ровно как и воины.

— Ну, тогда веди. — Я одобрительно кивнул, впрочем не меняя подозрительного тона. — От колонны мы сильно не отстанем, да и терять нас не станут.

Мы развернулись и той же процессией двинулись на смотр новобранцев в молодую гвардию. Стена туч, по всей видимости, решила задержаться и как будто застыла в нерешительности прежде чем рвануть вперёд. Странно, разве наверху бывают штили? Меж тем нам снова открылась печальная картина: полуразрушенная деревенька встречала своих недавних спасителей разбитыми глазницами окон и тлеющими остовами изб. Полтора десятка тел, лежащих перед помещьем, были убраны в быстром темпе. Лишь небольшие красные пятна на чёрной земле говорили о недавнем сражении. Старик проводил нас в небольшой амбар, где уже стояло два десятка неплохих меринь. Это ж откуда у простых бандитов деньги на такое удовольствие? Сёдла конечно, в данном случае, были скорее

вещью формальной, нежели чем фактическим. Стремлена если и имелись, то весьма дряхлые, а сами места никаким удобством не отличались. Но это дело поправимое. Староста удалился, оставив нас наедине с образовавшимся табуном. Если нам перейдёт вся эта орава — можно будет всем отрядом идти одвуконь, то бишь постоянно меня скакунов. Это давало возможность при грамотной ротации значительно повысить мобильность всего отряда. Лошадь, бегущая рядом, не имеет на своём горбу лишнего веса и, соответственно, в случае необходимости может стать спасением для вовремя пересевшего на неё всадника.

Тем временем за дверьми сарая послышались звуки шагов. Когда небольшая дверца со скрипом открылась, нам явился сам старичок и четверо пацанов в диапазоне от четырнадцати до восемнадцати лет. Я быстро пробежался глазами по ним.

Двое из них были среднего телосложения. Я по началу не заметил, но когда ещё раз проверил: обомлел. Они были схожи, как две капли воды. Что ж, близнецов я тут ещё не видел. Оба с кудрявыми шевелюрами и курносыми носами, они как будто были отражением друг друга. За всю свою жизнь не помню подобного сходства. Нет, близнецов я повидал немало, но все они так или иначе хоть чуть-чуть отличались. Хотя там это, скорее, было сделано намеренно, что бы просто не путаться. Здесь же различий фактически не было.

Третьим в списке шёл невероятно полный для этих лет и этого сословия пацан. Я уже было испугался, не решился ли седой дед на старости лет втюхать мне в солдаты сынишку местного барина. Но нет: тот был одет не очень опрятно и разило от него также, как и от остальных. Хотя это, конечно, не стопроцентный показатель сословия. Последним аргументом стало наличие у паренька нескольких чёрных промежутков в зубах. Похоже, он явно из ремесленников. Странно, конечно, видеть ремесленника в деревне, а не в городе. Но они везде живут лучше простых селян. Я где-то читал, что в силу своего рациона и полного отсутствия чистки зубов в силу эпохи, у них эти самые зубы очень часто гнили. Ну со мной эта проблема решиться, он может не сомневаться. Ровно как и проблема с лишним весом, который в моём времени толерантно назвали бы избыточным. Нет уж, пацан был откровенно говоря толстым. И это ещё самая мягкая формулировка этого понятия.

Четвёртый же был полной противоположностью пухлому. Невероятно высокий относительно современников, он был лишь на голову меньше меня. Однако в широту его природа, похоже, обделила. Чертовски долговязый, он напоминал тростинку. Хотя тут дело, пожалуй, не в генах, а в рационе. Ну недоедали крестьяне здесь, как не крути. Вот и наши, кому отдавать половину пайка толстяка. Обоим в пользу, так сказать.

— Слушай, а барин твой не заругает тебя, если ты мне его холопов считаешь подарить? — Усомнился я в законности сделки. Не хотелось бы потом возмещать ущерб в многократном размере.

— Так ведь, — Старик замылся, но уже через мгновение осторожно улыбнулся, — Барин же не ведаёт, сколько тати побили. — Он заискивающе подмигнул. Вот же, старый! Нет, ну понятно, чего его старостой сделали. Такие учётчики и в губернаторы выбиваются: здесь дописать, тут не договорить и так по накатанной. Хотя на губернии здесь, вроде бы, пока деления нет. Ну да ладно. Сейчас эти махинации работали на меня и грех было жаловаться. Осталось понять, как распределить этих зашуганных крестьянских отроков по двум пятёркам так, чтобы получилось поровну. Да, дееспособных воинов в обоих осталось по четыре человека вместе с сержантами. Но ведь Кузьма с десятка Фёдора в ближайшее время должен восстановиться. По крайней мере по моим расчётам. Кость у него, вроде как, не задета, а значит если повезёт — через неделю уже встанет. Можно, конечно, укомплектовать пятёрки

не поровну. Но мой внутренний перфекционист яро запротестовал, узнав о подобной идее.

— В общем, делаем так, — Я ещё раз прошёлся взглядом по мнущимся у стенке холопам. Как бы так придумать, чтобы вас раскидать по умному? Ну близнецов тоже вместе ставить надо. А с другими двумя как? — Даю вам десять минут на сборы. Пол дома не выносить, только необходимое в походе. Потом сюда — собираете всех лошадей и ведёте весь этот табун к дороге.

— Так э-э, — Старик силился что-то сказать.

— Или ты решил часть меринов себе оставить? — Предугадывая его возражения вызывающе спросил я. — Они же вам только мешают?

— Ах ты ж рожа хитрющая! — Воскликнул Генрих.

— Нет! — Старик с характерным цокающим звуком захлопнул открывшуюся было в немом звуке челюсть.

— Вот то-то. — Я посмотрел на него сверху вниз, даже не смотря на то, что минуту назад спешил, дабы размяться перед дорогой. — А вы чего мнётесь? — Я исподлобья взглянул на мало что понимающую четвёрку. — Приказ получили? Так выполнять! — Они вздрогнули и ринулись кто куда. А дверь-то в сарае только одна.

— Да-а, тяжёлый случай, — Протянул я.

— Да ты не сомлевайся, барин! Ребятки толковые, боятся просто.

— Трусы мне нужны даже меньше дураков.

— Так они-и-и, — Он приготовился нахваливать сплавляемый товар, но я его остановил.

— Довольно. Придумаем чего-нибудь. Мы ж гвардия, дед, мы и не такое могём! — Я выдавил из себя ободряющую улыбку.

— А... — Он в задумчивости почесал затылок. — Ну раз так...

Со своим первым заданием пацаны умудрились оплошать. Мало того, что по времени не уложились, так ещё и с табуном в трёх соснах заблудились. хотя казалось бы: живут здесь всю жизнь. Да-а, кого ж этот старик мне впарил? Понятно, что подростки, но ведь и взрослеют тут вроде как куда быстрее. Когда из-за стройных сосен показался табун в два десятка лошадей их время вышло уже дважды. Однако, стоит признать, что новобранцы свою оплошность понимали, потому как бежали уж очень резво. Двигаться вчетвером, ведя за собой два десятка пусть и спокойных, но всё же животных — задача не из лёгких. Поэтому, когда горе-пастухи всё же прибыли к пункту назначения, их состояние было мягко говоря истощённым. Я смотрел на них, как домохозяйка смотрит на нашкодившего котёнка. Что ж, пора этот цирк заканчивать:

— Вы не выполнили поставленную задачу. — Мерным речитативом начал я. — За это до конца дня вы идёте пешком. Не отставая! — Они, казалось, готовы были провалиться сквозь землю, лишь бы освободить себя от моего гнева. Лишь долговязый держался на редкость стойко, не опуская глаз. — Ваня, мне нужно точное количество приведённых этими баранами меринов.

— Так точно! — Подорвался было лейтенант, как вдруг подал голос тот самый стойкий паренёк.

— Двадцать две штуки, сударь, — Звонко и прислужливо сказал он, склонив свою столь же вытянутую, как и тело, голову. Рядом раздалось возмущённое фырканье. Я подумал, что это чья-то лошадь вздумала своевольничать. Однако очагом недовольства оказался Генрих. Хоть Майер старший и был весьма добр к своим холопам, чужих он откровенно говоря

недолюбливал. К гвардейцам он относился почти как к равным, а вот к непосвящённым его отношение было предельно понятно. Я жестом осадил Генриха, попросив попридержать свои дворянские амбиции. Сам же я подъехал поближе к пареньку и посмотрел ему в глаза. В отличие от рядом стоящих, он не прятал взгляд в землю, готовясь в любой момент согнуться в поклоне. Нет, он спокойно и даже с интересом смотрел на меня, ожидая, что же я скажу. Меня такое поведение от простого холопа несколько смутило. Нет, я не собирался ставить его на место, защищая свою репутацию. Ведь сейчас это фактически мой человек. Так зачем же превращаться вдруг в тирана после того, как я сам совсем недавно активно пропагандировал образование?

— Вань, проверь. — На всякий случай отдал я команду. — Когда посчитал? — Этот вопрос уже к парню.

— Так когда забирали, тогда и сосчитал. Они как раз из сарая и выходили. — Развёл руками он.

— И как считал? — Спросил я снова.

— Ну как-как? Один, два, три... — Так и считал. — Снова ответил он так, как будто это само собой разумеющиеся. Нет, до трёх-то тут и крестьяне считать могли, да и двадцать два — число небольшое. Но всё же просто так, от балды, тут мало кто подсчёт вёл. А этот вот, пожалуйста.

— Молодец, — Искренне похвалил его я. — А ежели нас сейчас пятнадцать, а лошадей всего тридцать три. Сколько свободных меринов останется? — Парень задумался. Крепко задумался. Однако буквально через десяток секунд, когда Генрих уже открывал рот, чтобы выразить своё искреннее непонимание, чего это я вожусь с простым смердом, он вдруг вскинул голову:

— Восемнадцать! — Воскликнул он, сам поражаясь своему голосу. Я же взглянул через плечо на весьма поражённого Майера. Он лишь улыбнулся, мол: «был не прав, извиняюсь».

— Точно двадцать две! — Послышалось с конца табуна.

— Как тебя звать, парень? — Задал я волнующий меня вопрос.

— Лавруша, — Он осёкся, — В крещении Лаврентий. — Уже увереннее сказал он и выразительно взглянул на меня.

— Берия, что-ли? — Хохотнул я.

— Ась?

— Да нет, ничего, — Сдерживая улыбку сказал я. — Пляшите, бойцы! Благодаря вашему Лавруше пешком вы не пойдёте. Иван, — Окликнул я задержавшегося в табуне Лейтенанта, — Подряди им лошадей без сёдел! Всё ж без наказания оставлять тоже не хорошо.

Спустя час ускоренной езды и трёх смен лошадей мы нагнали-таки колонну и свой обоз. Я сидел во второй телеге, идущей прямо перед телегой Генриха. Сам Майер ехал рядом. В походе он предпочитал идти верхом, не вникая моим советам дать коню передохнуть. Мои в общем-то скомканные мысли оборвал смутно знакомый звук. Как будто кто-то перебирал струны напрочь расстроенной гитары. Я довольно быстро определил источник звука. Им оказался один из холопов Майера, держащий в руках инструмент, отдалённо напоминающий небольшую гитару. Нет, это была вовсе не балалайка, а нечто другое.

— Генрих, а чего это у тебя холопы с инструментом играют? — Спросил я своего немецкого друга.

— Да, — Он отмахнулся, — Этот дурень все свои три копейки, что я ему по доброте

душевной выделил, поставил на ногомьч.

— И, похоже, выиграл?

— Как видишь. А там и «коф», — Так он прозвал сложное слово «коэффициент», — Большой тогда был. Ну, во время перерыва. Вот он и поставил всё, что было. И не прогадал, чертяка! Выкупил у скомороха эту бренчалку и ходит довольный. А тот, говорят, у какого-то южанина за бесценнок, — Генрих смачно сплюнул.

— Неужели почётный германский дворянин не любит музыку? — Усмехнулся я.

— Любить-то любит, — Буркнул он. — Но разве ж это музыка? Я не думаю, что на этом вообще можно что-то сыграть.

— Ну-ка друг, попроси у счастливчика инструмент, буквально на минутку. — Майер насупился, но просьбу выполнил. Хлоп отпираться не стал и почти сразу согласился отдать мне подобие гитары с характерным миндалевидным корпусом. Я осмотрел инструмент. На вид очень древняя гитара: короткий гриф, примитивные колки для настройки.

Повозившись несколько минут с настройкой и воспоминанием в голове смутных отрывков и аккордов, я смог с уверенностью заявить, что ближе к правильному звучанию уже некуда. Конечно, это была далеко не гитара двадцать первого века. Но по сравнению с тем, что было раньше — уже большой прогресс. Я никогда не занимался этим инструмент серьёзно. Всё ограничивалось посиделками с блатными песенками и простенькими аккордами. Наконец, вспомнив нужный ритм и бой, я решил передать прошлому музыкальный привет из будущего. Моего будущего. Так, пальцы на Am, текст адаптировать под местные реалии. И...

Серыми тучами

Небо затянуто,

Нервы гитарной

Струною натянуты.

Дождь барабанит

С утра и до вечера,

Время застывшее

Кажется вечностью.

Мы наступаем

По всем направлениям,

Пехота не сдержит атак кавалерии.

Нас убивают,

Но мы выживаем

И снова в атаку

Себя мы бросаем.

Давай за жизнь,

Давай, брат, до конца.

Давай за тех,

Кто с нами был тогда.

Давай за жизнь,

Давай, брат, до конца.

Помянем тех,

Кто с нами был тогда.

Небо над нами

Свинцовыми тучами
Стелется низко
Туманами рваными.
Хочется верить,
Что всё уже кончилось,
Только бы выжил
Товарищ мой раненый.
Ты потерпи, браток,
Не умирай пока,
Будешь ты жить ещё
Долго и счастливо.
Будем на свадьбе
Твоей мы отплясывать,
Будешь ты в небо
Детишек подбрасывать.
Давай за них, давай за нас
И за Сибирь, и за Кавказ.
За боевые знамена
Давай поднимем, старина.

Генрих лишь пораженно захлопал глазами. Да, непривычны местные к творчеству группы «ЛЮБЭ».

Интерлюдия. Курсант Кузнецов.

— На юге, за городом, — Начал Аркадий, — Есть дачный посёлок. Небольшой совсем, домов тридцать. Так вот на въезде по левой стороне дом стоит деревянный. — Аркадий назвал точный адрес, после чего продолжил, — Мне он по наследству достался. Я же его по началу думал продать. Но потом решил сделать там свою первую лабораторию. Я много экспериментировал, но без средств мои возможности, увы, были ограничены, — он пожал плечами, — И на время пришлось опыты оставить. Но однажды на меня вышли серьёзные люди. Они представились членами министерства науки. Я проверил, бумаги у них вроде как были чистые. И денег дали, и помещение. Я там и собрал аппарат, почти с нуля! Вот только потом на смену первым пришли другие... Ну, которых вы и повязали. У них я бумаг не смотрел, как-то не до этого было. Да и деньги они стабильно давали и вообще: что запрошу — доставляли. Хоть уран обогащённый, хоть платину. Не думал, что деньги их не государственные вовсе. — Я внимательно слушал его рассказ, мысленно подчёркивая цельную логическую мысль, зачастую несвойственную психически нездоровым людям. — Ну а дальше вы сами знаете. — Он вдруг разом приосанился, но, вспомнив что-то очень важное, встрепенулся — Только у меня к вам просьба: Пожалуйста, не трогайте там ничего! Этот аппарат очень нестабилен и действия его могут быть непредсказуемы. Малейшие сдвиги могут вызвать непредвиденные последствия вплоть до детонации огромной силы с выбросом ионизирующего излучения!

— Хорошо, хорошо, Аркадий Семёнович, я всё понимаю. Вы можете не переживать, мы будем предельно осторожны. — Пospешил я успокоить горе-учёного. Скажите, а сейчас ведь там никто не живёт?

— Что вы! Конечно нет! Да и некому жить — я ж ведь родственников близких не имею, — Развёл он руками.

— Угу, — Я уже стал обдумывать дальнейшие действия, — Хорошо. Спасибо вам, Аркадий Семёнович. Если всё пройдёт хорошо, тогда... Тогда я вытащу вас отсюда!

Глава 7. «Кадры решают всё»

Дождь всё же хлынул. И не так, как в первый, щадящий раз, а по-крупному. Стена ливня урезала обзор в лучшем случае до сотни метров. Резко налетевший ветер утробно завывал, превращая и без того ужасную погоду в настоящий ураган. Я укутался в плотную ткань, которая пусть и тривиально, но всё же спасала от влаги. Я не помню, чтобы когда-то в своей прошлой жизни видел подобное в этих широтах. Не хочется верить, но возможно климат на этой Земле тоже не тот, что на моей родной.

Хорошо бы остановиться и переждать непогоду. Вот только моё непосредственное руководство было диаметрально противоположного мнения в этом вопросе, ссылаясь на то, что мы, видите ли, должны торопиться. С одной стороны эта мысль, конечно, правильная. Всё же враг уже на нашей земле и каждый лишний день может стать фатальным. Но с другой, крепость Корела, скорее всего, обречена в любом случае. Я был там разок в будущем. И пусть под призмой половины тысячелетия и несколько иной реальности она и могла выглядеть иначе, я не питал особых надежд к ней по поводу качества фортификации. Всё же двух недель активной осады с массовым применением артиллерии, которая у шведов, как я выяснил у Генриха, была в большом почёте, эти относительно тонкие стены не выдержат. Да и вообще, как я успел установить, Россия тут почему-то несколько слабее той страны, что я помню из учебников по истории. Как бы не встретить среди шведской армии большого количества огнестрела. Тогда точно пиши пропало. Но что-то как-то слабо верится в столь значительные расхождения в прогрессе у фактически граничащих стран.

Тучи продолжали выжимать на нас сотни тонн воды, нещадно поливая вот уже почти час. Как бы не слегла у нас добрая половина армии от обычной простуды. Хотя, как я успел убедиться, иммунитет к простым болячкам у местных на редкость выявленный. Если кто и заболевает, то даже без должного лечения встаёт на ноги через пару дней. Конечно, если речь идёт не о чём-то серьёзном, вроде какой-нибудь чумы, о которой я, кстати говоря, от местных почему-то ни разу не слышал.

Хорошо хоть порох успели спрятать от влаги. Не уверен, конечно, что местные методы так уж эффективны, но пушкари, как я заметил, совершенно не переживали по поводу возможной потери столь значимой для нас вещи. Значит, беспокоиться, скорее всего, не о чем. И всё же не доверяю я этим артиллеристам-первопроходцам. Вот хоть убей, не понимаю, как на обслугу одного сравнительно небольшого полевого орудия может быть выделено аж двенадцать человек? Причём одиннадцать из них — простые холопы, которые не то что пушку — порох впервые видели! А тот самый один мало-мальски прошаренный пушкарь занимается, о чудо, наводкой орудия. Без каких-либо прицельных механизмов! Не удивительно, что на один-единственный выстрел у них уходит по несколько минут. В общем, похоже, пушки тут играли скорее морально-подавляющую, нежели чем боевую роль.

Такой ливень, в силу своей массивности, не мог идти слишком долго. Всё же ресурс свинцовых туч не безграничен. Так и случилось: ещё буквально через пол часа ураган вдруг стих, а ещё недавно угрожающе нависающие тучи расплылись в синем небе, явив нам скромно улыбающееся солнце.

Я сидел в телеге, укутавшись по горло в разном тряпье, почти не спасавшем от дождя. Образовавшаяся лужа медленно стекала сквозь щели в полу телеги. Нет уж, вот доберусь до ресурсов и хоть какой-то власти — всё к чертям собачьим перетентую! Будут у меня

классические повозки американских колонистов, а не эти развалюхи.

С трудом выбравшись из под груды мокрых и от того невероятно тяжёлых тряпок, я поспешил переодеться. Не хватало ещё простыть и слечь без врачебного ухода с температурой. Гвардейцы приказа ждать не стали и последовали моему примеру. Остальные же, неподконтрольные мне воины, лишь усмехнулись, завидев такую излишнюю, как им показалось, предосторожность. Ну, мы им не няньки и уговаривать не будем. Да и бессмысленно это по большому счёту.

Закончив с этим весьма не воинственным, однако от этого не менее важным делом, я спрыгнул с телеги на вязкую, хлюпающую землю. Меня вдруг пробрало до костей и я непроизвольно поёжился. Нет, так дело не пойдёт. Я похлопал по склизкой земле вдоль повозки, одновременно пытаюсь нащупать руками хоть сколько-нибудь сухую рубаху. Наконец, почувствовав сухую ткань, я выдернул её из под сырого завала и поспешил надеть поверх своего кафтана. Ребята на сей раз засомневались.

— Айда, бойцы, бери что посуше, да цепляй на себя. Здоровее будете. — Спорить они не стали и уже через пару минут в телеге осталась лишь насквозь мокрая одежда, которую я распорядился аккуратно развесить по бортам повозки. Шутки шутками, а мне сопливые гвардейцы даром не нужны. И пусть местные предрассудки к подобному не располагают. Мне на это всё равно. Сейчас моё положение позволяет мне выделяться на фоне серой массы особым подходом. Впрочем, полезные приёмы здесь перенимают с большой охотой, а потому, как мне кажется, долго я белой вороной здесь не буду.

В который раз организация местной армии поразила меня своим фактическим отсутствием. Увязая в грязи, лошади стали ещё медленней перебирать ногами, а пещцы же и вовсе были вынуждены хлюпать по ней на своих двоих. Сказалась, безусловно, и непригодность самой дороги, которая на протяжении всего пути представляла мне лишь как широкая тропа, совершенно неустойчивая к экстремальным погодным условиям. Но, на удивление, никто и не думал жаловаться или ворчать по поводу столь дискомфортных условий. Люди шли со всё такой же суровой уверенностью. Разве что чуть медленнее.

Практически полное отсутствие телег и повозок, важность и необходимость которых я всё время похода доносил до Михаила, в первый и наверняка, последний раз сыграло нам на руку. Ведь как бы не тяжело шёл человек или конь по грязи — телега пойдёт куда сложнее. Во многом из-за этого мой отряд впервые за весь поход стал самым медленной и, как следствие, тормозящей всю армию частью. Хорошо хоть, что близился вечер и чистое небо предвещало хоть какое-то улучшение ситуации на «дороге».

С местом стоянки долго думать не пришлось. Вот уже больше суток мы идём вдоль небольшой речушки, скорее даже ручья, строго на север. Его ширина не превышала пятнадцати метров, зато в длину он раскинулся уже на добрый десяток километров. Вообще я как-то не замечал в будущем такого количества водоёмов в этом регионе. Нет, конечно, я слышал, что их много. Но никогда бы не подумал, что настолько.

Вдоль пологого берега мы стали разбивать лагерь. Остальной колонне повезло меньше, поскольку им достался участок на сотни метров крутого побережья.

Солнце клонилось к закату, когда мы наконец закончили обустройство стоянки, что на сырой и скользкой почве было делать не так уж и просто. Участки с высокой травой уже успели впитать основную часть влаги. Их мы и выбрали для размещения палаток. Вообще назвать эти хлипкие навесы палатками можно разве что с очень большой натяжкой. Несколько толстых палок, держащих кусок парусины. Хм... Ну конечно! Как же я сразу не

догадался? Ведь на время похода можно эти сами палатки ставить в повозки, защищая их от осадков. Я плеснул на свисающий кусок материи воды из котла. Редкие капельки испуганно побежали вниз. Провёл рукой — сухо. Как говорится: «Всё гениальное — просто!»

Вскоре весь отряд собирался у большого костра, над которым был подвешен громадный котёл из весьма паршивого на мой взгляд металла. Поленья слабо потрескивали, а тёмно-рыжая мешанина из всего, что было стала закипать и наполнять округу целым ворохом аппетитных ароматов.

Однако предвкушение сытного ужина я заметил лишь на лицах четверых новичков. Особенно на смотрящем исключительно в котёл упитанном парне. Взгляды же остальных были донельзя задумчивыми и печальными. События для них в последние дни развивались уж очень быстро. Они приняли свой первый полноценный бой и понесли первые потери. Офицеры держались несколько лучше, видимо осознавая своё старшинство и, как следствие, ответственность за подчинённых.

В целях повышения боевого духа я решил вновь одолжить у Генриха музыкальный инструмент, отдалённо напоминающий гитару. Майер привычно встал на ночёвку рядом, так что далеко идти не пришлось. Вообще формально, конечно, инструмент принадлежал его холопу. Вот только всё имущество человека зависимого, как и он сам, по местным законам находилось в собственности барина. А потому фактически я брал семиструнный агрегат у самого Генриха. В первый раз мой малый концерт слышало всего пара человек, в число которых невольно попал и мой немецкий друг. Играл я откровенно говоря не виртуозно, а потому делал ставку скорее на голос и текст. Впрочем, так сейчас вполне себе по моде. В итоге впечатление я тогда произвёл противоречивое. В основном потому, что незнакомые с подобным стилем, мои слушатели не сразу разобрали, в чём, собственно, суть. Да и пел я скорее для себя. Как бы не была легендарна группа «ЛЮБЭ», я не такой уж и хороший артист и тем более гитарист.

Вернувшись, я обнаружил, что до этого пялившийся в бурлящий котёл парень увлечённо возился возле переднего колеса телеги. Что он там такого нашёл? Осторожно поставив гитару, я подкрался к нему сзади и, отвесив лёгкий подзатыльник, в полушутку спросил:

— Чего там делаешь?! — Он подскочил от неожиданности, испуганно озираясь по сторонам.

— Так это, — Он сглотнул, — Прости, барин. Заметил я, что колёса-то у вашей телеги гладкие. — Он указал на колесо с засохшими на нём кусочками грязи.

— И что же? — Я не понимал, к чему он клонит.

— Да у нас просто на колёсах зарубки ставят, ну, чтобы по грязи да по снегу легче шло. Мы как в этой грязюке чуть не застряли, я так и смекнул. Ну, зарубки вам сделать надо. — Он виновато улыбнулся и шмыгнул своим курносым носом.

— Зарубки, говоришь? — Я почесал затылок. — А ну покажи. — Я протянул ему топорик, которым совсем недавно рубился хворост. Он принял инструмент и показал, как нужно рубануть, чтобы оставить засечку под нужным углом. Идея была и правда неплохой. Может, по грязи так пойдёт и не сильно лучше, но по снегу — уж точно. И, что самое интересное, до этого я не замечал подобных, на первый взгляд элементарных, ухищрений ни на одной из повозок.

— Сам додумался? — Решил прямо спросить я.

— Ну, — Он замялся, — Сам, получается.

— Молодец, парень. — Я хлопнул его по плечу. Вдруг вспомнил, что как-то не узнал

имени новобранца. — Как звать?

— Илья. — Он снова шмыгнул носом.

— Молодец, Илья, хвалю за сообразительность. — Он кивнул, не зная, что ответить. — После ужина займёмся всеми колёсами. — При словах о еде парень оживился и, как будто вспомнив о том, что поесть для него не менее важно, дёрнулся обратно на своё место.

Не знаю почему, но ужин показался мне на редкость вкусным. Возможно, сыграло большое количество адреналина, что совсем недавно бурлил в крови и опустошил его ресурсы. Почти весь отряд ел без особого аппетита и лишь Илья накинулся на еду, как будто не ел вот уже несколько дней. Лавруша же и вовсе ел, скорее запихивая в себя еду. Под конец я уже подумал, что он сдастся и отдаст остатки жаждущему Илье.

После ужина я взял гитару и провёл пальцами по струнам. Дюжина и одна пара глаз уставилась на меня, наострив уши. Сначала я думал сбачать что-нибудь классическое для моего стиля, вроде Цоя. Но в последний момент передумал, вспоминая строчки из песни группы «Арктида». Так, припев чуток сократим, второй куплет, пожалуй, опустим, поскольку смысл местным может быть не ясен. Как там начинается?

Пусть русский Бог нас позабыл, быть может, занят был немного

И в этот день, и в этот миг к нам всё равно пришла подмога

И Смерти снова не до нас, не вынесла такой нагрузки

Пускай наш Бог и далеко — так значит, Дьявол точно русский

Во имя дедов и отцов — атака русских мертвецов

Во имя дедов и отцов — атака русских мертвецов...

Я закончил, проигрывая ещё раз аккорды припева. Затаив дыхание, все вслушивались в фальшивую мелодию, ранее меркнувшую на фоне вдруг понизившегося и охрипшего голоса. Когда музыка стихла, последовали совсем недавно плотно вошедшие в жизнь местных аплодисменты. Люди стали скромно просить, чтобы я сыграл ещё. Казалось, ещё немного и к моим ногам полетят букеты с криками «Бис!». Но я всё же утихомирил толпу, сетуя на то, что хорошего, вообще-то, по чуть-чуть. Последовал слитный огорченный вздох. Но всё же мне удалось поднять боевой дух отряда.

Я обратил внимание на туго перевязанную ногу одного из рядовых. Рядовой Кузьма, парень с отъявленной украинской наружностью и соответствующим акцентом, получил весьма глубокую рубленную рану в бою. Надо бы сменить парню повязку. В качестве антисептика приходилось использовать продукт перегонки, который некогда должен был стать самогоном. По моей нисколько не авторитетной оценке, там было не больше пятидесяти градусов. Число хоть и крупное, вот только вкус был на редкость отвратным. Но нам и не напиваться им. Вроде как такой концентрации достаточно для обработки ран. Хотя я, конечно, не уверен в этом до конца.

Я аккуратно развязал некогда белоснежную, прокипячённую ткань. Моему взору явилась довольно тонкая, но весьма длинная полоса раны. Я заметил, что в глубине и по краям ранки образовалась тёмная-бежевая субстанция. Я, конечно, нисколько не врач, но по моему ничего хорошего это не сулит. Судя по всему, рана начала гноится. Однако, быстро. Чуть меньше суток ведь прошло! И не ясно, дело в халатности обрабатывающего или в слабом антисептике. Вот чёрт! Я всегда не любил всю эту врачебную практику. Меня даже запах этанола кружил и валил с ног. Сейчас же от меня, наверное, зависело здоровье, а может и жизнь одного из самых возрастных членов моего отряда.

Сказать, что «операция» прошла успешно, конечно, нельзя. Я кое-как убрал из

поражающей глубиной раны почти всё, чего там быть не должно, вот только никаких знаний по этому поводу у меня нет и теперь всё в руках случая. Стоит признать, что пациент держался на редкость достойно, почти ни разу не дрогнув на протяжении всего процесса. Пожалуй, если завтра он не проснётся с жаром и бредом, то всё обошлось. Пенициллина тут, к сожалению, нет и заражение крови лечить нечем. Выделять же его, подобно Александру Флемингу, я не могу по очевидным причинам.

Когда я сел у изрядно ослабшего костра, чтобы отдохнуть после столь насыщенного дня, ко мне присоединился Лавруша. Щуплый паренёк сел рядом. Посмотрев с полминуты на огонь, он заговорил:

— Командир. — Надо же, уже научили! Ну молодцы, сержанты. — Я заметил, у Кузьмы рана гноится.

— Ну да, — Лениво отмахнулся я. — Паршивое дело. А что?

— У нас в прошлую зиму поп останавливался. Католик, с Запада. — Он неопределённо махнул в сторону давно ушедшего солнца. — Так вот, он меня в ученики взял. И считать научил и латыни... Пытался научить. Так вот он молод совсем был, борода выше груди! — Лавруша замялся, поразившись собственной эмоциональности. — Он не только грамоту ведал. — Уже ровным голосом продолжил он, потянувшись в свой наплечный мешочек, который он постоянно носил с собой. — Он мне показал некоторые травы, что от хворей всяких лечат. — Тут я окончательно заинтересовался в этом прозорливом паренёке. Он достал из мешка ещё один, совсем маленький, аккуратно завязанный тонкой ниточкой. — Вот, ты по утру в кипяток эти травы положи, дай Кузьме дай выпить. Должно помочь. — Я принял мешочек, размером с ладошку.

— Спасибо, рядовой! — Искренне поблагодарил я его, — Что-то ещё? — Я заметил, что он не закончил.

— Да. — Лавруша оглянулся по сторонам. — В общем, следят за нами.

— Это как? — Опешил я.

— Да я заметил, что возле лагеря постоянно кто-то шастает. Вот вроде как и просто проходит мимо, а вроде и постоит, послушает.

— Из полковых? — Наклонился я к нему.

— Да кто ж знает? — Пожал плечами начинающий контрразведчик. — Но не из холопов точно.

— Хорошо. В смысле, ничего хорошего, конечно. Но хорошо, что заметил. Благодарю за службу! — Рядовой улыбнулся и смущённо опустил взгляд.

— Да чего уж там, — Отмахнулся он.

Новость о том, что моя персона так заинтересовала ещё кого-то, не оставляла меня до самой ночи. Я отправил спать первого постового и сам принял вахту. Окинув взглядом пойму реки, я с ухмылкой заметил, что десятки таких же костров горели по всему периметру бескрайнего лагеря. В их свете виднелись бодрствующие силуэты. Похоже, внял воевода.

Не смотря на насыщенный день, мне не спалось. Я сидел на бревне, пристально вглядываясь в танцующие языки пламени костра. Неужели у меня появились столь ярые недоброжелатели? Или это Василий отправил человека наблюдать, чтобы я ещё чего не учудил? Оставалось только гадать, ведь уличить в шпионаже человека из полка пока что совсем не в моей компетенции.

Вдруг откуда-то слева, из овражка, послышался треск веток. Свет костра не дотягивался до него и я сейчас мог полагаться только лишь на свой слух. Взяв из пламени обхваченную

огнём ветку, выполняющую роль факела в одну руку и арбалет в другую, я, пригнувшись, шагнул в сторону, откуда послышался хруст веток. Вот ещё какой-то шорох. Вдруг в свете луны мне явились размытые очертания силуэта.

— Стой! Кто идёт?! — Громко сказал в темноту я.

— Свои! — Отозвался знакомый голос с выявленным акцентом.

— Все свои дома сидят, телевизор смотрят! — Ответил я непонятной здесь никому репликой.

— Чего? — Усмехнулся он в ответ.

— Генрих, мать твою за ногу, ты чего по оврагам ходишь среди ночи?!

— Да вот не спится что-то, — Выйдя на свет, сказал он, — Тебе, я смотрю, тоже? Ты ж ни в жисть. В первый пост не встанешь!

— Да вот думаю я, — Уже садясь обратно на своё место пояснил я, — Следят за нами, гады.

— Кто?

— А чёрт его знает? — Пожал я плечами. — Но есть и хорошая новость.

— Ну-ка ну-ка? — Он подсел рядом.

— Ребята, которых я взял, оказывается вельми полезные.

— Та ну? — Разочарованно и с подозрением спросил он.

— Ага! Один вон, инженер растёт. А другой лекарь, да соглядатай.

— Ха! — В голос засмеялся Майер. — Чтобы холопы, — Он оговорился под моим суровым взглядом, — Ну, то есть бывшие холопы мастерами были. Ещё и отроки! Да ну брось!

— Пока они малы, — Согласился я, — Но потенциал на глаза. Зря сомневаешься, Генрих. Помнишь, я тебе про князя рассказывал? Ну, который зверобой?

— Помню, конечно! Меня Ганс, как я ему эту историю разок рассказал, потом битый час мучал! — Красочно возмутился Майер.

— Так вот этот самый князь один раз сказал: «Кадры решают всё». — Назидательно подняв указательный палец, сказал я.

— И что это значит? — Недоверчиво поднял он бровь.

— А то и значит! — Я раздражённо махнул рукой. — Что ежели в каждом холопе видеть талант, то каждый тебе будет в день по рублю приносить. — Майер покачал головой и мечтательно посмотрел на огонь.

— Станный ты, — Усмехнулся он.

— А у нас все в роду такие. — В такт ему буркнул я. Мои же мысли всё ещё вертелись вокруг внезапной слезки. В конце концов, когда меня уже начало морить, я разбудил себе смену и улёгся спать крепким, здоровым сном.

Глава 8. «Гатчина»

— Десяток подъём! Быстрее, мать вашу! — Я сидел в седле в лучах предрассветного солнца. За прошедшую неделю ранние подъёмы в армейском стиле вошли в обиход и теперь каждое утро гвардейцев начиналось одинаково громко и быстро. По началу, конечно, они терялись и на сборы уходило едва ли не больше времени. Но это скорее из-за отсутствия как таковой привычки. На третье утро был заметен прогресс, а уже сегодня на построение ушло каких-то три минуты. Ещё с десятков минут на свёртывание лагеря и две колонны с сержантами во главе равнялись вдоль дорожной колеи.

Чем ближе мы подходили к крупнейшему городу в округе, тем качественнее становились дороги. Это было связано с тем, что река, по которой торговцы предпочитали добираться до Новгорода совсем недавно оборвалась и до неё приходилось добираться своим ходом. Это и поспособствовало развитию инфраструктуры в регионе. Не Римские дороги, конечно, но хоть в дождь так сильно не размывает.

Мне удалось выбить у воеводы пару холопов для obsługi повозок, так что теперь весь отряд мог целиком выдвигаться в разъезды и порой даже по пол дня пропадать в лесах. Ежедневно устраивала двухчасовой привал, в ходе которого отдыхали лишь лошади. Бойцы же в это время активно тренировались. Помимо рукопашного боя я позаботился и о навыках дальнего. Арбалетов было всего два, из-за чего приходилось упражняться по очереди. Здесь это оружие не очень-то уважали, а потому найти ещё подобных экземпляров порой не представлялось возможным даже будучи в торговой столице севера Руси. Целых пол часа было выделено на строевую подготовку, в которую входило и отражение натиска. Одна пятёрка со всего размаху пёрла на другую, которая должна была устоять, прикрываясь щитами.

Самыми прогрессивными в развитии навыков фехтования, как ни странно, оказались близнецы. Мирослав и Ярослав, похожие не только внешне, но и характером, отличались хорошими показателями ловкости и скорости. Быстро усваивали новое, схватывая технику как копейного, так и сабельного боя буквально на лету. Как оказалось, они — дети кузнеца, одного из немногих погибших в стычке с бандитами. Отец учил их не столько своему основному ремеслу, сколько умению постоять за себя. Он понимал, что когда-нибудь им, как и ему в тот роковой день, придётся защищать свой дом. Впрочем, это не значит, что в остальном они оказались неучами. Ребята работающие и заряженные, желающие неуклонно прогрессировать во всём. Они даже про кузню мне пытались что-то втирать, хоть я ничего и не понял.

Со временем все, пусть не идеально, но освоили верховую езду, а многие даже показывали что-то в верховом копейном бою. В этом деле оказались неопределимы навыки Мурата, который и мне и остальным дал целый ворох полезных советов.

Со временем наш отряд окреп настолько, что его можно было бы смело назвать летучим спецназом. Не раз мы натыкались на мелкие шайки бандитов, которые, по рассказам местных, в последнее время очень уж расплодились. Таких больших, как тогда в деревеньке, мы больше не встречали. Все они в основном состояли из озлобленных крестьян и численностью не превышали десяти-пятнадцати человек. А в большинстве случаев и того меньше. Почти все такие «сражения» начинались и заканчивались одинаково: мы подкрадывались к их стоянке, начинали планомерно вести стрельбу с полусотни метров и до

сближения успевали сделать до трёх выстрелов. Если кто подбегал поближе — включались метательные сулицы, не оставлявшие шансов бездеспешным оборванцам. Понеся большие потери, остатки чаще всего сдавались и впоследствии были переданы полку. Пусть что хотят с ними, то и делают, мне такое счастье даром не надо. Верностью такие не прославятся, а потенциальные предатели мне даже в обслуге не нужны. Бывало и так, что горстка отчаявшихся крестьян всё же добегала до строя, где тут же натыкалась на копейные острия, которые отточенными сотнями повторений движениями вонзали в них гвардейцы первого ряда. Практиковали и приближенную к реальной боевой ситуации маневры. Благо, «манекенов» было в достатке и нам даже удалось пару раз симитировать перестроение из походной колонны в оборонительную шеренгу, когда до противника оставалось не более двадцати метров. Они всех наших действий не понимали и каждый раз подобно стаду баранов бежали вперёд. Всё их оружие дальнего боя начиналось и заканчивалось на обожжённых, иногда окованных в паршивое железо, копьях, которые они метали разрозненно и весьма неумело. А уж с топорами и вилами мы справлялись без труда, грамотно отводя сильные и блокируя слабые удары, поражая фатальными копейными выпадами в уязвимые места врагов.

Иной раз удавалось сэкономить запасы продовольствия, регулярно пополняемого в мелких деревушках, охотой. Леса были буквально наводнены разного рода живностью. Как крупной, так и мелкой. Немногочисленные хищники по понятным причинам обходили такое скопление двуногих стороной. Травоядные же, в большинстве случаев, подпускали нас на дистанцию убойного выстрела. Однажды даже удалось завалить целого лося, обеспечив мясом не только весь отряд, но и угостив сотников и воеводу.

В общем, наше положение в походе как никогда стабилизировалось и даже улучшилось. Гвардейцы сплотились, практически став единым механизмом. Где-то, конечно, по прежнему не хватало чего-то в силу возраста и малого стажа. Но желание в их глазах пылало синим пламенем, из-за чего сомнений не оставалось: если эту военную компанию мы переживём — они станут настоящими солдатами.

Десяток построился в две колонны, ожидая команды. Из лагеря мы всегда выходили пешими, в полном обмундировании. На левом плече висит круглый щит, в правой руке копьё, за спиной пять дротиков. У сержантов вместо дротиков — арбалеты. Сабли висели в поясных ножнах.

Первый километр отряд пробежал и только после этого разрешалось седлать коней. Сами лошади шли с повозками и их приходилось ждать. Однако ожидание это не проходило в пустую: далее по расписанию шли спарринги. Сначала без оружия, потом без щита и только после этого в полной экипировке. Теперь уже без деревянных сабель и копий с обожжёнными концами. Всё боевым оружием, лишь с тем условием, что за мгновение до удара клинок или наконечник нужно было остановить. Такая методика хоть и на порядок эффективнее, поскольку максимально приближала ситуацию к боевой, но при этом гораздо опаснее. Пока что дальше малых порезов не доходило и, надеюсь, не дойдёт. Видел как-то что-то подобное в фильме про самураев. Ну, если уж япошки так смогли, то и мы сможем!

Когда повозки, недавно покрытые палаточной тканью, и лошади добрались обустроенного мини-лагеря, мы седлали мерингов и отправлялись в многочасовой рейд, останавливаясь раз в пол часа на пять-десять минут возле водоёмов, дабы напоить лошадей и дать им отдохнуть. Шли почти всегда быстрой рысью, лишь иногда переходя на галоп и регулярно меняя скакунов. Мы двигались не исключительно по прямой, а курсировали по

большому радиусу вокруг армии, пересекая овраги, чащи, холмы и даже реки. Таким образом мы совмещали практику разведки конными разъездами с бесценной практикой верховой езды, зачастую оттачивая конные атаки по предполагаемому, импровизированному противнику.

Однако этот день отличался от остальных. Сегодня, по словам Михаила, мы должны были прибыть в местный пункт сбора, где и собиралась вся армия общей численностью чуть более пятнадцати тысяч человек. Оттуда мы выступим дальше на север, где и должны будем противостоять проклятым шведским узурпаторам.

После полудня, когда мы преодолели приблизительно чуть больше двадцати километров, показался город, с небольшим, обнесённым деревянными укреплениями, детинцем. Широкий посад стен не имел и открылся нам всем своим размахом кривых улиц и низеньких домов. По сравнению с Новгородом, Гатчина была раза в четыре меньше, но даже при этом является крупнейшим в округе населённым пунктом. Благодаря своему географическому положению город стал для купцов с севера перевалочным пунктом перед последним броском до Новгорода, а для торговцев с юга — последним крупным селением перед выходом в море.

Сейчас Гатчина напоминала разросшийся муравейник. Похоже, ждали только нас. Сюда стянулись практически все силы Руси на севере, за исключением гарнизонов крепостей. Общее число солдат, как я понял, составляет примерно четверть от всей русской армии. Это при том, что эти пятнадцать с хвостиком тысяч почти полностью состоят из ополчения, едва ли знакомого с военным делом. В ожидающей в городе армии процент реальных солдат оказался, по моим скромным подсчётам, ещё меньше. Если в Новгородском полку с горем пополам набиралось пол тысячи конных и оружных воинов, то в Гатчине это число в лучшем случае не превышало трёхсот. Возможно, конечно, я просто оказался не в том месте и не в то время. Но, проехавшись по одному из обустроенных лагерей, я встречал лишь одного маломальски сносного вояку на дюжину оборванцев.

Мы, как и следует авангарду, первыми прибыли в город. Все трактиры, коих, справедливости ради, и так было не шибко много, уже давно были забиты до отказа и нам приходилось ставить палатки прямо возле окраины города, на берегу озера. День был в самом разгаре и прозябать его в простых тренировках я посчитал кошунством. Мы лишь дождались, пока не прибудет основная колонна. Мне до жути хотелось пойти с Генрихом на местный рынок, который, в связи со стоянкой крупной армии, расцвёл на глазах. Конечно, урвать что-то вразумительное себе я не рассчитывал: всё же уж больно велик спрос, чтобы можно было зацепиться за хоть какое-то предложение.

Спустя час мы с Генрихом брели по изрядно опустевшим в последнее время торговым рядам. В наличии были лишь самые распространённые товары, вроде простой еды и гражданской одежды. Однако на глаза мне попала большая лавка, возле которой стояла телега и копошились люди явно холопского вида. Мы зашли под навес, где нас поприветствовал статный молодой человек явно европейской наружности. Он посмотрел на меня равнодушно, но, взглянув на Майера, открыл рот в немом изумлении:

— Генрих, мать божья, ты ли это?! — Воскликнул он в волнении на искажённом немецком.

— Мартин? — В такт ему поразился Майер. — Не верю своим глазам! Ты всё же решился на экспедицию в Россию?

— Как видишь! — Поставив ранее взятый ящик, ответил, судя по всему, датчанин. Они с

Генрихом всё это время говорили на смутно узнаваемом немецком, судя по всему северном наречии, но общую суть их разговора я, тем не менее, понимал. Они крепко пожали друг другу руки и синхронно похлопали левыми руками по плечам друг друга, словно не веря в реальность происходящего.

— О, познакомься, — вспомнив обо мне, сказал Генрих. — Это Александр, мой хороший друг и брат по оружию.

— Ты водишься с русскими? — Презрительно спросил он, глянув на меня. Ну вот, ещё один русофоб. Пора бы и этого осадить.

— С волками жить — по волчьей выть, — Озвучил я адаптированную на нужный лад мудрость на чистом немецком. Этот вариант арийского языка хоть и отличался от того, на котором говорили старые, по всей видимости, приятели, но похоже западный купец всё прекрасно понял. Он вновь открыл рот, но буквально через мгновение и уже с совсем другой интонацией извинился:

— О, прошу прощения, господин. Не знал, что вам знакома высокая германская речь. — Он склонил голову в лёгком поклоне.

— О, поверь мне, русский язык гораздо выше любого из европейских! — Вклинился Генрих, силясь разрядить обстановку. — А какие тут пейзажи! А девушки! А зимы, Мартин, зимы тут воистину прекрасны! — При словах о холодном времени года европеец поёжился.

— Не сомневаюсь. Но всё же я предпочту зимовать в родном Копенгагене. — Ага, значит всё-таки датчанин.

— Город восстановили до конца? — Поинтересовался Майер.

— Да, всё же уже почти три года прошло.

— Три года? С чего? — Спросил я у него.

— С осады города Шведским войском. Тогда случился большой пожар, почти половина города сгорела под чистую! — Эмоционально размахивая руками, разгорячённо ответил Мартин.

— А я слышал, что Олаф славится своим милосердием, — Скопился я на Генриха.

— О да, жертв почти не было. Пожар, говорят, устроили не шведы. — Отмахнулся датчанин. — Сам же Олаф разрешил всем желающим сложить оружие и покинуть город.

— И все пошли? — Засомневался я.

— Не все, — Отрицательно покачал он головой. — Пол сотни тысяч человек. Женщины, дети, старики. Мужчины же почти все остались защищать крепость. Шансов у них не было и уже через сутки город был взят штурмом. В итоге Дания лишилась всех своих владений в Скандинавии и попала под жесткие репарации.

— Да-а, дела. — Протянул я, почёсывая затылок.

— А как дела с торговлей? — Сменил тему Генрих.

— Не очень, — Неопределённо ответил Мартин. — Я как прознал про войну, набрал всякого железа и рванул сюда. Вот только эти... — Он замялся, глянув на меня, — Примитивные воины раскупили все копыя да клинки и большего брать не стали!

— А что у тебя есть ещё?

— А что вас интересует? — Смешно прищурившись, ответил он вопросом на вопрос.

— Самострелы? — Меркантильно поднял я бровь.

— Да полно! — Поспешил обрадовать меня он. — Дюжину арбалетов закупил и дюжина так у меня и лежит! А что, вас интересует неудобное богу оружие?

— Какое богу дело до того, чем прописывает себе путёвку в ад человек? — Философски

заметил я.

— И то правда, — Цинично кивнул он, доставая из под прилавка очень схожий с моими арбалет. Вот только этот агрегат был несколько компактнее и заметно качественнее. Кроме того — он имел и прицельную планку. Как выяснилось, цена за них также была соответствующая. Нет, деньги у меня, конечно, были. Но вот так вот отдавать столь большую сумму денег... Мой внутренний хомяк мне бы такого просто не простил бы. Я давно думал над тем, что же делать с моим мобильником, который с вынутой батареей вот уже столько времени валялся в сумке. По сути вещь уникальная, но в то же время очень опасная. За такие фокусы в христианской общине по головке не погладят уж точно.

Я попросил проводить меня в уборную, которая, по сути своей, являлась лишь огороженным участком метр на метр позади лавки со всеми соответствующими удобствами. Вставив в телефон батарею, я нажал на кнопку включения. Через пол минуты засветился экран блокировки, а в правом верхнем углу — 48 % заряда. Бинго! Батарея отдельно от телефона почти не разряжалась! Я в последний раз подумал над тем, стоит ли отдавать столь полезный артефакт, который, безусловно, высоко оценит европейский торгаш. Решено! Серебро для меня сейчас куда полезнее телефона без выхода в сеть. Никакой полезной литературы в новом, недавно купленном мобильнике не было и я вскоре положил его на прилавок против двенадцати арбалетов высокого европейского качества. По началу неизвестный предмет не поразил ни Мартина, ни Генриха. Первый лишь презрительно фыркнул и посмотрел на меня, как на юродивого.

— Хорошее зеркальце, — Усмехнулся Мартин. Я же вместо ответа лишь нажал на боковую клавишу. Экран, с предварительно выкрученной на максимум яркостью, загорелся и нашему взору явились анимированные обои космоса и нашей планеты с орбиты.

— Это чего это? — Отпрянув, пробормотал Мартин. Генрих тоже выразил своё удивление, хотя для него мои фокусы, похоже, уже стали обыденностью.

— Ну что, бартер? — Кивнув на смартфон спросил я.

— А? — Он оторвал взгляд от мобильного.

— Я говорю, давай меняться. Ты мне самострелы, я тебе зеркальце. — Я хитро ухмыльнулась, любуясь поражённым неслыханным чудом купцом.

— Ну... Э-э, господин. Вещица-то хорошая, вот только и самострелы не дешёвые. — В нём проснулась жилка наживи.

— Хорошо, — Не стал торговаться я, — Ещё пять рублей сверху.

— Согласен! — Мы ударили по рукам и в следующий миг Мартин потянулся к телефону. Я прижал его своей рукой и сказал:

— Советую тебе побыстрее его продать.

— Это зачем?

— Видишь цифры? — Я указал в правый угол экрана.

— Цифры? А, ну да. Вроде арабские. Четыре и семь.

— Молодец, разбираешься. Так вот это — его энергия. Как только останется ноль — он погаснет и больше никогда не загорится.

— Так а, — Он уже хотел было возразить.

— Подожди, — Я оборвал его и достал из телефона аккумулятор. Пока эта штучка отдельно от зеркала — цифры уменьшаться не будут. Захочешь продать, — Я вставил аккумулятор назад и включил телефон, — Возвращаешь на место и жмёшь на эту кнопку.

— Во чудеса, — Прошептал он, судорожно принимая от меня «волшебное зеркало».

— Ах да, чуть не забыл. Он очень хрупкий, так что лучше его не ронять.

— Ну само собой, что я, зеркалами не торговал, — Запинаясь, ответил Мартин.

— Такими на вряд-ли. — Усмехнулся я.

— Господин, подождите. — Окликнул меня датчанин, когда я уже хотел уходить.

— Что такое?

— Вот, — Он водрузил на прилавок здоровую керамическую вазу с широким горлом. —

Прими в подарок. Вы ж люди ратные, вам всяко нужнее будет.

— А что это? — Снова подойдя к лавке, спросил я.

— Да чёрт его знает, — Почесал затылок торговец. — Выкупил у одного алхимика. А чего делать — не знаю.

— И поэтому решил мне втюхать? — Усмехнулся я.

— Так ты вон какой дивный человек. Может, знаешь, чего это такое. — Я открыл крышу и заглянул внутрь. Примерно половину сосуда была пуста. В другой же половине плескалась густая желтоватая жидкость. Масло что-ли? Я понюхал — ничем не пахнет. Вот прям совсем ничем. Потянулся внутрь, чтобы обмакнуть палец, но тут меня остановил перепуганный Мартин:

— Господин, господин! Не советую!

— Это ещё почему? — Удивился я.

— А ты глянь! — Он наклонил сосуд и капнул самую малость на деревянный прилавок. Жидкость зашипела и через мгновение на этом месте образовалась впадина. «Кислота» — всплыло у меня в голове. И, похоже, очень сильная и концентрированная. Да-а, как это я забыл про личную безопасность? Но сам факт того, что я смог найти столь полезную вещь — радовал.

— Слушай, Мартин, — Погружая все покупки в телегу, обратился я к купцу. — А ты можешь привести ещё этого... Ну в общем, вот этого вот? — Я кивнул на кувшин с чертовски едкой жидкостью.

— А, да, конечно. Вещь, в общем-то, не шибко дорогая. Десятка горшков хватит?

— Думаю, для начала да.

— Договорились! — Мы в последний раз ударили по рукам и я, закрыв борт повозки, запрыгнул на скамейку рядом с извозчиком. Кислота... Хм, а ведь и правда полезная штука!

Глава 9 «Страшная сила»

Я сижу в своей палатке, за небольшим столиком в свете дорожной восковой свечи, вокруг которой вьётся небольшой мотылёк, над глиняной тарелочкой с желтоватой маслянистой жидкостью. Ветер поддувает во входную щель неудачно расположенной палатки. Я ещё раз окунул в жидкость небольшую веточку. Вынул я уже палочку на порядок короче. Крайне сильная кислота. Как жаль, что в химии я абсолютный профан и ничегошеньки во всех этих смесях не понимаю. А может, это и вовсе щёлочь? Она же, вроде, тоже разъедает органику. Ох, как же всё мутно и непонятно! Вещь, вроде, и полезная, но вроде и знать нужно не мало для получения этой самой пользы.

От безнадёжности я стал подобно ребёнку бросать в миску всё подряд: листочки, веточки, песок из под ног. Но всё либо с шипением растворялось в агрессивной кислотной среде, либо оседало на дне безо всякого результата. Я как мог напряг память, силясь вспомнить хоть что-то о кислотах из курса химии. Но вспомнилось только лишь что-то про правило с водой. Вот только что куда лить нельзя — хоть убей не помню. А почему бы это и не проверить?

Я потянулся к кожаной фляге, скорее даже бурдюку, в котором ещё плескалась живительная влага. Откупорив крышку, я наклонил фляжку к миске но в последний момент подумал: «А не рванёт?». Но внутренний голос услужливо подсказал: «Не должно!». Моя рациональная сторона сочла этот довод обоснованным. Но всё же сначала лучше капнуть совсем немного. Я плеснул каплю воды в миску. Жидкость тут же вскипела и забурлила. Несколько капель попали на рукав и проделали небольшие дырочки в рубахе. Вот чёрт! Похоже, всё же кислоту в воду. И правда — обратный процесс прошёл абсолютно спокойно и безопасно. Вот только что это мне дало? Раствор меньшей концентрации? Логично, но что с этим делать?

Я настолько погрузился в увлекательный мыслительный процесс, что не заметил, как в палатку неслышно вошёл Иван. Он немного потоптался на месте, наблюдая за моими действиями и только потом обратил на себя моё внимание:

— Кхем, командир, там это, — Он показал себе за спину, — Ужин готов.

— Уже? — Я глянул на свечу. Та уже изрядно уменьшилась в размерах. Похоже прошло не менее получаса с тех пор, как я засел за эксперименты с подручными средствами. — Будь добр, принеси сюда.

— Так точно! — Он одним движением развернулся на месте и зашагал к выходу. Через минуту Иван вернулся с тарелкой классического походного вечернего варева, которое уже стало привычным и даже как-то приелось.

Я, не глядя в тарелку, деревянной ложкой отправил первую порцию в рот. И снова! Похоже, этих до жути экономных деревенщин ни за что не научишь нормально солить еду! Как это вообще можно есть? Ворча себе под нос, я достал из вещмешка, который услужливо подменил потрёпанный рюкзак, небольшой мешочек с крупной солью. Расщедрившись на две щепотки, я попробовал совершенно иное блюдо. Ну вот, другое дело!

Я принялся жадно хлебать жирную похлёбку и вдруг меня осенило. Замерев с ложкой во рту, я вдохновенно посмотрел на мешочек, из которого скромно вываливалась соль крупными, слипшимися комками. А что если...

Отодвинув наполовину опустевшую тарелку с ужином, я пододвинул поближе

керамическую мисочку. И снова вопрос: что куда лить или сыпать? Немного поразмыслив, я всё же решил на сей раз сначала лить кислоту. Высыпав весь мешочек соли в отдельную тарелку, я плавно наклонил миску с кислотой. Однако рука предательски дрогнула от навалившегося предвкушения и почти вся жидкость полилась на горку соли. Я уже закрыл руками лицо, приготовившись к очередному кислотному фонтану. Однако этого не произошло. Вместо опаснейших брызг последовало громкое шипение. Явно шла какая-то сложная реакция. От горки повеяло теплом. Вдруг с улицы меня окликнули:

— Командир, а командир, ты глянь чего, а! — Вот же бараны, никакой субординации. Я встал и быстро вышел из палатки. Ох, похоже чересчур быстро... В глазах на мгновение потемнело, а дышать стало как-то тяжелее. Я пошатнулся, но, вдохнув свежего августовского воздуха, почувствовал облегчение. Неужели старею? Ха, в двадцать лет в глазах темнеет! Но вернёмся к моим болванам. Получив час свободного времени с условием нахождения в лагере, они решили устроить самый настоящий тир. Теперь каждый имел при себе арбалет и каждый уже как минимум два десятка раз из него выстрелил, нещадно дырявя рядом стоящую ель.

— Ну чего там, лейтенант? Если не шведы — всю ночь дежурит будешь! — В полушутку сказал я.

— Э-э... Так не шведы, командир, — Ваня понурил голову.

— Ну а чего тогда? — Уже дружелюбнее спросил я. Молодой лейтенант оживился и вытянулся в струнку.

— В общем, я посчитал: на зарядание самострела нужно до дюжины раз сосчитать. Ну, примерно.

— Так, — Я заинтересованно кивнул, — Это мы с тобой давно уж поняли. Вот только что с этого? — Он замешкался, подбирая слова, но вскоре ударил себя по лбу и запричитал:

— Так давайте я лучше покажу!

— Ну, показывай! — Я махнул рукой, давая разрешение. Иван повернулся к десятку, столь же заинтересованно следившему за нашим диалогом и, сменив тональность голоса на командирскую, пробасил, как мог:

— Десяток, слушай мою команду! В стрелковые шеренги стано-о-вись! — Стрелковые шеренги? Но ведь я ничему такому их не учил. Или это импровизация офицерского состава? Быстро они, однако, строятся! Как будто уже не в первый десяток раз это делают. Вскоре двенадцать человек распределились по четыре в шеренгу, образовав три линии. Я с интересом наблюдал за их действиями, хотя сам уже понял, к чему всё идёт.

— Первый цельсь! Стреляй! — Первая четвёрка выпустила болты в ель, стоящую шагах в пятнадцати. Нужно признать, три из четырёх снарядов поразили цель и лишь один прошёл в притирочку со стволом дерева. — Второй цельсь! — Первый ряд присел на колени и стал перезаряжаться. Новая партия самострелов оказалась несколько меньше и мобильнее, из-за чего перезаряжать их гораздо легче и удобнее, даже стоя на одном колене. В мощности же они почти не проигрывали. Иван про себя досчитал до четырёх, после чего последовала очередная команда. — Стреляй! — И вторая четвёрка опустошила свои самострелы. Ещё через четыре секунды выстрелил и третий ряд, прямо через головы первых двух. Первый ряд сразу после этого встал, показав свою готовность к стрельбе. Я жестом остановил очередную команду лейтенанта и искренне похлопал.

— Bravo, ребята! Вы сами научились залповой стрельбе, молодцы! Вот только болтов у нас пока не шибко много, а потому приказываю прекратить тренировки с личным оружием!

— Так точно! — Слаженно ответили бойцы. Боеприпасов у нас и правда было совсем немного, буквально два выстрела на человека. Однако несколько ремесленников и без того перегруженных работой, дали мне слово, что к завтрашнему вечеру наполнят колчаны каждого из ребят. Разумеется, за тройную плату. Ну, тут уж ничего не попишешь — пришлось раскошелиться.

Вдохновлённый полезной импровизацией моих подчинённых, я не стал их отчитывать и, в приподнятом настроении, вернулся к себе в палатку. Сев за стол, я обнаружил, что чего-то не хватает. И правда — Мотылёк, что совсем недавно вился вокруг свечи, вдруг куда-то исчез. Сама же свеча уже почти догорела. Я решил не экономить и заменить её. Взяв остатки воска, я потянулся в сумку за новой свечой. Но что-то меня остановило. Что-то, что лежало до этого за остатками свечи. Я наклонился поближе, чтобы рассмотреть находку. Это был мотылёк. Он лежал бездыханным телом. Внешне казалось, что с ним всё в порядке, но никаких признаков жизни он не подавал. Что за? Вдруг я ощутил дискомфорт в носу и горле. Мне всё разом стало понятно. На подкашивающихся ногах, я вылетел из тесной палатки, большую часть которой занимал стол метр на метр и рухнул на колени, жадно вдыхая свежий воздух. Все бойцы разом побросали свои дела и ринулись ко мне. Говорить мне было сложно, но я всё же смог выдать из себя приказ:

— В палатку не заходить! — Но они и не думали об этом. Подхватив меня, они двинулись к костру. В конце я уже почти самостоятельно лёг, облокотившись на бревно. Все стояли в немом молчании, лишь тяжело дыша. Наконец, Елисей взволнованно спросил:

— Командир, а чего это с тобой?

— Да так, решил поэкспериментировать, — Улыбнулся я. Ответом мне стали лишь непонятливые взгляды. — Не берите в головы. Палатку проветрить надо, только сами не заходите внутрь! — Двое бойцов ринулись выполнять команду. На свежем воздухе мне стало лучше, хотя ещё пару мгновений назад я чувствовал, что буквально задыхаюсь. Это что же получается? При смешивании соли с этой кислотой выделяется какой-то газ, без цвета, без запаха, но способный оказывать фатальное влияние на живые организмы? Твою ж... С одной стороны это вроде как здорово, потому как открывает неплохие перспективы. Я уже сейчас представляю себе, как толпы врагов, бегущих на строй солдат в противогазах, постепенно замедляют свой шаг, падают, жадно вдыхая смертельный воздух. Меня пробрали мурашки. Оружие, безусловно, страшное. Но ведь и времена сейчас соответствующие и осудить за его применение едва ли кто сможет. Да и на вряд-ли получится выделить достаточно этого самого газа, имея не более десяти литров кислоты. Хотя и это количество, стоит признать, невольно внушало уважение. А ведь если бы не тот самый несчастный мотылёк, я бы, возможно, до последнего не понял бы, с чем связано резкое ухудшение моего состояния. Так бы и помер в своей палатке как жертва собственного эксперимента.

— Я слышал, — Подсел ко мне Лаврентий, — Путники говорили, что на болотах иногда туман странный появляется.

— Ты это к чему? — Смутился я.

— Так вот этот туман, ежели вдохнёшь, там сразу и сляжешь. Не часто такое является, но всё же.

— Ты думаешь, меня этот туман сморил? — Я усмехнулся, садясь поудобнее.

— А почему нет?

— Так ведь и болото ближайшее в трёх вёрстах от сюда.

— Ну, — Он пожал плечами, — А что тогда?

— Помнишь, я большой глиняный горшок привёз?

— Ну помню. А что там внутри плескалось?

— Вещь эта вельми полезная. Вот только что с ней именно делать, я не знал. Но решил с солью смешать. А оно как зашипит!

— И чего? — Напрягся Лавруша.

— Ну вот я и лежу сейчас здесь. — Я натянуто улыбнулся, указывая вяло пожав плечами.

— Ух ты, — Совсем по-детски протянул он, судя по всему также как и я оценив все возможности этой интересной вещицы.

Я решил больше не экспериментировать со столь опасным реагентом и, плотно закупорив большой сосуд, улёгся спать на жёсткую постель, которую ничуть не смягчала даже тонкая ткань, выполняющая роль матраса. На удивление, уснул я довольно быстро, лишь попытавшись вспомнить запах этого самого бесцветного газа. Но, похоже, он его не имел. Прямо супер-оружие какое-то. Хотя, стоит понимать, что подобные ухищрения в суматохе боя могут сыграть и против того, кто его применяет.

Я привычно встал с рассветом, хотя этот день и был, по факту, единственным выходным. Десяток так же не стал возмущаться раннему пробуждению. Сейчас мы были чуть ли не единственной частью в разросшейся армии, которая предпочла соблюсти походный режим во время долгожданной днёвки. Бросив ещё один косой взгляд на кувшин с кислотой, я вышел из палатки. На улице уже активно шла тренировка, больше напоминающая утреннюю гимнастику. Впрочем, у остальных не было и такой практики.

— Десяток, слушай мою команду, — Вытирая лицо после водных процедур. — Боевая задача: ступайте в город и до обеда каждая пятёрка должна поймать по крысе!

— Э-э, крысе, командир? — Усомнился Иван.

— Именно крыс, лейтенант! Приказ подлежит обжалованию только после его непосредственного выполнения! — Я продекламировал одну из статей воинского устава, пока ещё не записанного никем в этом мире. Это ясно?

— Так точно! — Стройно ответил десяток. Тем временем к лагерю медленно двигался всадник в кольчуге и на добром коне. Редкое явление в местной армии. Я долго наблюдал за тем, как он медленной рысью приближается к нам. Вскоре я узнал в нём сотника Алексея, в чьём фактическом подчинении я сейчас находился.

— Саша! — Окликнул он меня, — Вот ты где! — Он спрыгнул с коня, не дав тому полностью остановиться.

— А что, неужели потерял? — Усмехнулся я, пожимая ему руку. — Есть свежие вести?

— А как же! Выступать решили завтра с рассветом. Порядок тот же — ты со своими можешь отрываться недалеко вперёд, но не более, чем на сутки. И ежели какая заварушка, так сразу назад. — Он хитро улыбнулся мне, давая понять, что в определённых ситуациях условия эти могут быть пересмотрены.

— Отлично! А то я уже, если честно, засиделся! — На самом же деле я был бы не против пожить в Гатчине ещё недельку, копя расходники и приводя бойцов наилучшую форму.

— Ещё сегодня в детинце небольшой пир затеяли. Всего ничего народу, в основном сотники да десятники. Тебя, кстати, тоже зовут. — Ухмыльнулся Алексей.

— Даже так? — Я удивлённо хекнул. Действительно, не ожидал такого гостеприимства. — Что ж, тогда конечно явлюсь! — Мы ещё немного побеседовали на

отречённые темы, после чего сотник как будто опомнился и, стукнув себя по лбу, вскочил на коня.

— Тьфу ты, заболтал ты меня! У меня ж дел невпроворот! Всё, бывай, Саша. Вечером свидимся. — Уже переходя на легкий галоп выкрикнул он. Я же направился в город. Следовало навестить мастеров, которым я сутки назад выдавал целый ворох заказов.

Интерлюдия.???...???

Мужчина в серой мантии сидел в сверхсовременном, выбивающемся из общего плана комнаты, кресле. Левый его глаз отличался от правого наличием сложной системы. Он транслировал перед ним целый ворох диаграмм и схем, гигабайты данных ежесекундно обрабатывались его технологически модифицированным мозгом. Он открыл большую голограмму и стал вращать её движением руки, просчитывая варианты. Вскоре он осознал всю бесполезность этих действий. И откинулся на спинку кресла, массируя виски.

— Как дела с просчётом через симуляции? — Глухо раздался его голос мощным эхом.

— Расчёт данных завершён, — Мерный машинный голос звучал, казалось, отовсюду.

— Какова точность измерений?

— Девяносто восемь процентов. — Так же безжизненно ответил голос.

— Вот чёрт! Если бы симуляции были абсолютны точны, мы бы уже давно выполнили главную миссию ордена! — Мужчина резко встал и зашагал взад-вперёд.

— Спешу заметить, что ни одна технология во вселенной на данный момент не способна на столь точный расчёт.

— Да знаю я, — Отмахнулся он, остановившись возле широкого окна. — Скажи, а всё что мы делаем... — Он застыл, всматриваясь в даль бескрайнего космоса. — Не лишено ли всё это смысла?

— Определённо нет, — Моментально отозвался компьютерный голос. — В той реальности, когда орден создавался, человечество находилось на грани вымирания уже в конце двадцатого столетия. Сейчас же мы достигли впечатляющих результатов и приблизились к выполнению намеченных целей.

— Спасать человечество, — Протянул мужчина, — Как это красиво, романтично и как... Бессмысленно.

— Почему вы так считаете? — Озадачилась система.

— Сколько бы мы не меняли ход истории, — Садясь в кресло, начал он, — Всё равно в итоге случаются войны, приводящие к большим жертвам. Да даже если бы симуляции были на сто процентов точны — миссия всё равно была бы слишком далеко. Не думаю, что доживу до того момента, когда орден расформируют за ненужностью. — Он вздохнул и устался в потолок.

— Вы не можете умереть, — Напомнила система.

— В этом-то и есть главная проблема. — Усмехнулся он, разом приводя кресло в вертикальное положение. — Нельзя больше ждать. Запустить программу перемещения в указанный промежуток времени и место исходной реальности.

— Не советую. — Отозвалась система, — Сейчас все агенты на заданиях, активно меняются протоколы временной хронологии, ваше перемещение может быть небезопасно.

— Отставить! Приказ есть приказ! — Вдруг повысил тон мужчина.

— Какое снаряжение потребуется? — Осведомился компьютер.

— Гаситель фотонов, тепловизор, встроенный переводчик. — Заученно повторил мужчина.

— Это всё? — Через мгновение спросил голос.

— Ещё нейрализатор. — Вспомнил он.

— Биокодировать?

— Разумеется.

— Приготовьтесь к перемещению. Шестнадцатое августа, две тысячи двадцать четвёртый год. Координаты: $60,21^\circ$ северной широты, $30,16^\circ$ восточной долготы. Перемещение через три, два, один... — Вспышка света, и мужчина исчез, как будто его и не было.

Глава 10. «Подготовка»

— Командир, а командир! — Окликнул меня Илья. За последнюю неделю он неслабо возмужал, превратившись из толстого увальня в чуть менее полноватого парнишку с куда более серьёзным лицом. Нет, лишний вес в нём всё ещё проглядывался, но теперь я бы не назвал это такой уж выбивающейся из общего фона чертой.

— Чего тебе, рядовой? — Я специально общался с новичками исключительно по званиям, чтобы те отвыкали от привычных им именных обращений и переходили на армейский строй.

— Ты же в мастерские собираешься? — С надеждой спросил он.

— Ну да, — Усмехнулся я, глядя на его просящее выражение лица. — Пойдём, составишь мне компанию.

— Да, я сейчас! — Обрадованно воскликнул он. Илья вскочил с бревна на котором сидел, взял свой вещмешок, точь в точь такой, какой с недавних пор получил каждый боец и засеменял в мою сторону.

— Стой! Раз, два! — Командирским тембром отчеканил я. Илья не сразу понял и пробежал ещё несколько метров, прежде чем наконец остановил своё широченное тело, чуть не завалившись при этом вперёд. — Что забыл?

— Так э-э... — Он стал осматривать себя со всех сторон, как будто пытался выяснить, чего же такого на нём не хватает.

— Личное оружие, боец! — Глубоко вздохнув, прикрикнул я. Рядовой подпрыгнул и, вытянувшись в струнку, замер.

— Виноват, командир! — Как мог громко, срываясь на визг, в силу своего возраста, ответил он. Я подошёл к нему в плотную и уже спокойно, но твёрдо, стал объяснять важность его ошибки.

— Личное оружие, рядовой, это часть тебя, — Я ткнул пальцем в его грудь, так что он, даже будучи в стёганном нагруднике, пошатнулся и чуть не свалился назад. Стёганная броня эта, кстати говоря, оказалась весьма распространённым и относительно неплохим аналогом кольчуги. Она держала стрелу из лука почти с любой дистанции и спасала от большинства рубящих ударов. — Настоящий гвардеец своё оружие носит как одежду. Ты должен расставаться с саблей только когда ложишься спать! И даже тогда, — Я назидательно поднял палец вверх, — Она должна лежать рядом. Это понятно?

— Так точно! — Испуганно выпалил Илья.

— Кру-гом! Бегом марш! — И он сорвался во весь апорт, чуть ли не спотыкаясь, хотя земля под его ногами была ровная. — У тебя минута! — Крикнул я ему в след.

Илья оказался неглупым парнем. Он быстро схватывал новые правила и знания, а вот с практикой наблюдались проблемы. По началу мне казалось, что парень просто не выдержит изматывающего графика, по которому жили гвардейцы. Однако вскоре ему всё же удалось вклиниться в ежедневную суматоху и с большим трудом преодолеть свой редкий для этого времени физиологический барьер в виде лишнего веса. Тем не менее, это не мешало пухлому парнишке после каждого ужина, которого ему по началу не хватало для полноценного насыщения, садиться у костра и что-то вырезать и строгать маленьким ножичком, а порой с интересом разглядывать конструкцию и механизм арбалета. Его идею с зарубками на колёсах мы применили уже на следующий день, чем действительно облегчили продвижение

телег по склизкой грязи. Уже сейчас можно сказать, что из Ильи может получиться неплохой инженер или ремесленник, которых в этом времени и уж тем более в этих широтах было не так уж и много. А прогрессивных и вовсе: единицы.

Спустя пол минуты фигурка полного пацана уже неслась обратно ко мне, а на поясе его болталась сабля в ножнах. Когда же он, тяжело дыша, всё же встал передо мной, обозначив свою готовность, я ухмыльнулся и, ничего не сказав, пошёл в сторону города, предварительно призывно махнув ему рукой.

По понятным причинам, один человек просто физически не смог бы сделать всё то, что мне было нужно. Из-за этого мне вчера пришлось раздавать заказы и внушительные авансы чуть ли не по всей Гатчине. В основном это были арбалетные болты. Сам по себе товар в этих широтах уникальный и практически всем мастерам пришлось оставлять образец для работы. При этом все поголовно утверждали, что за сутки успеют сделать от силы пол дюжины единиц арбалетных стрел. Главным отличием арбалетного снаряда от лучного является меньшая длина, которая, впрочем, с лихвой компенсируется толщиной древка и размерами наконечника. Сам наконечник отличается от лучного особой конструкцией, позволяющей вытащить снаряд из щита или тела, не рискуя при этом обломать древко. Болт имеет большую массу, по сравнению со стрелой и, как следствие, представляет даже для бронированной цели немалую опасность, поскольку начальная скорость такого снаряда за счёт большего натяжения в несколько раз превосходила местный аналог. Однако нельзя сказать, что лук по всем критериям проигрывал самострелу. Даже с учётом того, что в шестнадцатом веке арбалеты вышли на пик своей технологичности, вот-вот сдав пост огнестрельному оружию, лук до последнего сохранял свои главные преимущества перед ним: скорострельность и дальность стрельбы. Первое достигалось за счёт большей мобильности и отсутствия как таковой перезарядки. Со вторым сложнее: за счёт более длинной стрелы длиннее, соответственно, и ход этой самой стрелы под влиянием тетивы. Проще говоря, можно провести аналогию с огнестрельным оружием или даже с пушками: чем длиннее ствол, тем дальше летит снаряд и тем медленнее он опускается к земле. Безусловно, при прочих равных переменных. Здесь, конечно, всё куда примитивнее, но механика та же. В общем, на данный момент, на мой дилетантский взгляд, арбалеты имели неоспоримое превосходство над луком, как над устаревшим оружием, практически изжившим себя.

Первым пунктом нашего следования стал небольшой домик старого плотника, мастерская которого была раза в три больше его скромного жилища. Жил он один, однако в городе его уважали и почитали, не столько в силу преклонного даже по меркам будущего возраста, сколько из-за редкого мастерства в разного рода ремёслах, в основном связанных с деревом.

Мы вошли на небольшой дворик, в котором едва ли можно было найти кусочек свободного места. В углу, занимая почти половину двора, лежала кучка поленьев. Сам же старик стоял рядом и весьма бодро, относительно своего возраста, рубил дрова. Заметив гостей, он отложил топор и, преодолев какой-то десяток метров, оказался в другом конце двора, прямо перед нами.

— Здорово, отец! — Кивнул я ему.

— И вам не хворать, — Добродушно откликнулся он. Ещё в первый визит к нему я заметил, что его небольшая бородка на редкость ухожена, а сам он отличался своей любовью к чистоте и порядку. Невысокий ростом, он напоминал мне трудолюбивого гнома, чем

каждый раз вызывал невольную улыбку на моём лице. — Я стрел наделал, — Опережая мой вопрос, сказал он, — Айда в сарай. — Он махнул нам рукой и вразвалочку засеменял к большому строению, которое больше напоминало производственные цех.

Внутри было тускло, но на удивление чисто. Многочисленные, пусть и весьма примитивные инструменты лежали каждый на своём месте, составляя ощущение полного порядка, контроля и аккуратности. Об истинном предназначении многих из вещей, висящих на стенах и лежащих на верстаках, я мог только догадываться. Отдельной кучей лежали деревянные бруски разных форм и размеров и палочки, из которых, вероятнее всего, старик и делал болты. Наконечники особой формы я отдельно заказал кузнецу, живущему фактически через дорогу и заваленного работой похлеще плотника. Впрочем, звонкая монета и его не оставила равнодушным и он даже согласился по завершению заказа доставить его старому ремесленнику. За покрытие издержек, разумеется.

Мы прошли в самый конец этого небольшого ангара, пока наконец не вышли к тупику в виде широченного стола, служащего, вероятно, рабочим местом. Покопавшись в закромах полка, он выудил из неоткуда связку арбалетных болтов. Аккуратно развязав толстый шнурок, старик разложил стрелы на столе. Я пересчитал их. Вышло ровно десять штук. И это сделал один, заваленный работой старичок меньше, чем за сутки. Вот, что значит многолетний стаж! На удивление все болты были сделаны как под копирку. Они как будто вышли из под одного станка: имели одинаковую вплоть до сантиметра длину, толщину и, на мой взгляд, были идеально ровными. Я собрал заказ в свой колчан и достал увесистый кошель с серебром. Отсчитав солидную сумму, которую в мирное время можно было бы отдать за втрое больший заказ, я добавил ещё несколько монет за качество его работы. Выписал, так сказать, премию. Старик благодарно принял горстку монет и принялся их пересчитывать. Я уже собирался уходить, как вдруг он окликнул меня:

— Пойдите, уважаемые! — Его голос звучал с ноткой растерянности. Неужели просчитался?

— Что, нешто не хватает? — Усмехнулся я.

— Да напротив, перебрал ты! — Воскликнул он и протянул мне свою премию сильной, пусть уже и морщинистой рукой.

— Не, дед, это твои деньги. Заказ ты выполнил, да ещё на отлично. Хороший труд всегда должен поощряться! — Старик замешкался и скромно улыбнулся. Он явно не ожидал такого поворота событий. — Ах да, и ещё. — Я глянул через дверной проём на кучу поленьев во дворе. — Ты бы не надрывался на старости лет. Пришлю я тебе своих ребят, они тебе эти полешки в раз перемолотят.

— Ох, — Он улыбнулся ещё шире. Это была добрая, искренняя улыбка человека, уже было потерявшего веру в человечество. — Это как же, я ведь и не знаю... — Он тоже глянул во двор. Потом снова на меня. Вдруг мне в голову пришла очередная идея.

— А ты займись-ка лучше своим делом. — Я кивнул на верстак. — Мне нужен ящик. Не простой, а чтобы крышка в нём снималась и плотно закрывалась. А ещё желательно сделать стенки его из единых дощечек. — Я визуально показал примерные габариты ящика. — Все щели нужно засмолить. Так, чтобы воздух не проходил. Ах да, ещё один момент. К низу ящика изнутри приклей чем-нибудь намертво глиняную чашку. Желательно, чтобы края её были как можно выше, а сама она не шибко широкая. Ну, вроде всё сказал. — Старик будто вынырнул из прострации, в которой, судя по всему, моделировал мой заказ. Он с интересом потёр мозолистые ладони и мечтательно закатил глаза.

— Сделаем, — Будто помолодев, ответил он на выдохе. — Я тебе его за так сделаю, идёт?

— Добре! — Мы ударили по рукам, после чего я наконец покинул его двор.

Ещё порядка двух часов мы с Ильёй бродили по городу, заходя во все кузни и мастерские, ткацкие и плотницкие, которые только могла предоставить Гатчина. В доме каждого мастера Илья проявлял не дюжий интерес, раз за разом осыпая очередную цель сложными, даже для меня, вопросами в их деле. Мало кто мог сравниться, да хотя бы приблизиться к мастерству старого плотника. Однако все заказы оказались выполнены и мы, гружёные подобно волам, возвращались в лагерь. В общей сложности получилось насобирать шесть с гаком десятков болтов разной степени качества, но всё же приемлемых. Дюжина дротиков обещала пополнить наши запасы тяжёлого оружия дальнего боя, к которым эти короткие копья с массивными наконечниками легко можно было бы отнести. К тому же, наконец удалось одеть весь отряд в стёганную броню, имеющую неоспоримое преимущество перед дублёной кожей.

В лагере мы застали интереснейшую картину: выставив несколько бочек и свалив кучку ящиков, весь десяток увлечённо гонял кожаный мяч. Настолько увлечённо, что по началу они даже не заметили моего возвращения. Их не смущал ни крутой склон, на котором они были вынуждены организовать поле для игры, ни отсутствие разметки, ни даже чересчур большое количество человек в команде. Впрочем, когда такие мелочи останавливали пацанов, заражённых неизлечимой болезнью футбола?

Первым на меня обратил внимание стоящий на «воротах» Кузьма, недавно оправившийся от раны и вынужденный уступить роль полевого игрока громадному Бьёрну. Эх, кого же напоминает мне в нападении этот громила, с редкими белыми волосами? Ну конечно! Сменить бы цвет волос на тёмный, да убрать акцент и точно номер «двадцать два» нашей сборной! Ну, точнее уже не моей, а той, что была в другой жизни.

Заметив мой суровый взгляд, все бойцы с завидной скоростью построились в шеренгу по стойке «смирно».

— Лейтенант Иван!

— Я! — Привычно отозвался он.

— Объясните причину прекращения выполнения приказа!

— Так это, командир, — Он шмыгнул носом, — Приказ выполнен! Две крысы пойманы и ожидают в клетках возле вашей палатки! — Вот так новости! Это они меньше, чем за два часа справились? Хотя чему я удивляюсь, тут же крыс, пожалуй, больше, чем людей!

— Ожидают, значит? — Хохотнул я. — Молодцы! Хвалю за безупречную службу! — Весело гаркнул я им. — Вольно, бойцы! Разрешаю продолжить игру.

Я подошёл к своей палатке, возле которой и правда стояли две небольшие клетки, имеющие прутья лишь с одной-единственной стороны, которая по совместительству являлась и дверцей. Остальные же были сделаны на основе древесины. Я заглянул внутрь. Крупная, в две ладони крыса, посмотрела на меня из темноты. От неожиданности я даже вздрогнул. Вот так номер!

— Голодная, да? Ну ничего, не долго тебе осталось. Послужишь, так сказать, на дело отечества. А потом памятник тебе поставим на главной площади. Как героине-испытательнице. Андерстенд? — Недовольный писк послужил мне ответом. Оставалось только ждать вечера. В палатке я обнаружил ту самую «гитару», что совсем недавно одалживал у Генриха. Вот так Майер, вот это подгон! Что ж, томным вечер теперь уж точно

не будет!

Интерлюдия. Курсант Кузнецов.

Спустя неделю я наконец-то смог взять отгул у вечно недовольного начальства и выехать на поиски истины. Честно говоря, слова человека, так или иначе попавшего в психиатрическую лечебницу, не вызывали у меня особого доверия. Но при этом в голове так же не укладывался тот факт, что такой с виду образованный человек, как Аркадий, смог предстать перед судом как однозначный психопат. Я уже слышал легенды, как в подобного рода заведениях прятали неугодных правительству людей. Не то чтобы я в это верил, но всё же и ситуация эта по своему уникальная.

До пункта назначения оставалось совсем чуть-чуть. Я потратил пол дня на дорогу сюда и, надеюсь, что не в пустую перевёл свой единственный выходной. Я один из немногих, кто смог попасть на стажировку в спецслужбы, при этом обучаясь в соответствующем институте на заочке. Остался всего какой-то год и я, в должности лейтенанта, наконец смогу стать полноценным сотрудником службы безопасности. Сейчас же я, на стареньком седане с трудом преодолевал суровые российские просёлочные дороги в поисках нужного населённого пункта.

Когда казалось, что ветхая подвеска совсем скоро решит уйти на покой, мне наконец встретился ржавеющий знак с нужным названием весьма неказистой деревеньки буквально в пару десятков домов. Таких в нашей необъятной стране наверное сотни, если не тысячи. Я въехал в поселок и почти сразу заметил нужный дом. Это была классическая деревенская изба, с покосившимся забором. Огород давно лежал под властью кучи сорняков, а сарай, что являлся пристройкой, казалось, вот-вот развалится.

Я вышел из машины и подошёл к низенькой, буквально полтора метра высотой, калитке. Как я и предполагал никакого движения внутри не наблюдалось. Я дёрнул за ручку дверцы — та на удивление легко поддалась. Калитка отворилась почти без труда. По скрипящим половицам я поднялся на крыльцо, где путь мне преградила массивная деревянная дверь. Неужели, и тут открыто? Тяну за ручку — и правда. Во дают люди!

Я зашёл внутрь. Затаив дыхание, стал продвигался в глубь домика, пригибаясь под низкими косяками и протискиваясь в узкие дверные проёмы. Вдруг на заднем дворе послышался какой-то странный шум. Не звон железок или шум падающих досок, которые можно было бы принять за проделки местной сельской фауны, а что-то другое, непонятное. Как будто звук вспышки фотоаппарата, усиленный в несколько раз. Медленно, чтобы произвести как можно меньше шума, я расстегнул кобуру с табельным «макаровым». Держа пистолет наготове, я продолжил свое движение. Осталась последняя комната, вход в которую мне преграждала небольшая дверца. Я прильнул ухом к плохо покрашенным деревяшкам. Внутри явно кто-то был. Причём шаги слышались совершенно точно человеческие. Бездомный? Возможно. В любом случае я должен проверить.

Резко распахнув дверь, я взял на мушку предполагаемого противника. Вопреки моим ожиданиям, передо мной предстал отнюдь не грязный бомж, а напротив — ухоженный человек в возрасте. Тем не менее его нахождение на частной собственности вызвало вопросы. Ещё больше вопросов у меня вызвал громадный, во всю стену шириной и высотой, железный ящик, с тучей мерцающих лампочек, кнопок и рычагов. Неужели оно?

— Стоять, полиция! — Выкрикнул я, не снимая с прицела подозреваемого. Мужчина медленно повернулся и продемонстрировал мне раскрытые ладони, впрочем, не поднимая рук высоко.

— Тише, парень, спокойно, — Он миролюбиво улыбнулся мне. Странно, но мне показалось, что губы его движутся не в такт со словами. Или мне это мерещится?

— Руки за голову! — Продолжал давить я. Мужчина же вместо этого стал медленно приближаться ко мне. Я заметил, что одной рукой он тянется за спину. Вот черт, неужели без крови никак?

— Стой, стрелять буду! — В последний раз предупредил его я. Но никакого влияния это не оказало. Он дёрнул руку за спину, я же, не став медлить, нажал на курок дважды. Первая пуля отчётливо поразила цель, мужчина упал, пропав из моего поля зрения. Вторая же пуля прошла там, где преступник только что стоял. Она попала в прибор. Тот заискрился, но не на долго. Вскоре сноп искр прекратился. Я поспешил проверить, как там раненный преступник, что буквально мгновение назад завалился в сторону. Однако там мне встретилось лишь небольшое пятно крови и несколько пятен, ведущих к громадному аппарату. Не знаю, как мне пришло это на ум, но как-то я догадался, что моя цель почему-то просто стала мне невидимой. Но ведь это значит, что он может напасть из неоткуда. Я заметил, как капнула ещё одна капля и дважды выстрелил в ту сторону. Ещё одна пуля вошла в железный корпус. Вдруг аппарат неистово загудел и затрясся. Я опустил пистолет. В этот момент справа от меня вновь появился человек в чёрном костюме и направил в мою сторону странный, продолговатый предмет, похожий на большую ручку. Из его наконечника вылетела вспышка. Одновременно с этим прогремел мощный взрыв. «Неужели, это конец?» — Успел подумать я, перед тем как завис в каком-то странном, неописуемом состоянии.

Глава 11. «Пир»

За перебором струн, тонкой настройкой инструмента и вспоминанием давно заученных песен, я не заметил, как пролетело время. Отправленные на борьбу с дровами бойцы уже вернулись в лагерь и сейчас, наверное, занимались простой походной бытовухой. Я решил не перегружать их и дать им отдохнуть перед тем, как снова двинуться в путь.

Выйдя из палатки, я удивился тому, как далеко на запад успел уйти жёлтый диск. Солнце весело сверкало на практически безоблачном небосклоне. Да-а, засиделся я с гитаркой на перевес. Впрочем, общего с современной гитарой у местного аналога не много. Хорошо хоть колки, пусть и примитивные, имеются. Десяток, как ни странно, в полном составе продолжал осваивать неровности склона возле лагеря, беззаботно гоняя мяч. Вот и не скажешь, что эти пацаны, по сравнению с местными «воителями», уже почти машины для убийств. Завидев меня, они вновь засуетились и уже хотели рвануться на построение, но я одобрительно махнул рукой Ивану. Лейтенант что-то сказал своим подопечным и они как ни в чем не бывало, продолжили гонять кожаный круг по редкой траве.

Пора бы и одному прогуляться. Во всяком случае, здесь меня почти никто не знает и недоброжелателей быть не может. Хотя, не стоит забывать про слезку, о которой меня предупреждал Лаврентий. Идя по широким улочкам города, я вспоминал недавние события. Паренёк, похоже, не даром тёзка самого известного в истории той России комиссара государственной безопасности. Чуйка у него на разного рода подозрительных личностей. Я убедился в этом, когда по пути сюда мы чуть было не попали в засаду. Точнее сказать, попасть в неё мы не должны были, ведь и организовывалась она не на нас, а на неудачливых торговцев. Суть её была проста, как три рубля, но я почему-то зазевался и не смог вовремя определить подставу. Двое бандитов стояли на дороге рядом с телегой со сломанным колесом и когда потенциальная жертва останавливалась и теряла бдительность, ещё пол дюжины татей вылетало из леса и брали её в кольцо. Стоит признать, что от местных разбойников я такого никак не ожидал, а потому даже решил помочь «бедолагам». Те уже было перепугались, впервые столкнувшись с группой вооружённых до зубов всадников, а потому понадеялись, что мы просто проедем мимо. Но Лаврентий, долго прожигая взглядом самого прыткого из них, недвусмысленно подошёл к нему вплотную и положил руку на рукоять сабли. Как сейчас помню округлившиеся, уже почти вылезшие из орбит глаза того мужика. Лавруша ещё недолго смотрел ему в глаза, после чего одним махом откинул полог кузова, в котором сиротливо лежала бесформенная куча и две характерных дубины. Тут уже ни мне, ни остальным не нужно было объяснять лишний раз. Эх, какой красивый звук, когда одновременно из ножен вылетает дюжина клинков! Никто из разбойников тогда не ушёл от нашего летучего отряда!

Окунувшись в воспоминания, я чуть было не прошёл мимо двора старого мастера. Войдя во двор, я разом почувствовал, что места во дворе стало гораздо больше. Ещё бы! Вся та груда поленьев была порублена на ровные дровишки и складирована вдоль стены. И куда старику столько дров? У него же и изба-то маленькая совсем. Самого плотника я застал в его мастерской. Он оживлённо, скинув разом лет двадцать, шлифовал до идеала уже готовый ящик. Старик так был увлечён работой, что не заметил, как я вошёл. Лишь когда я подошёл почти вплотную, он дёрнулся от неожиданности и недовольно обернулся. Впрочем, очень скоро его злость сменилась на милость.

— А, это ты, Саша! Проходи, проходи, я уже почти закончил! — Его голос звучал фанатично, но при этом несколько не странно. Он был погружен в свое дело настолько, что даже впал в некий транс.

— Ребята не мешали работать? — Поинтересовался я.

— А? Да нет, несколько. Я когда за работу сел, так и не слышал ничего. А что, они уже ушли? — Вот так номер. Дед, похоже, отдавал своему делу всего себя. Вот почему работает он так качественно и быстро. Всё дело в том, что в свой труд он вкладывает душу. Тем временем старик поставил квадратный, идеально отшлифованный ящик на торец и, осмотрев его со всех сторон, удовлетворённо протянул мне.

— Ну, принимай работу! — Я взял ящичек из гладкого дерева и сразу подметил его качество. Все щели были плотно но красиво заделаны блестящей смолой янтарного цвета. Я снял крышку ящика. Внутри, по самому центру, как я и просил, стояла приклеенная глиняная чашка с высокими краями. В очередной раз подивившись качеству работы, я поставил куб на стол и протянул руку старому плотнику.

— Ну, вот так спасибо! Как звать-то тебя, отец? — Старик протянул мне свою жесткую, морщинистую ладонь и крепко пожал мою.

— Тихон кличут. Вот уж пятьдесят пять лет как. — Ничего себе! Да он по местным меркам, считай, долгожитель!

— Вот что, Тихон. Я тебе предлагаю ко мне в Новгород перебраться. Мне такие мастера нужны!

— В Новгород, говоришь? — Он задумался, — А отчего ж не поехать? Меня ж тут вроде и не держит никто. — Он искренне усмехнулся.

— Вот и хорошо! Ты пока можешь готовиться, а как мы обратно пойдём, так тебя и прихватим с собой.

— Добро! — Мы вновь ударили по рукам и я, прихватив с собой свой «ящик пандоры», двинулся обратно в лагерь.

Вернувшись в свою палатку, я решил первым делом опробовать свою идею. Предварительно собрал весь отряд возле потухшего костра, выставив стоящие по кругу брёвна в один ряд. Полезно будет им для общего развития. Ну и чтобы привыкали к разного рода фокусам. Ребята были не очень довольны тем, что я оторвал их от любимого занятия, но всё же вскоре обрели интерес к происходящему. Я вытащил столик из палатки и поставил на него кувшин с кислотой. Далее на столе оказался тот самый заказанный мною куб, сразу вызвав интерес у бойцов. Похоже, даже они смогли разглядеть тонкую и качественную работу. Так-как места на столе уже почти не осталось, клетку с крысой мне пришлось поставить рядом, на землю.

— Господа! В этом сосуде, — Я указал на кувшин, — Находится очень сильная кислота. Кислота — это такая жидкость, способная разъедать многие материалы, такие как дерево, ткань и кожу. — Отряд зашептался, обсуждая услышанное. — Также кислота способна вступать в реакции с некоторыми другими веществами. Например — с обыкновенной солью. — Я достал мешочек крупной соли и поставил его рядом с ящиком. — Я попрошу всех подойти поближе, чтобы ясно видеть и понимать, что именно и как я делаю. — Все разом повскакивали с мест и организованно обступили меня. Я насыпал в чашку соли примерно наполовину от всего объёма. Наверное, должно хватить. После чего я поднял клетку с крысой. Та недовольно запищала и забегала по своей маленькой, тесной тюремной камере, из которой ей предстояло выйти на смертную казнь. Так, а как же тебя так

вытащить, чтобы ненароком не подставиться под укус? Словно прочитав мои мысли, один из бойцов кинул мне пару толстых варежек, прямо-таки ежовых рукавиц.

— Лови, командир! В них не покусает. — Я с благодарностью принял столь полезную вещь и, быстро нацепив их, открыл клетку. Крыса высунула из тени свою острую морду, активно принюхиваясь. Я тут же придавил её руками к стенке и достал. Тяжёлая, килограмма три, она одним своим видом давала понять, почему в этой местности иногда так туго с провизией. Однако долго рассматривать объект амбарной фауны у меня не было ни сил ни желания, а потому я быстро, но аккуратно запихнул её в ящик, в котором она едва ли могла развернуться. Впрочем, высокие края чашки, скорее даже кубка, позволяли не беспокоиться за содержимое. Стянув рукавицы, я развязал горловину горшка и сначала плеснул немного кислоты в отдельную глиняную чашку. Уж слишком неудобно было держать на весу десяти килограммовый сосуд и одновременно отмерять нужный объем вылитого.

— Федя, помоги-ка мне, — Я протянул сержанту деревянную крышку куба. — Как только я скажу — закрываешь ящик и все отходим на несколько шагов. — Я взял стакан и медленно поднёс его к горловине приклеенной чашки. Словно почувствовав важность момента, крыса лишь вздымала грудь на вдохе, но не двигалась. Одним резким движением я опрокинул стакан. Раздалось резкое шипение, по руке прошло тепло от начавшейся реакции. Я быстро вынул руку и поставил пустой стакан на стол.

— Давай! — Фёдор накрыл ящик крышкой и мы бегом отошли от разом ставшего опасным куба.

Ждали долго. Я решил лишний раз не рисковать и не приближаться к объекту эксперимента. Через пять минут ожидание мне надоело и я, задержав дыхание и на всякий случай прикрыв рукавом дыхательные пути. Подбежав, я открыл крышку и, не заглядывая внутрь, снова отбежал на безопасную дистанцию. Ещё через пять минут, когда вся опасность уж точно миновала, мы все вместе подошли к ящику. Я заглянул внутрь. Громадная туша крысы лежала неподвижно и я, наплевав на все правила, взял животное за шкурку и победно продемонстрировал отряду. Эмоции у всех были примерно схожие: кто-то был восхищён, кто-то — искренне удивлён и озадачен. Но не у кого в глазах не было страха. Все понимали, что это, вероятно — будущее оружие победы. Может быть, не в этой войне, но в следующих уж точно.

В порыве бурных обсуждений я не заметил, как настал вечер. Пора топать в гости, на званный ужин. Прихватив с собой Ивана, как личного адъютанта и Лаврентия, как блестящего контрразведчика, я стал собираться. С собой взял лишь всё необходимое для того, чтобы показать силу химии местным воякам и максимально приближенно настроенную пародию на гитару чтобы разбавить возможную томность вечера. Вообще я не одобрял никакие гулянки в военное время. Но, похоже, высшие чины армии были иного мнения и в быстрой победе нисколько не сомневались.

Мы вошли в узкие, буквально три метра шириной, ворота деревянной крепости-детинца. Внутри, как я и ожидал, расположилось всего несколько небольших зданий. На общем фоне выделялся длинный дом, снаружи напоминающий казарму. Услужливые стражники, больше напоминающие крестьян с копьями, объяснили, что нам туда и надо. Интересно, я почему-то представлял себе русский пир исключительно под открытым небом. В таком случае эксперимент может нести непосредственную опасность. Ведь хоть какая-то вентиляция в домах почти никогда не предусматривалась, а когда получившийся газ расселиться, я не

знал. Да и неизвестно, как отреагируют на подобный опыт поддатые вояки. Если в Михаиле с Алексеем я уверен, то вот остальные у меня вызывали сомнения. Нет, нельзя сейчас вот так вот с корабля на бал прыгать. Лучше пока повременить с радикальным прогрессорством и ограничиться современными песенками, которые наверняка должны взбудоражить неизбалованного слушателя.

— Вот что, ребята, — Обратился я к Ивану и Лаврентию. — Давайте-ка лучше не будем всем подряд этот фокус показывать. Вы топайте в лагерь, это всё оставьте в моей палатке и потихоньку готовьтесь к выходу. — Бойцы молча кивнули и двинулись к воротам. Я же набрал воздуха в грудь и дёрнул массивную деревянную дверь.

Внутри длинного здания, как оказалось, было всего две комнаты. Маленькая, вроде прихожей или горницы и большой зал с выстроенными буквой «П» столами, с внешней стороны которых восседали пирующие. Дверей меж этими комнатами не было, а потому как только я вошёл, мне в нос ударил резкая смесь запахов. В основном это был запах перегара и пота, однако присутствовали, несомненно и другие, не менее неприятные ароматы. Похоже, пир в самом разгаре. Из большого зала слышалась редкая струнная игра и весёлое пение. Я заглянул внутрь, где мне открылась картина маслом: трое оборванцев с заросшими бородой лицами отплясывали по середине комнаты, а один, сидя на табуретке, что-то отыгрывал на, судя по всему, гусях. «Ну, приехала дерёвня в город» — Подумал я, перед тем как осознал, что городом тут и не пахнет. Столы чуть ли не ломились от обилия еды. Да, вся она была не очень разнообразна. Но зато её было много. За столами сидело порядка полусотни человек. Большинство из них, судя по всему, уже изрядно накидалось и вело беседу меж собой «навеселе». Моего появления никто не заметил. Ну и хорошо. Я взглядом нашёл Алексея и, подлетев к нему, занял свободное место рядом.

— О, Саша! — Абсолютно трезвым голосом воскликнул он. — Рад тебя видеть.

— Ты не представляешь, как я рад! Не понимаю, как можно вот так вот напиться брагой да пивом? — Я ещё раз оглядел зал. Глаза мои зацепились за тучную фигуру Михаила. Он, с красным носом и щеками, вёл активную и, скорее всего, абсолютно невнятную беседу со своим соседом, который, судя по всему, был не в лучшем состоянии. Нет, нельзя сказать, что все они напились в стельку, но определённый градус в крови почти каждого чувствовался. Кстати, Алексей подобным не отличался. — А ты чего, не пьющий? — Поинтересовался я у сотника.

— Почему же? — Хохотнул он. — Ежели за победу, да за здоровье, так я не откажусь. А вот так, — Он неопределённо кивнул головой, — Это уметь надо. Кстати, а это у тебя чего? — Он указал на мой инструмент, который я до этого инстинктивно прижимал к себе.

— Это? — Я задумался. Ну вот не ляпнешь же, что гитара. А истинного названия инструмента я не знал. — Ну, считай те же гусли. Только лучше!

— Да ну прям уж лучше? — Он скептически глянул на инструмент.

— Я тебе говорю! Только тут уметь надо. — Я назидательно качнул головой.

— Ну так покажи. — Усмехнулся сотник.

— Так у вас, я погляжу, своя программа. — Указал я на танцующих скоморохов.

— Ой, да эти шуты ни черта не умеют. — Отмахнулся Алексей. — Это ж разве музыка? — Он взял со стола пустую миску и швырнул её в гусяра. «Однако, трёх очковый.» — подумал я. "Музыкант" перестал играть, а все, кто видели филигранный бросок, залились пьяным смехом. Похоже, эти клоуны всем уже порядком надоели и если не Алексей, то кто-то другой обязательно бы их прогнал. — Пшли вон, скоморохи несчастные! — Грубовато, но

в целом я с ним согласен. Играли и плясали они откровенно уныло. — Народ, этот славный муж — Александр. Он с моей сотни. Я могу с уверенностью сказать, что он один из лучших воинов в полку. — Я встал и неопределённо кивнул, приветствуя всех. Конечно, многим не было до меня дела и лишь знающие меня уважительно кивнули. Что ж, пора бы и обратить внимание на свою персону. Пользуясь относительной тишиной, я провёл по странам на аккорде Am. Десятки пар глаза удивлённо зыркнули в мою сторону. Что ж, самое время. Я дважды отыграл бой-четвёрку с глушением, чем вызвал ещё больше внимания. Сейчас лишь несколько оплотов истинных пьянчуг продолжали тихо бурагозить. Что бы им такое сыграть для начала? Ну, пьяным солдатам много смысла, наверное, не нужно. Хотя они его и трезвыми-то не поймут. Что ж, извините Виктор Робертович, но напишите, в случае чего, что-нибудь другое. Простенькое Am-C-Dm-G для начала в самый раз.

Белый снег, серый лед,
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на ней -
Город в дорожной петле.
А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом — желтый дым,
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом Звезды
По имени Солнце...
И две тысячи лет — война,
Война без особых причин.
Война — дело молодых,
Лекарство против морщин.
Красная, красная кровь -
Через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
И согрета лучами Звезды
По имени Солнце...

Последний куплет я решил не исполнять, поскольку уже к концу первого абсолютно все в зале буравили меня своими взглядами. Когда я закончил, на мгновение повисла звенящая тишина, вскоре прерванная сначала разрозненными, а после и более организованными аплодисментами.

— Давай ещё раз! — Выкрикнул кто-то с другого конца стола. Все поголовно поддержали его и мне пришлось отыграть одну из известнейших композиций Цоя ещё раз. А потом ещё раз. И ещё. И ещё. Ровно до тех пор, пока толпа не заучила слова песни и не стала петь сама. Пальцы левой руки с непривычки сильно болели. В итоге весь оставшийся вечер пьяная компания в один голос напевала по кругу строки группы «Кино». Разумеется, уже без моего музыкального сопровождения.

Уже поздней ночью, когда пьяная толпа, наверное, в сотый раз прогоняла классику русского рока, я стал собираться. Допив стакан с квасом, я встал со скамьи и пошёл к выходу. В горнице меня догнал Алексей.

— Уже уходишь? — Совсем немного захмелевшим голосом спросил он.

— Да. — Коротко бросил я. — А чего тут делать?

— И то верно, — Облокотившись к стене, проговорил сотник. Я, наверное, тоже пойду. — И тут мне в голову пришла очередная идея. Ведь Алексей, пожалуй, второй после Майера человек, которому я могу доверять.

— Пойдём, покажу кое-что. — Я махнул рукой и, толкнув дверь, быстрым шагом вышел из здания.

Интерлюдия.???...???

В просторном зале гулким эхом раздался хлопок и из секундной вспышки вынырнул тот самый мужчина в возрасте. Облегающий костюм на нём дымился, а из быстро затягивающихся ран маленькими каплями сочилась кровь. Он ещё несколько секунд постоял на четвереньках, пока его раны не затянулись, а кожа не восстановилась. Одним движением вскочив на ноги, он, скинувший десяток лет, быстрым шагом прошёл к креслу и устало рухнул в него.

— Компьютер, мне нужен анализ ситуации. — На выдохе проговорил он.

— В результате неверного расчёта вы столкнулись с местным жителем, предположительно из органов правопорядка. Вследствие стрельбы примитивная межвременная аппаратура, непосредственно связанная с альтернативной и неиспользуемой орденом реальностью Б-24, была полностью и безвозвратно уничтожена. — Машинный голос говорил без пауз, непрерывным потоком изливая информацию.

— Отлично! — Воскликнул он. — Хотя бы так. Операцию признаю успешно выполненной. — Мужчина оживился, вяло улыбнувшись.

— Это не всё, — Вновь подал голос компьютер. — В результате взрыва сорвавший операцию объект полностью пропал из дальнейшей хронологии.

— Что? — Глухим эхом раздался вопрос.

— В данный момент его нахождение в исходной реальности обрывается с момента взрыва. Он был признан пропавшим без вести, его останков на месте взрыва обнаружено не было.

— То есть, ты хочешь сказать... — Вставая с кресла начал мужчина.

— Да, — Закончил компьютер. — В реальности Б-24 было зафиксирована инородная активность сразу после завершения операции.

— Черт! — Он усмехнулся. — А что, так даже лучше. Ну конечно. Эти двое проживут жизни в другой реальности и больше не потревожат исходную. Нейрализатор тогда сработал?

— Так точно. В приборе фиксируется недавняя чистка памяти от прошедших событий, связанных с вами и перемещениями во времени.

— Какие временные координаты его перемещения?

— Приблизительно август тысяча пятьсот пятого от Рождества Христова. — Ответила система.

— Ага, значит к первому объекту его закинуло. Мы можем за ними следить?

— В данный момент связь с девиантной реальностью практически полностью утеряна. Вы самостоятельно отдавали приказ о её резервации по причине слишком серьёзных отличий от исходной.

— Ах, так вот почему мы отследили только третьего попаданца!

— Именно так. Приборы не обратили внимания на два мелких всплеска инородной энергии в резервной реальности. — Подвёл итоги компьютер.

— Итак. — Мужчина опустился в кресло. — Машина уничтожена, а все дееспособные представители знаний о ней в другой реальности. Прямой угрозы для ордена и человечества не наблюдаю. Операцию окончательно признаю успешной! — Мужчина развалился в кресле и удовлетворённо прикрыл глаза.

Глава 12. «Неприятная встреча»

В предрассветных сумерках, закинув за спину арбалеты, в полном походном обмундировании стоял, выстроившись в две шеренги, мой отряд, состоящий из четырнадцати бойцов. Рядом стоял сонный Генрих, который, впрочем, скорее был благодарен мне за раннее пробуждение и малость протрезвевший на прохладном ночном воздухе, Алексей. Хоть солнца видно ещё не было, видимости постепенно становилась приемлемой

— Саша, ну давай шустрее, не томи! — Пожаловался всё ещё не до конца трезвым голосом сотник.

— Айн момент! — Поднял я указательный палец вверх. Переход на немецкий заставил Майера дёрнуться, озираясь в поисках знакомой речи. — Это может быть не безопасно. — Я резким движением снял крышку с ящика, в котором буквально три минуты назад повторял вчерашний опыт и отскочил на пару шагов в сторону. Бойцы заулыбались, наблюдая за хмурым сотником и задумчиво улыбнувшимся Генрихом. Второй, похоже, уже привык к разного рода фокусам с моей стороны и сейчас лишь размышлял о том, чем именно я буду удивлять.

Я же, выждав ещё с минуту, уже без опаски подошёл к кубу и, подобно фокуснику, вынул из него за шкуру толстую тушку крысы.

— Вуаля, господа! — Я элегантно поклонился, чем вызвал добродушные улыбки на лицах бойцов. — Как видите, газ, выделившийся при смешивании кислоты и соли, очень быстро убивает всё живое. На человека, кстати говоря, эффект оказывается не менее страшный. — Алексей уже совсем трезвой походкой подошёл ко мне и безо всякого отвращения ткнул пальцем в живот крысе. После чего, качнувшись, видимо от не до конца ушедшего хмеля, хмыкнул и заглянул в ящик.

— Газ говоришь? А ежели дюжину пудов так перемешать? — Он потерял интерес к импровизированной «газовой камере» и понюхал содержимое горшка с кислотой.

— Тогда образуется громадное облако, способное в считанные минуты приговорить целую армию. — Я растягивал слова, подтверждающие догадки сотника.

— Кхм, — Он малость опешил от такого прямого ответа. — Что ж. А много у тебя этой, как её...

— Кислоты, — Услужливо подсказал я.

— Во-во, её самой.

— Сейчас — только это. Но я заказал знакомому купцу ещё десяток таких же. — Алексей мечтательно посмотрел вдаль.

— Маловато, — Цокнул он. — Закажи этому торгашу ещё, — Он задумался, — Ещё очень много кислоты. Вот прям сколько сможет, пусть столько и везёт!

— Но, — Я попытался поднять финансовый вопрос, вставший довольно остро.

— Вот, — Он аккуратно положил увесистый мешок с недвусмысленным содержимым на стол. — Это для начала. Считай, государев заказ! — Он глухо рассмеялся и, по-дружески хлопнув меня по плечу, побрёл в сторону города, напевая мотив чертовски прившейся мне за последний день песни.

Собрав все оставшиеся вещи, оставленные для эксперимента, отряд, построившись в две походные колонны, во главе с лейтенантом, двинулся по дороге строго на север. Покинув черту города, прозвучала команда: «Бегом марш!» и отряд перешёл на лёгкий бег, который, в

полном боевом обмундировании, по затратам энергии мог соперничать со спринтом налегке. Около двадцати минут бойцы двигались в едином темпе и даже дышали в один такт. Я решил не отделяться от коллектива, а потому занял место возле Ивана и первую утреннюю пробежку после дневки совершил вместе со всеми.

Наконец, пришла пора делать привал, совмещённый с завтраком. Ваня отдал короткую команду «Привал» и указал на поляну с одиноким дубом по левой стороне дороги. Отряд свернул с пути в тень могучего дерева и все как один устало попадали, словно подкошенные, пытаясь восстановить дыхание. Однако сам факт того, что они преодолели эту дистанцию говорил о неуклонном прогрессе каждого из них. Водоёмов поблизости не было, а потому пришлось довольствоваться сухим пайком, имеющимся у каждого в персональном вещмешке. Конечно, до классических в моём понимании, армейских вещевых мешков эти аналоги совсем не доходили ни по качеству ни по удобству. Однако на фоне остальной армии даже это был прорыв. Сухой паёк своим разнообразием также не блистал. Потому как ни консервов, ни технологий по производству долго хранящихся продуктов не было и не будет, наверное, ещё лет двести как минимум. Сухари, вяленое мясо, засушенные овощи, потерявшие почти всякий вкус и совсем незначительная порция мёда, скорее призванная подсластить пресную пищу, нежели чем насытить человека. Однако, это я мыслю со стороны человека из будущего. Для остальных даже такой скудный рацион был весьма насыщенным. Ещё бы, они ведь в своей «прошлой жизни» иногда даже о сухарях и сухом мясе мечтать не могли. А если рядом найдётся вода — то тогда в ход шла крупа и простенькие специи и бойцы могли отведать свежего горячего.

Солнце уже показалось из-за горизонта и первые его лучи пробивались сквозь ветви одинокого дуба, под которым расположился отряд, в ожидании обоза. После приёма пищи каждая пятёрка занималась своим делом. Два сержанта, хоть и близкие друзья, но вот таланты и увлечения у них разные. Если Елисей имел весьма лихой и шутливый характер, то Фёдор старался быть серьёзным. Однако с подчинёнными своими они оба обходились одинаково. Оба своих рядовых ценили, однако не жалели. Вот и сейчас пятёрка Елисея, наверное, в сотый раз отрабатывает переход из походного положения в боевое. Отдельно вечно неунывающий сержант уделяет внимание постановке арбалетов на боевой взвод. Уже сейчас на то, чтобы достать самострел из-за спины и зарядить у каждого из бойцов уходит не более десяти секунд. Фёдор же предпочёл уделить внимание строевой подготовке и нещадно перестраивал своих бойцов в разные формации.

Наконец, из-за холма показалась колонна, возглавляемая бодро идущими, запряжёнными в мои повозки, кобылами. Мы дождались, пока вереница, недавно в двое удлинившейся армии дойдёт до нас и, седлав коней, привычно двинули вперёд. Однако через сотню метров меня догнал Генрих.

— Этот твой газ, — Бесцеремонно начал он. — Воистину страшная штука!

— Да, причём как для врага, так и для нас самих. — Я устало улыбнулся. — Кстати, есть ещё какая информация по поводу этого короля Олафа? — Майер задумался.

— Иноверец он. — Пожал плечами Генрих.

— А подробнее?

— Ну язычник он, говорят. В старых богов верует. В таких, о коих мало кто помнит уже. Кстати, твой рядовой не раз упоминал их. — Он кивнул в сторону пятёрки Елисея.

— Это который? Бьёрн, что-ли?

— Он самый, — Хохотнул Генрих. — Все эти Одины, Торы. Смех, да и только!

— Вот так новость! Так в Швеции же вроде католики, разве нет? — Майер многозначительно покачал головой.

— Так-то оно вроде и так. Вот только не все веру праведную принимать готовы.

— Для них и наша вера не праведная. — Заметил я в ответ.

— И то верно. — Легко согласился Майер. — Кстати, расскажи ты тоже.

— Про что это? — Не понял я. Генрих бросил на меня вдохновлённый взгляд.

— Про князя-зверобоя! — Майер от вдохновения даже привстал на стременах. — Сколько не вспоминал я, никак не вспомнил, чтобы читал о таком.

— Ну... А что тебе рассказать? — Попытался уйти я от ответа.

— Когда он правил? — С готовностью спросил меня мой друг. Вот и что ему ответить? Ведь для меня Иосиф Виссарионович, вроде как и восемьдесят лет назад жил, а для Генриха все четыреста, но уже вперёд. Хотя, здесь его уже, пожалуй, может и не быть.

— Чуть меньше века назад, — Уклончиво ответил я. Генрих мечтательно посмотрел вдаль. Да-а, похоже, зацепила его история об отце народов. Я решил разом снять все вопросы, рассказав Майеру как можно больше об известнейшем диктаторе в истории России моего времени. — Его правление кто-то считает неправильным и губительным, а кто-то напротив — восхваляет его. При нём моя страна, понеся большие потери, победила в величайшей войне в известной нам истории.

— А сколько вы потеряли народу? — Поставил меня в тупик своим вопросом Генрих.

— Э-э, — Ну не скажешь же ему, что это число, даже неизвестное многим людям этого времени в силу большого количества нулей на конце, приближается к двадцати семи миллионам. — По непроверенным данным, порядка двухсот семидесяти тысяч человек. — Я решил убрать два лишних нуля, дабы мой ближний друг не схватил инфаркт в свои двадцать два года.

— Сколько?! — Всё же удивился он.

— Это число, — Поспешил я уточнить, — Включает и жертвы среди простых людей. Враг вёл войну на истребление, не жалея никого. — Ещё с минуту мы ехали в мертвящей тишине, в такт прерываемой глухим стуком копыт.

— Я очень надеюсь, — Наконец заговорил Генрих, — Что Европа никогда не узнает вашей земли. — Эх, знал бы ты, как далеко она находится!

— Я тоже, друг мой. Я тоже.

Генрих, после столь желанного разговора, предпочёл продолжить путь в составе основной колонны. Я не стал его останавливать. А то назадаёт ещё вопросов, а мне потом объясняй ему, к примеру, идеи продвинутого социализма. И ведь заинтересуется, чертяка! Продвинутый!

Порой переходя на галоп, мы, меняя лошадей каждую версту, уверенно продвигались вперёд. Тело по привычке к нещадной тряске на лошадиной спине и уже не доставляло таких неудобств, как в первые дни похода.

Вскоре наша кавалькада подошла к густой чаще, которую пробивала, деля на две половины, такая же дорога. Пора бы уже и возвращаться. Я отдал команду и мы, свернув с дороги направо, двинулись вдоль густого леса по относительно ровной земле. Я планировал пройти так ещё пол версты, после чего снова свернуть направо и, сделав крутой крюк, снова выйти к дороге. Однако не прошли мы и сотни метров, как началось что-то странное.

Когда мы после очередного рывка перевели лошадей на лёгкий бег, давая тем возможность восстановиться, мой конь вдруг задёргал ушами и стал увиливать в сторону от

леса. Через мгновение и остальные скакуны последовали его примеру. Они раздражённо фыркали и дёргались, не поддаваясь усилиям всадников.

— Стоять! — Негромко, но так, чтобы все услышали, скомандовал я. Встретив сопротивление в виде натянутых поводьев, жеребец непокорно фыркнул, но всё же затоптался на месте. Подобного результата добились и остальные.

Я вглядывался в лесную чащу, но толком ничего не видел. Вдруг, кусты прямо напротив нас зашевелились.

— Арбалеты готовы! — Всё также негромко отдал я команду. — Эй, кто там среди бела дня по бурелому бродит? — Уже как можно громче крикнул я. Не знаю, люди это или зверь, но в любом случае от моего вопроса хуже не будет. Кусты стали заламываться всё ближе к выходу из леса. Похоже, это всё-таки не люди. Ну или люди, но чертовски безрассудные. Тем временем отряд уже зарядил самострелы.

— Цельсь! — как можно громче крикнул я. Каждый из бойцов прильнул плечом к ложу арбалета. Вдруг кусты перед нами раздвинулись и из чащи вывалилась здоровенная голова с чёрными бусинами глаз и треугольным носом. «Медведь» — Пронеслось у меня в голове, будто молотом ударили по наковальне. «Почти шестьдесят «кэмэ» в час, мах лапой, как два хука от Тайсона в лучшие годы.» — Мгновенно вспомнил я интереснейшие ттх этого короля зверей умеренного климата. Против такой громады только с крупным калибром, или если копьём через глаз и сразу в череп. С другой стороны, может быть, я зря переживаю? Нас ведь тут шестнадцать человек! Неужели не справимся?

Увидев потенциальную опасность, лошади стали переживать ещё больше, подскакивая на месте и норовя скинуть своих ездоков и тут же умчаться куда-то далеко от опасного хищника. Некоторые особо пугливые даже встали на дыбы, однако, все бойцы стойко сидели в сёдлах, опираясь на стремяна и одной рукой держась за поводья. Медведь стал медленно двигаться в нашу сторону. Косолапый явно чувствовал себя хозяином положения.

— Не стрелять! — Что есть сил выкрикнул я. — Жди моей команды! — Наконец, когда между нами осталось не более пятнадцати шагов, он взревел и встал на задние лапы. Этого я и ждал. — Бейте в брюхо! Залп! — Раздались еле слышные спуски. Болты со свистом уходили в сторону зверя. Однако на точности пагубно сказались стремящиеся пуститься в бег без оглядки лошади, не дающие нормально прицелиться. Из-за этого в цель попала лишь половина снарядов. Остальная же часть ушла далеко в чащу. Но и такой результат оказался не столь плохим. Я заметил, как два болта вошли в район шеи зверя. Он ещё раз заревел, на сей раз уже от неожиданной боли. — Сулицы готовь, врассыпную! — Выкрикнул я, разворачивая податливого коня от разъярённого зверя. Видя множество целей, медведь завертелся на месте, выискивая первую жертву. Когда же он наконец остановился, мы уже разъехались от него на несколько десятков метров. Даже с такого расстояния я видел, как тяжело вздымается его тело при вдохе и как широкою волной струится из его ран багровая кровь. Удивительно, но нам удалось пробить толстый слой жира, о котором так подробно говорилось в документальных фильмах о медведях. Хотя в начале августа, наверное, он ещё попросту не успел запастись достаточным количеством этого самого жира. Да и живот его, наверное, защищён не так хорошо, как остальное тело.

Лошади, отойдя от зверя, малость успокоились, но всё равно заметно переживали. Мы взяли медведя в полукруг, радиусом примерно в три десятка метров. Я искреннее надеялся, что косолапый передумает вступать в схватку с таким количеством опасных противников. Но, похоже, он был другого мнения. Издав очередной рык, он выбрал меня своей целью.

Похоже, нашёл вожака.

— Все ко мне! — Нужно выступить против него единым фронтом, откидывая гораздо более мощные, по сравнению с болтами, дротики. Однако четыре центнера жира, меха и мяса об этом не догадывались, а потому стремительно рванули прямо в мою сторону. Жалкие десятки метров таяли, как снег в тридцатиградусную жару. Безумная идея пришла в мою голову моментально. Двигаясь с такой скоростью и имея такую большую массу, медведь просто физически не сможет быстро сменить направление или тем более остановиться. Хорошо, что подо мной сейчас сменный мерин, а не мой боевой аргамак. Этого хоть не так жалко.

Между тем расстояние между нами стало совсем несущественным. Я наотмашь метнул сулицу и лишь краем глаза заметил, что та летит в целом неплохо. В следующее мгновение я встал прямо на спину коню, подобно цирковому артисту. Вот только там и конь и акробат подготовлены и на них не мчится четыре сотни килограммов чистой смерти. Присев, дабы не свалиться в самый ответственный момент, я ещё раз бросил взгляд на зверя. Тот, словно в замедленной съёмке, мчался прямо на меня. Под бешеным зарядом адреналина, я, казалось, видел каждую мелкую деталь. Два чёрных глаза, кривые зубы в разинутой пасти и здоровенный след на лбу, оставленный, похоже, моим дротиком. В следующее мгновение я, подобно мощной пружине, оттолкнулся ногами от лошади по диагонали в сторону к медведю и вправо. И то ли от нахлынувшего адреналина, то ли ещё от чего, но взмыл вверх я так высоко, что переместись я сейчас на баскетбольное поле — наверняка перелетел бы через щит, не задев его даже ногами. Приземлялся я гораздо быстрее, тем взлетал. Настолько быстрее, что даже заметить не успел, как земля мелькнула перед глазами и, хоть я и пытался грамотно сгруппироваться, тут же стало совсем темно.

Вначале был шум воды. Наконец появилась и картинка: современная раковина и бьющий мощной струёй кран. Как я не пытался, но поднять голову у меня не получалось. Вдруг она поднялась сама собой и в зеркале я увидел лицо. Это был я сам, только вот... Молодой. Нет, я и сейчас, конечно, не старый. Но в зеркале я увидел себя лет на пять моложе. Вдруг руки сами собой попали под струю воды и плеснули мне в лицо. Но я ничего не почувствовал. Это что же получается, сон, что-ли? В последнее время мне ничего толкового не снилось. Ну или я просто не помнил этих самых снов. Но сейчас я мог с уверенностью сказать — это пусть и очень реалистичный, но всё же сон. Что ж, тогда посмотрим мультик.

Я «прошлый» закрыл глаза и, выпрямившись, ещё раз взглянул в зеркало. Только сейчас я заметил на себе необычную одежду. Что-то знакомое. Да это же... Это же та самая оранжевая форма нашей школы по баскетболу! Ну да, а я, в смысле не тот, который сейчас «я», а другой, который в прошлом «я». Так вот, он. Или всё-таки я? Ну, в общем, в спортивном комплексе. Этот сан узел, где в то время ещё не сделали ремонта, я помню хорошо.

А вот я вышел из туалета и направился в основной зал, попутно обтираясь полотенцем. Быстрый взгляд на табло: результат не впечатляет. Красным цветом высвечивается: «Школа № 564 35:42 Лицей № 281. Time:4:43». Я быстро порылся в своей памяти. За три сезона, которые я отыграл в своей школе, с этим лицом мы играли лишь однажды. Это было в двадцатом году, весной. Я тогда заканчивал девятый класс. Мы впервые в истории вышли в финал города, я играл на редкой позиции «Разыгрывающего форварда», хотя если сравнить мой тогдашний рост с остальными, я больше походил на миниатюрного центрального. Что ж,

результат того матча я помню прекрасно и ещё долго потом вспоминал его. Впрочем, увидеть всё ещё раз я бы не отказался. Эх, надо бы и моим оболтусам из шестнадцатого века показать этот замечательный вид спорта!

Подойдя к нашей скамейке, я присел на край и стал слушать, что же пытается внушить нам тренер. Преклонного возраста мужик, строгий, но справедливый. Он пришёл к нам в школу в начале того учебного года и сразу же принялся поднимать местный баскетбол.

— Сейчас играем в изоляцию, они зону не ставят, значит под кольцом у них будет проходной двор. — Он расставил фишки на схеме в соответствующем порядке. Прозвучал сигнал, оповещающий о завершении тайм-аута.

Минус семь — рабочий счёт. А вот минус четыре — ещё лучше. Сразу после розыгрыша мы с нашим центровым сыграли в заслон и я положил пускай и довольно грязный, но всё же трёхочковый. Успешно защитившись, мы устремились в быструю контратаку. Я прошёл до границы «краски» и, сымитировав бросок со средней дистанции, откинул мяч на угол площадки, откуда его неспешно послал в корзину мой сокомандник. Вот так, меньше чем за минуту, разница превратилась в совершенно незначительную.

Однако вскоре я сел на замену и игра начала напоминать настоящие качели. В последнюю минуту, когда я наконец вышел на паркет, заменив низкорослого и шустрого паренька, счёт был уже «52:53» не в нашу пользу. К тому же и владение оставалось за командой противника.

Они решили играть в закрытую и просто подержать мяч, не стремясь в атаку. Проще говоря — тянули время. Однако баскетбол — это вам не футбол. Тут на атаку чуть больше двадцати секунд. Вот и лицеевские, отстучав своё время, наотмашь бросили мяч в сторону щита и встали в агрессивный прессинг. Ещё десять секунд нам понадобилось, чтобы приблизиться к их трёхочковой, где они буквально зажимали любого игрока с мячом. Лишь в последние пять секунд я умудрился с помощью двух заслонов пробежать в штрафную, где и нарвался на выбивающий из строя любого «шлагбаум» от одного из игроков защиты. В этот же момент прозвучал гудок, и высокомерные противники попытались всеобщей радостью задавить судью, не давая вспомнить о фактическом нарушении правил. Но арбитр оказался не из робких, а потому буквально «пересвистел» и игроков, и трибуны, и даже тренера противоположной команды, назначив положенные два штрафных броска.

Хоть сейчас я ничего и не чувствовал, но хорошо помнил, как у меня тогда стучало в висках от неудачного падения и как я неуверенно подходил к этим двум броскам. Обождав все положенные на бросок пять секунд, я отправил первый мяч в кольцо. Чисто. Казалось, мой облегченный выдох перебил взорвавшиеся трибуны. Всё, теперь как минимум овертаймы. Второй бросок. Мяч ударяется о заднюю дужку кольца, подскакивает, бьётся о переднюю и в конце концов протискивается внутрь.

Уже после награждения, когда мы с родителями шли домой, мой насквозь военный и зачастую немногословный отец вдруг раскрепощённо твердил о том, какой же я молодец и как же он мной гордится.

— Молодец, сынок! Ты — настоящий боец. Настоящий командир! — Почему-то последнее слово закрутилось уже в моём настоящем сознании и уже не голосом отца, а другим, но всё же смутно знакомым.

— Командир! Командир! Живой? — Я открыл глаза. Надо мной, на фоне синего неба, наклонившись, стоял Иван.

Глава 13. «Рояль в кустах»

Оклемавшись, я одним движением сел и огляделся. Метрах в десяти, на неподвижной туше лошади, лежала такая же неподвижная бурая груда, утыканная, подобно ежу, десятком дротиков преимущественно в левый бок. Весь отряд столпился вокруг меня.

— Контроль провели? — Я задал, наверное, самый важный для меня вопрос. Читал как-то в старом охотничьем журнале, как на охоте вроде бы подстреленный охотниками лось вдруг встал и рванул наутёк когда пьяные стрелки уже отмечали удачную охоту. Медведь, конечно, не лось, но ведь и мы не с мощного огнестрела его вальнули. Да и в живучести его я не сомневаюсь.

— Спокойно, командир, — Взяв меня под руку и поднимая, успокоил Иван. — Мы это сразу же, да шкура у него больно толстая. Мы, значит, и саблей рубили и ножом кололи, да только когда копьём ткнули, только тогда и пробили. — Я зашагал, шатаюсь, в сторону замертво лежащего зверя. Иван засеменял рядом, в любой момент готовясь поймать меня, если я вдруг завалюсь в сторону. Немного погодя в след за мной двинулись и остальные. Справедливости ради, меня и правда изрядно шатало, а ноги подкашивались с каждым шагом. Тем не менее, я всё же преодолел столь сложную дистанцию.

Картина, открывшаяся мне больше походила на кадр из фильма ужасов. Две туши, одна больше другой, лежали в небольшой багровой луже. Мерин, похоже, откинулся непосредственно в момент столкновения с медведем, а тот, сфокусировавшись на мне, незаметно для самого себя влетел в превосходящую его по массе лошадь. Само собой, это не могло повлечь за собой его кончину. Скорее всего, ошеломлённый мишка слишком долго приходил в себя и попросту проворонил момент, когда в него полетели полуметровые сулицы. Каким бы грозным зверем не был медведь, такого напора не выдержал бы, пожалуй даже носорог. Хотя в случае с африканским тяжеловесом я всё же не уверен в успехе. Конечно, метатели из моего отряда не такие умелые, как стрелки, но полудюжины тяжёлых дротиков хватило даже такому зверю, как бурый медведь.

Я осмотрел тело косолапого. Бурый мех во многих местах был пропитан тёмной кровью, а голова лежала на брюхе мерина с закрытыми глазами и перекошенной гримасой ярости.

— Молодой мишка, чуть больше года, — Заметил незаметно подошедший, наверное, лучше всех понимающий в природе низкорослый, но от этого не менее крепкий Мурат. «Молодой, а вон какой крупный!» — Заметил я про себя, хоть и понимал, что вообще-то эта особь и правда сравнительно небольших размеров.

— В степи водятся медведи? — Хохотнув, спросил Елисей.

— Ага, — С трудом повернув голову зверя, ответил я. — И гризли, и даже полярные. А порой и панды захаживают из самого Китая. — Все поголовно удивлённо захлопали глазами в немом вопросе. — Давайте-ка с мерина его стащим, да думать будем, чего делать с такой добычей.

Через пять минут нескончаемых пыhtений мы общими усилиями всё же смогли сдвинуть тяжеленную тушу на бок, предварительно вынув из него все застрявшие в нём дротики. К сожалению, половина неудачно вошедших болтов всё же треснула под давлением упавшего замертво медведя.

— Илья, поди сюда, — Я сунул в руки нашему «походному мастеру» обломанный кусочек с наконечником, самой ценной частью арбалетной стрелы. — Вот, все обломки

очисти к вечеру. Так, чтобы только наконечники остались. Задача ясна?

— Так точно! — Неуклюже подскочив по стойке «смирно», выпалил он.

— Лейтенант! — Я окликнул Ивана.

— Я! — В два прыжка старший офицер оказался прямо передо мной.

— Встаём на привал, такую тушу бросать нельзя. Командуй.

— Есть! — Он повернулся к столпившемуся позади нас отряду. — Десяток, слушай мою команду! Первая пятёрка в лес, за хворостом и, при возможности, на поиски водоёма. Вторая пятёрка — заняться дневным временным лагерем. Выполнять!

— Есть! — Синхронно отрапортовали сержанты и стали объясняться со своими подчинёнными. Вскоре половина отряда устремилась в лесную чащу. Медведи держат свою территорию, а потому других жителей леса в этом районе можно не опасаться. Я ещё раз взглянул на наш трофей. Да-а, хороший плащик из шкуры может получиться. И мяса, наверное, огромное количество. А уж про когти, зубы и прочую мелочёвку и говорить нечего. Голова, конечно, побаливала после неудачного падения, но это совершенно точно того стоило.

Уже через пол часа ушедшая в лес пятёрка вернулась, гружёная связками веток и вёдрами с водой. Мы же тем временем начали освежёвывать добычу. Многого, конечно, сделать не успели, но по крайней мере добраться до «ненужной» требухи нам удалось. Ненужной она была скорее условно, поскольку действительно бесполезных частей в животном практически не было. Всё шло в дело: сухожилия на качественные нити и тетивы, кишечник, с большим трудом очищенный, можно использовать как импровизированную трубку или длинный мешок и даже мочевой пузырь может послужить флягой для воды.

Обед пришлось перенести на по-раньше, ведь бросать вот так большую тушу было бы большим кощунством с нашей стороны. Уж не знаю, какого на вкус медвежье мясо, но готовку я впервые за долгое время решил взять на себя. Не хватало ещё испортить уникальное блюдо неопытностью бойцов в поварском деле. Отрезав крупный кусок от, как мне кажется, лучшей части в любом животном — окороке, я порезал его на несколько более маленьких и закинул в кипящую воду. Далее в котёл полетели все наши запасы специй, овощей и ароматных трав. Запах стоял невероятный. Вот только когда я вынул кусочек, дабы убедиться в его готовности, меня ждал неожиданный сюрприз. За стандартное для обычных видов мяса время медвежати́на сварилась лишь наполовину. Впрочем, это логично, ведь это мясо на порядок жёстче той же конины, варившейся в соседнем чане.

На вкус лично меня медвежати́на не впечатлила. Совместив в себе вкус и текстуру свинины и какие-то нотки курятины, она никак не тянула на деликатес. Хотя ребятам, вроде, понравилось. Впрочем, они что угодно будут уминать за обе щеки, только бы съестное. Когда мы уже почти стянули шкуру с тела медведя, из-за холма показалась колонна. Завидев нас, одинокий всадник галопом устремился в нашу сторону. По уникальному в местных широтах латному нагруднику я сразу понял, что это Генрих стремится узнать, что же это у нас тут такое случилось.

— Вы чего тут? — Крикнул он взволнованно, заметив тушу без шкуры.

— Да так, — Я развёл руками, — Контроль популяции хищников.

— Ух ты ж ё... — Совсем по-русски протянул Майер. — Все хоть целы?

— Меня только побило малёк, — Я отмахнулся, давая понять, что ничего серьёзно не произошло.

— Я вот что подумал, — С трудом извлекая очередной клык из пасти пусть и молодого,

но от этого не менее грозного зверя, начал я. — Этот косолапый нам столько мяса дал. Да ещё и мерина вон пришибло.

— Сгниёт ведь, — Сделал вывод Генрих.

— Вот и я о том же. — Я наконец вытащил желанный зуб, не менее пяти сантиметров длинной. — Поэтому мысль следующая: медвежатинкой поделимся с офицерами... — Я мысленно дал себе по губам, — В смысле с сотниками и ведущими десятниками. Ну и с воеводой, конечно. Мяса ведь сейчас в армии не много, в основном скот домашний. А такого зверья не все пробовали. — Вытерев руки о кусок ткани, я взял большой, килограммов пять, свёрток с окорочковым филе. — Вот, — Бросил я его Генриху. С трудом, но всё же он поймал непривычный «снаряд». — Это тебе лично.

— Ох ты ж, спасибо, — Он удивлённо принюхался, после чего одобрительно хмыкнул и убрал свёрток в седельную сумку.

— Ну а мерина, — Я задумчиво глянул на тело бедного коня. — Мерина можно и простым воинам подарить.

— Всё-то ты в дар всем отправляешь. — Пристыдил меня мой материальный друг. — Разоришься ведь!

— Репутация, Генрих, она же дороже всех денег на свете. — «Особенно когда в армии есть радикально недовольные мной командиры» — додумал я про себя. И вот в таком ключе наш разговор продолжался ещё какое-то время, пока мы не добрались до моих повозок идущих в авангарде армии.

В три десятка рук мы всё же погрузили обе освежеванные и лишённые всего лишнего туши в повозки, от чего место в них окончательно не осталось. Теперь до вечера отряду придётся курсировать по окрестностям, отдыхая лишь на небольших, получасовых стоянках. С другой стороны, это и хорошо, ведь у бойцов будет больше времени на тренировки. Эх, мне бы ещё пару месяцев их погонять! Тогда бы ни шведы, ни ляхи, ни тем более татары нам не страшны.

Со временем я стал узнавать отдалённые пейзажи и рельеф окрестностей к югу от того места, где в моей реальности стоял Петербург. Само собой, эти черты проглядывались очень смутно, а зачастую я и вовсе терялся во всяких ориентирах. Всё же болота в Ленинградской области хорошенько осушили, а здесь этим, само собой, никто не занимался. Тем не менее, окольными путями, старательно обходя гиблые места и глубокие топи, движение было продолжено. Поселения стали встречаться нам всё реже, в основном являясь бедными рыбацкими хуторками и лишь иногда встречались совсем небольшие остроги, обнесённые частоколом. С каждой пройденной верстой становилось понятно, что вести активные боевые действия на этой земле, скорее всего, окажется очень непросто. Курсировать вокруг армии в радиусе нескольких вёрст, как мы делали это ранее, стало почти невозможно. Приходилось лишь отрываться далеко вперёд по узкой дороге, скорее даже по тропинке. Благо вдоль этой самой извилистой тропы местность позволяла двигаться почти с той же скоростью. Дальнейшая дорога прошла без приключений. Мы всё также совмещали ускоренный темп продвижения с интенсивными тренировками в ряде дисциплин.

Вплоть до самого вечера ничего сверхъестественного не происходило и мы, привычно выйдя к берегу реки, стали готовиться к ночёвке. Судя по всему, план по глобальному оповещению офицерского состава сработал, ведь к нашему лагерю тут же стали подтягиваться десятники и сотники, где-то внезапно растерявшие свою гордость, или, скорее, разменяв её на желание разжиться на халяву деликатесным, а в походных условиях

ещё и дефицитным мясом. Конечно, за армией следовал небольшой табун из нескольких десятков быков, являясь, по сути, законсервированным источником мяса, который, к тому же, сам себя передвигал. Но вот снабжать незаменимым белком все тридцать тысяч человек на протяжении всей компании он, само собой, не мог. Дабы никого не обидеть, я выделял каждому из командиров по куску, весом чуть больше полукилограмма. Однако даже при таком расходе под конец пришлось наглым образом совмещать медвежатину с кониной. Последняя, кстати, мне понравилась даже больше. Впрочем, принимающие соглашались и на такие подарки. Вот так, за благотворительной акцией, мною учинённой, и прошёл почти весь этот вечер. Когда солнце уже почти село и я стал готовиться ко сну, в лагерь наведалься Майер в своём классическом походном обмундировании.

— Смотрите, бойцы, как диверсант выглядеть не должен! — Весь отряд залился сдержанным смехом, а Генрих лишь нахмурился, оглядывая сначала себя, а потом и всё вокруг, надеясь найти того, о ком я говорил.

— Чего это? — Обиженно буркнул он. — Добрый латный доспех.

— Сержант Фёдор, объясните господину Майеру причину наших насмешек.

— Так ведь, эту блестяшку за версту видать. Что днём, что ночью, от костра отсвечивает. А ежели по-тихой идти, так он столько шуму наделает, что можно сразу врагу и сдаваться. — С готовностью продекламировал ответственный офицер, как прочитал.

— Добре сержант. — Я хлопнул Фёдора по плечу.

— Так мы ж не на вылазку чай собрались! — Безнадёжно воскликнул Майер.

— Ну лично я спать собрался. — Усмехнулся в ответ ему я. — А вот ты куда так вырядился? Али с лягушками с местных болот свататься пойдёшь? — И весь отряд снова залился смехом.

— Тут недалеко острог есть, — Отсмеявшись, сказал Генрих. — Я подумал, может скатаемся? Там всегда свежатинки полно, авось и прикупим чего. — Да, каждое такое поселение — по сути, укреплённая деревенька с небольшим гарнизоном, практически полностью автономная, способная обеспечивать саму себя собственным хозяйством.

— Свежатинки, говоришь? — Я мечтательно прикрыл глаза, представляя яичницу с беконом. После чего слотнул предательскую слюну и выпалил на одном духу. — А давай! Ваня, Лаврентий, давай за мной. Комплект снаряжения — облегчённый. Остальные действовать по расписанию. — Ещё через пять минут мы уже быстрой рысью двигались в пологую горку, в сторону слабо проглядывающегося вдаль частокола.

Облегчённый комплект по сути своей представлял собой лишь самое необходимое вооружение: саблю и арбалет с десятком болтов. К дополнительному оснащению полагался разовый паёк, само собой лишь примерно собранный из того, что есть в походной кухне. И, по сути, на этом всё. Впрочем, потому комплект и облегчённый, ведь общий вес его почти в три раза меньше полноценного. Я долго думал, стоит ли включать в комплект щит, но вскоре всё же отбросил эту задумку. Слишком тяжело и непрактично.

Перед нами предстал одиноко стоящий на холме острог, обнесённый частоколом метров пять в высоту. Единственные ворота, сделанные из того же материала, что и стены, поднимались исключительно изнутри. Да-а, неплохое сооружение... Для племенной эпохи, разумеется.

— Странно, — Прищурясь, заметил Лаврентий, когда мы только подъезжали к острогу.

— Что именно? — Не поняв его озабоченности, спросил я.

— Свет над воротами уже зажгли, а постовых не видно.

— Так не мудрено, — Хохотнул Иван, — это ж разве воины? Крестьян за стены посадили, да по железке выдали.

— Отставить антивоенную агитацию, лейтенант! — Без угрозы повысил голос я.

— Есть отставить! — Последних слов он, может, и не понял, но вот заветное «отставить» знают все бойцы из отряда, а потому влияние это слово оказывает колоссальное.

Пока мы обдумывали, стоит ли пытаться докричаться до местных обитателей, внутри началась какая-то суета. Кто-то явно спорил на повышенных тонах, а то и вовсе истерил. Внутри шла то-ли пьянка, то-ли свалка. Тоже, что-ли, на грудь приняли?

— Тьфу, сплошные алкаши, честное слово! — Тихо выругался я себе под нос, замахиваясь, дабы постучать наконец в массивные ворота из грубой древесины. И вдруг из-за стен раздался давно забытый мною короткий, приглушённый хлопок. С ближайших деревьев полетали птицы, а внутри кто-то испуганно вскрикнул. Лошади стали нервничать и растерянно фыркать в поисках угрозы и источника шума. Можно было бы подумать, что это стреляют из примитивного местного огнестрела. Однако смутил тот факт, что ручные пушки тут пока почти никому не знакомы и знают о них лишь немногие. Да и те — косвенно. Откуда такая новинка по местным меркам в этом захолустье? К тому же, этот звук несколько не похож на тот, что получался, когда мы в Новгороде стреляли из моего самодельного самопала. Он был тише и приглушённое, как будто... Как будто стреляли из современного пистолета века как минимум двадцатого. Ну конечно! Этот хлёсткий и короткий хлопок никак не мог получиться при детонации местного дымного и малоэффективного пороха! Ну или это у меня со слухом вдруг стали проявляться серьёзные проблемы на фоне недавнего падения.

Я наконец отошёл от раздумий и что есть сил затарабанил в ворота. Массивные ставни будто бы насмехались над моими усилиями, даже не шелохнувшись.

— Эй, хозяйева! — Старался придать голосу уверенности я. — Есть кто живой? — Ответом мне стала звенящая тишина. Однако спустя пол минуты прямо надо мной показалась голова в кожаном шлеме, осторожно выглянувшая из-за брёвен частокола.

— Вы кто такие? — Глухо спросил массивный мужик, уже смелее выглянув наружу.

— Отряд особого назначения Новгородского полка! — На ходу придумывая что-нибудь позамудрёнее выпалил я. — Полк стоит за пол версты отсюда. Мы проверяем готовность острогов на случай нападения неприятеля. Али не слыхал, что свеи вот уже под боком совсем?! — Мой собеседник разом изменился в лице и юркнул обратно за стену.

— Спугнул. — Уныло констатировал Генрих.

— Потерпи, Майер, кайзером будешь. — И мой друг, не сдерживаясь, расхохотался, услышав малость видоизменённую цитату Тараса Бульбы, о существовании которой он, впрочем, не догадывался.

Я прислушался. Прямо за воротами кто-то что-то активно обсуждал на фоне общего щебетания враз проснувшегося острога.

— Что у вас там происходит? — Всё также уверенно гаркнул я. — Или хотите, чтобы к вам сам воевода пожаловал и разнёс тут всё к ядрёной матери?! — Бубнёж на мгновение затих, а в воротах на уровне головы открылось небольшое узкое окошко. Два хмурых глаза осмотрели нас, после чего импровизированный глазок захлопнулся. Ещё через мгновение одна из створок со скрипом отворилась, приглашая нас внутрь. Высота ворот, лишь немного уступающая стенам, позволяла легко проезжать верхом, не почти не пригибаясь.

Картина, открывшаяся нам, впечатлила разве что своей простотой. Скромненькое

убранство острога представляло собой около пятнадцати примитивных домиков, потеснившихся вдоль стен, колодец в самом центре утоптанной площадки и пол дюжины курятников в дальнем углу. Малость осмотревшись, я заметил ещё и стойло с крышей, в котором нервно помахивали хвостами две лошади.

Наверное, всё население этой укрепленной деревушки собралось сейчас в одном месте. Обступив полукругом участок возле дальней стены, они о чём-то говорили в один голос. Определить, о чём именно шёл разговор и кого так рьяно обступили селяне, было почти невозможно. Если, разумеется, пытаться сделать это мирным путём. Я бросил взгляд на семенящего рядом со мной всё это время округлого в талии мужичка в смешном кожаном шлеме.

— Кто у вас здесь за главного?

— Так э-э... — Он стал испуганно озираться в поисках начальства. Наконец, поймав взглядом рослого немолодого воина в доброй кольчуге и с богатыми ножнами, он кивнул в его сторону, давая мне понять с кем следует вести диалог. — Вона, Степан, он у нас за старшего. — Я поблагодарил незадачливого вояку и направился в сторону толпы, над которой и возвышался на крыльце этот самый командир.

— Я сказал отошли все! — Раздался истошный крик из толпы.

— Смутно знакомый говор. — Метнул на меня свой задумчивый взгляд Генрих.

— Да уж, я тоже заметил. — Разом оживившись, выпалил я.

Глава 14. «Новое знакомство»

Раздался ещё один глухой хлопок, эхом разнёсшийся по острогу. Толпа в очередной раз испуганно загомонила и отступила. Наконец, я разглядел источник звука. Рука с небольшим чёрным пистолетом взмыла вверх, в очередной раз нажав на спуск. Люди вновь испуганно расступились, и я смог разглядеть так удачно встреченного попаданца. В том, что это именно он, сомнений не оставалось. Сейчас главное сохранять спокойствие и самообладание. Парень примерно моего возраста, в чёрной кожаной куртке и синих джинсах. Лицо ухоженное, примерно мой ровесник. Современник, не иначе. Да и пистолет, судя по всему, классический табельный «пмм» или же "Грач". Человек из органов правопорядка мне был бы как нельзя кстати. Если, конечно, я правильно всё понял. А, да, вон он достал из заднего кармана красную книжечку удостоверения. Эх, вот попросить бы у того, кто скинул мне такой замечательный «рояль», ещё какого-нибудь хирурга, инженера, химика, физика... В общем десяток самых полезных людей из будущего. Впрочем, даже полицейский, владеющий некоторыми знаниями в области обществознания, безусловно полезен. Вот только лицо его искажала некая гримаса страха и непонимания. Да, похоже, приняли товарища тут как следует. Впрочем, не удивительно. Наверняка в своё время я выглядел не хуже.

— Следующий будет на поражение! — Предупредительно выкрикнул он. Основная серая масса селян нехотя отхлынула, хоть и на вряд-ли поняла, что именно он говорил и что имел ввиду. Хватило угрозы в голосе странного чужака с источником инородного шума. А вот несколько мужчин в стёганках и щитами наперевес остались на своих местах. Ох, как бы парень и вправду не воплотил свои угрозы в реальность. Не спасут ведь вояк их деревяшки от девятимиллиметровых свинцовых пуль. Они бросали растерянные взгляды на стоящего на крыльце вожака. Тот облокотился на столб и ухмылялся в густые усы, хмуря брови. Похоже, пытался понять, кого же это к ним занесло.

— Степан! — Как можно увереннее окликнул его я. — Отзови своих орлов немедленно!

— Чего-о-о? — Раззадоренный воин повернулся ко мне. Я как бы невзначай держал взведённый арбалет, как говорится, «на низком старте». Заметив это, он ухмыльнулся. — Вы кто такие?

— Особый отряд Новгородского полка. Проверяем готовность острогов на случай нападения. И если тебе твоя служба дорога — немедленно отзови своих людей! — Смотря ему в глаза, поставил я ультиматум, чем вызвал косоу, удивлённый взгляд от Генриха. Впрочем, в следующее мгновение Майер вновь впери́л свой взор в немолодого воина, играя в мою игру.

— Из полка говоришь? — Нарочито долго протянул он. Осмотрел нас с ног до головы, цепляясь опытными глазами за каждую деталь. — Ну да, сбруя на вас не разбойничья. — Он глубоко вздохнул, задумавшись. — Эй, ребята! — Крикнул он себе за спину. — Оставьте пока этого. — И воины также отступили, прикрываясь щитами.

— Правильное решение, — Я расслабленно опустил самострел.

— Твой, что-ли? — С подозрением спросил он, кивнув в сторону «попаданца».

— А ты его уже себе присвоил? — Догадался я.

— А то как же! Говорит, что ничейный, а у нас тут, знаешь ли, окраина! Почти черта засечная, всех подряд привечать тоже не с руки. Вот коль докажешь, что твой, так и идите во все четыре стороны. — Он криво ухмыльнулся, понимая, что я не имею никакого отношения

к этому странному чужаку. Однако он-то не знает, что из общего у нас аж целая эпоха.

— Эй, уважаемый! — Окликнул я зажатого в угол парня с пистолетом, подъехав поближе к нему. — Господа реконструкторы малость заигрались и, похоже, не слабо так вкинулись. Наряд я уже вызвал, но нам с вами всё же лучше не мозолить им глаза. Железкито у них не бутафорские. Им нужно, чтобы вы подтвердили, что знаете меня и мы с вами тут же удалимся из этого филиала хаоса поближе к благам цивилизации! — Услышав знакомый говор, парень вздрогнул и чуть было не выронил своё оружие. На меня глянули глаза, в которых затеплилась надежда на лучшее. Убрав ствол в кобуру, он, озираясь, посеменил в мою сторону. Я спешился и пожал руку своему визави. — Александр. — Тихо представился ему я.

— Максим. — Не веря своему счастью, ответил он.

— Он твой хозяин? — Не веря в свои слова, спросил Степан. Я, прикрыв глаза и, легко улыбнувшись, незаметно кивнул Максиму, который вопросительно глянул на меня.

— Да. — Коротко бросил он. Воин смачно сплюнул и глянул на нас исподлобья.

— Не верю! — Воскликнул он.

— А ты смеешь без разбора пленить иноземцев?! — Так же громко ответил я, прыгнув в седло и подав руку своему брату по несчастью. — Знаешь ли, что государь наш за такой самосуд делает? Али голова лишняя? — Наглец осадил, обдумывая мои слова и свои перспективы так глупо подставиться. — Он родич мой, гость с берега дальнего. А вы ему тут русское гостеприимство показываете?!

— Проваливайте. — Процедил он сквозь жёлтые зубы, как бы случайно положив руку на эфес меча. И мы последовали на выход. Да, закупить желанной свежатины не получилось. Ну и ничего. Мяса у нас итак завались, да ещё и другого продовольствия пол телеги. Так что голодными мы совершенно точно не останемся. Зато теперь я встретил ещё одного гостя из будущего, который в этот раз действительно может неслабо мне помочь.

Подобно отряду спецназа, выводящему важного заложника из кишашего бандитами логова, мы медленно вышли из острога под испепеляющими взглядами его обитателей. Ну ещё бы: пришли какие-то залётные и лишили их бесплатной рабочей силы. Ведь если бы не мы, то так удачно подвернувшегося мне современника в лучшем случае загребли бы в фактическое рабство. Конечно, магазин на двенадцать девятимиллиметровых патронов — это, безусловно, аргумент в любом споре, тем более с плохо знакомыми с порохом людьми. Однако на фоне непонимания происходящего парень мог и сплоскать, поплатившись жизнью. Ничего не поделаешь, ведь эти ребята, по сути, выполняли свою работу. Да, малость увлеклись, но в целом их действия можно оправдать.

Когда мы наконец преодолели ты невидимую черту, отделяющую острог от внешнего мира, створка ворот громко хлопнула, после чего глухо упал массивный засов с обратной стороны. И тишина. Все мы одновременно и громко выдохнули, а когда отдалились ещё немного, стали непонятно с чего смеяться. Я тоже подхватил эту волну истерического хохота. Да уж, мы прошли по самому краю! Вот не хватило бы мне убедительности, не поверил бы этот мужик в то, что мы часть Новгородского полка или просто Максим вдруг психанул бы. И всё. Как минимум вышвырнули бы за ворота ни с чем.

— Ну за такое я готов отказаться от яичницы с грибами. — Наконец отсмеявшись, хохотнул Генрих.

— Я думал германцы грибы не жалуют. — В такт ему ответил я.

— Так то германцы, — вновь заливаясь глухим хохотом, пояснил он, — А я ж ведь

почти русский!

— Мне кто-нибудь объяснит, что тут, черт подери, происходит?! — Подал голос мой новый знакомый. — И к чему эти древности? Нормальный транспорт уже закончился? Или бензин уж больно в цене взлетел? — Он легонько пнул пятками в бока моего коня, на котором сидел, от чего тот недовольно фыркнул и по привычке прибавил ход.

— Максим, спокойно. Просто реконструкторы малёк заигрались. Я тебе сейчас всё объясню. — Заверил я своего спутника, хранимого теперь мною, как зеницу ока. — Ребят, мне с земляком нужно переговорить с глазу на глаз. Потренируйте-ка галоп до лагеря.

— Есть! — Одновременно откликнулись двое бойцов. И тут же, ударив в бока лошадям, перешли в лихой галоп по извилистой тропе, спускаясь с пологого холма. Хорошо идут! По сравнению с результатами недельной давности так и вообще — отлично. Майер же остался ехать рядом.

— Ты тоже, Генрих. — Улыбнулся я другу. — Нам с земляком нужно поговорить. — В ответ тот обиженно, но без злобы фыркнул и также оторвался далеко вперёд.

— Итак, Максим, нам предстоит очень долгий и тяжёлый разговор. — Негромко начала я, когда мой немецкий друг наконец скрылся за поворотом.

— Я уже, наверно, ничему не удивлюсь. — Устало пробубнил он.

— Ну-у... Я бы не спешил с такими высказываниями. — Протянул в ответ я. Максим никак не мог удобно усесться в ставшем тесном седле за мной. — О чём вы? — Кряхтя, спросил он.

— Вам не показались... Странными действия тех людей? — Я старался подойти к вопросу максимально деликатно. В такой ситуации от человека можно ожидать чего угодно. Тем более если этот человек имеет при себе огнестрельное оружие. Да вообще любое оружие, если так подумать! Нет, нельзя вот так вываливать на него всё сразу. Нужно как-то осторожнее. И желательно безоружнее.

— Да ещё бы! — Воскликнул он в сердцах. — Эти фанатики-реконструкторы совсем уже страх потеряли! Нет, я ж им говорю: «В игры ваши не играю, дайте телефон позвонить.»

— Ну, а они? — Решил поддержать его я.

— А они глядят на меня, глаза по пять рублей, да обступают, обступают... Ещё говорят так, суки... По-деревенски, что-ли. Подготовились видно знатно или просто отбитые. — Он наконец расслабленно усмехнулся. Ну вот и как, спрашивается, сейчас ему всё рассказать? Хорошо бы, конечно, вначале разоружить эмоционального стрелка. Вот только опасно это, да и доверяет он мне сейчас больше, чем когда-либо. Нет, нужно совершенно точно всё ему рассказать. Иначе потом хуже будет.

— А как ты попал туда, помнишь? — Я решил навести его на мысль о мистическом попаданстве.

— А... — Он силился что-то сказать, но вдруг замолчал. Я уже даже подумал, что парень свалился с седла, и лишь когда я обернулся, чтобы проверить целостность своей находки, он вышел из ступора. — Не помню, представляешь... Помню только, что отгул на работе просил. Потом долго ехал куда-то... Вот чёрт, а я ведь даже не пью!

— Такое случается, — Поспешил успокоить его я, — Это на фоне испытанного стресса.

— Возможно. Кстати, а ты чего вырядился, как эти? — Он кивнул себе за спину.

— Да я... Любитель истории. Но не пьющий! — Максим от души рассмеялся.

— Кстати, ты сколько раз в воздух пальнул? — Спросил его я.

— Дважды, — С готовностью ответил он.

— Вот и я помню, что дважды. В магазине нового «Макарова» двенадцать патронов. — Вспомнил я характеристику «пмм».

— Ну да, — Подтвердил он, и тут же раздался характерный звук, с которым магазин покидает обойму. Повисло молчание.

— Что там? — Разорвал я тишину.

— Только шесть. — Шёпотом ответил он, вставляя магазин обратно. — Я всегда обойму полной держу. Всегда! Похоже, правда провалы в памяти...

— А ещё есть магазины? — Спросил я у него.

— Да, один... А тебе зачем? — Он вдруг встрепенулся.

— Да нет, нет. Просто интересно. — И вновь повисло неловкое молчание. Я не знал, чем разорвать вязкую атмосферу. Уже скоро мы выйдем к реке и Максиму предстанет громадный лагерь на пятнадцать тысяч душ. И вот тогда уповать на легенду с двинутыми реконструкторами не получится. С ума ведь по одиночке сходят, а не целым городком. — Знаешь, Максим, — Выдохнув, выпалил я. — Это ведь были не реконструкторы.

— Хах, да я уже понял! — Усмехнулся он. Понятное дело, что это какие-то чокнутые фанатики под кайфом. Накурились, твари и играют в своё средневековье. Ну ничего! Вот доберусь до благ цивилизации, я их всех пересажаю к чертовой матери! Кстати, а почему мы до сих пор не вышли на нормальную дорогу? Что это вообще за глушь? — Он заозирался по сторонам, выискивая знакомые места.

— Потому что её нет, Максим. — Наконец выдохнул я.

— То есть как... — Он не успел договорить вторую часть фразы, как из-за крайнего куста наконец вынырнул объятый тёплым пламенем десятков, а то и сотен костров, лагерь. — ... Как нет? Твою ж... — Ну и дальше пара слов без падежей. — Нет, ну не-ет! — Он уныло то-ли простонал, то-ли прокричал.

— Спокойно, без паники! — опередил я его состояние. Но поздно. Тот уже неуклюже спрыгнул с лошади и рванул в чащу непролазного бурелома. Что ж, могло быть и хуже.

Спешившись, я побежал вслед за ним. Новоявленный попаданец брал на себя основное сопротивление густых зарослей, а потому расстояние между нами неумолимо сокращалось. Но вдруг я потерял его из виду. Ну твою налево! Быстро осматриваюсь и нахожу знакомую борозду, созданную безразборным продвижением моего современника в глубь леса. Вдруг след оборвался и я увидел впереди небольшую полянку. Не пробивайся сюда кроха света воцарившейся луны — я бы не заметил на ней знакомую фигуру, лежащую лицом в низ. Я рванул к нему, когда он вдруг резко поднялся на четвереньки и, достав пистолет, готовился приставить его к виску. Э, не, этого нам не надо. В два длинных прыжка я оказываюсь рядом, а на третий уже выбиваю из его рук опасное оружие, всем весом прижимая бедолагу к земле. Эх, хорошо, когда тело в прекрасной форме и легко исполняет все мыслимые команды. Пистолет улетел метров на пять в сторону. Излишне эмоциональный Максим же ещё пару раз дёрнулся, но, поняв бесполезность своих действий, вскоре уткнулся лицом в желтоватую траву, тяжело дыша. Мы ещё, наверное, пол минуты находились в таком состоянии, пока он наконец не спросил:

— Какой год? — Всхлипнул он.

— Тысяча пятьсот пятый. — Ответил я. Максим шумно выдохнул. Что ж, вы хотите объяснений? «Их есть у меня».

— Я ведь сразу понял, что тут что-то не чисто. Ну не могли простые любители истории так точно всё поставить. Подумал, может староверы, — Он истерически усмехнулся, — а вон

оно что.

— Я тоже сначала не поверил. — Попытался успокоить его я.

— А ты здесь давно? — Он вытер рукавом предательские слёзы отчаяния.

— Чуть больше месяца. — Максим удивлённо присвистнул.

— Однако, неплохо ты раскрутился. — После небольшой паузы выдал он. И мы побрели назад к дороге. По пути я пересказал ему всю историю своего попадания в эту реальность. И то, какую легенду придумал, и про то, что это не совсем достоверное прошлое, а несколько иная реальность. В общем — всё. Ведь он сейчас единственный человек, которому я могу доверить эту информацию. А носить весь этот груз в себе мне уж больно надоело. Всё, хватит. Хожу, как пороховая бочка, готовая рвануть от любой надоедливой искры. Так и с ума сойти можно. А он, считай, моё спасение в этом неприветливом мире и времени.

— Восемнадцать патронов — серьёзный козырь. — Сделал вывод Максим.

— Учитывая лишь зарождающийся ручной огнестрел — определённо. — Мы уже подъехали к лагерю, а потому подозрительные разговоры пришлось отложить на неопределённый срок. — Так что ты решил? Ты с нами?

— А куда мне деваться, — Развёл руками он, — я же тут как белая ворона буду.

— Это верно. И что, ты совсем ничего не помнишь? — Мы вошли в мою палатку, где вновь получили возможность говорить на удобные темы.

— Вообще. Как отшибло. Но не думаю, что надо мной поставили подобный эксперимент.

— Уверен? — Я вопросительно поднял бровь.

— Да. Тот адрес, что ты назвал. Не так давно я участвовал в контртеррористической операции...

— Подожди-подожди. Как в операции? Ты ж курсант?

— Ну, считай сделали исключение. — Махнул он рукой. — Так вот, мы штурмовали как раз то здание, о котором ты говорил.

— Ничего себе. — Я даже сел на вовремя оказавшийся рядом табурет. — Ну, значит тут что-то другое.

— Да какая уж теперь разница? — Он разочарованно вздохнул. — Одно радует — искать меня вряд-ли кто будет. Ну, сначала, конечно, побегают, в розыск объявят. Я ж почти лейтенант «фэ-эс-бэ»! — Он нервно хохотнул. — А ни родных, ни близких у меня нет, так что... Хотя не обидно новую жизнь начать. — Я похлопал по плечу своего новоиспечённого товарища.

— Всё будет, Максим. Жизнь будет сытая и тёплая. Главное — сейчас не проиграть. — Он серьёзно кивнул, положив на стол свой «макаров».

— Тогда повоюем.

Глава 15. «Контакт»

Не знаю на счёт течения воды, но на то, как горит огонь, я и правда готов смотреть вечно. Как всепоглощающие языки пламени плавно поглощают сухие деревяшки. И чем больше подкинешь топлива — тем больше станет огонь, тем больше тепла он даст и больше будет требовать для своего существования. Всеразрушающая, затягивающая сила, способная забрать под свою власть всё живое. Вроде бы простейший процесс, однако то, как он завораживает и как наводит мнимый ужас впечатлительному сознанию... Вот это действительно невероятно. А стоит мне вторгнуться в процесс его бесконечного поглощения, как он угрожающе выбросит сноп искр и разгорится с новой силой. Пожалуй, просидел бы я так до самого утра, наблюдая за тем, как костёр борется за собственное выживание, если бы Максим не выдернул меня из этого прекрасного состояния астральной задумчивости.

— И всё же я не понимаю, — Сделав большой глоток крепкого травяного отвара, заявил он. — У нас с тобой такое преимущество перед всеми этими...

— Дикарями? — опередил его я.

— Ну да. — Он виновато пожал плечами. — А ты даже не думал взять всё это под свой контроль.

— Макс, — Пошевелил я поленья кривой кочергой, чем вызвал очередное возмущение костра. — Мы с тобой не так уж и сильны. Да, у нас перед ними неоспоримое преимущество, но... Всё же мы вдвоём сами по себе мало что можем. Вот вроде и на пол тысячелетия опережаем их, а вроде знаний никаких и нет.

— Ну как же никаких? — Возмутился он.

— Ну вот смотри, — Я пододвинулся поближе к нему. — Я знаю, как орудийная башня крейсера устроена. Весь процесс от заряжания в казённый до поражения цели у меня в голове. Но какой в этом смысл, если ни крейсеров, ни орудий таких ещё даже на бумаге не существует? Или, например, ты. Мы с тобой ведь уже думали над этим. Ты отлично знаешь Конституцию и Уголовный Кодекс и хорошо стреляешь. Вроде бы знания и полезные, вот только какой в них смысл, если для первого нужно дорваться до власти, а для второго — неограниченное количество патронов и стволов.

— Я в детстве пайкой увлекался. — Уже безнадежно протянул он.

— Полезный навык, — Усмехнулся я. — Особенно если учесть, что здесь из набора для пайки — одна только природная канифоль. Да и та, наверняка, допотопная. Ну, может, олово есть.

— А ещё нас первой помощи обучали! — Через пол минуты молчания встрепенулся он.

— Нас тоже, — Пожал плечами я. Вот только чтобы обработать рану и перетянуть её бинтом — много ума не надо. А большие действия упираются, опять же, в полную допотопность. — Я подкинул полено в костёр и тот жадно обхватил его жёлто-красными языками, благодарно затрещав. — Для массового прогрессорства нас двоих, увы, мало. Ведь всё нужно начинать с малого, с азав. Для того же орудия нужна хорошая сталь, получаемая в малоизвестных здесь доменных печах. Ещё хороший, бездымный порох. Развитая цветная металлургия. Люди, разбирающиеся в механизмах и конструкции лучше меня, в конце концов. Да много чего ещё нужно! И даже тогда это орудие со снарядами нужно ещё отлить. А это тоже, знаешь ли, не пальцем в носу поковыряться.

— И что же получается? — Расстроено откинулся он назад.

— Получается нам сейчас нужно особо не дёргаться и не рваться галопом по Европам. Может, в техническом плане мы и никто, но вот футбол местные приняли охотно. Ровно как и тотализатор.

— Да уж, это ты хорошо придумал! — Мы ещё немного посидели, глядя на жёлто-красные языки пламени. — И что, совсем никак назад не попасть? — Тоскливо спросил он.

— Сказать честно — я не знаю. — Признался я. — Может, способ и есть, но... Не знаю, в общем. — Я устало прикрыл глаза. Максим лишь понимающе хмыкнул.

Мы просидели бы вот так до самого рассвета, если бы буквально через пять минут не раздался громкий, заливной клич рожка. И это была отнюдь не пионерская мелодия, а длинный, заунывный гул, способный разбудить, наверное, даже мёртвого. Обычно лагерь встаёт сам собой и подобные меры не нужны. Но ведь и до рассвета ещё час, если не больше. Неужели что-то серьёзное? Ведь не просто же так решили поднять всю эту ораву по тревожному сигналу. Я лениво потянулся, поднимая своё затёкшее тело с бревна. Макс же вскочил одним рывком, испуганно озираясь по сторонам.

— Что? Где? — Сонным голосом спросил он. Я лишь набрал в ковш холодной воды из ведра и плеснул ему в лицо. Он, подобно, собаке, затряс головой, вытирая рукавом лицо.

— Проснись и пой, век двадцать первый, твоё столетье позади! — Пропел я возникшие в голове строки, непонятно откуда взявшиеся.

— Холодно же! — Обиженно буркнул он.

— Зато эффективно. — Пожал плечами я. — Ну и эффективно.

— Здесь всегда так по утрам? — Вытирая лицо подолом рубахи, спросил он.

— Нет, обычно все как-то сами собой просыпаются и продолжают движение. — Я размял ватную шею. — Да и не настолько рано это обычно происходит. Но сейчас, похоже, что-то случилось. — Я посмотрел в ту сторону, где расположился Михаил с некоторыми другими сотниками. На небольшом пригорке, метрах в двухстах от нас, явно происходила какая-то неразбериха. Тёмные силуэты носились туда сюда на фоне вяло полыхающих кострищ. Доносились еле слышимые, обрывистые выкрики.

Ещё через пол минуты из палаток стали вылетать мои гвардейцы в полном обмундировании, вопросительно смотря на меня.

— Собираемся, — Коротко бросил я. — Построение через пять минут у дороги.

— Есть! — Вяло ответили сержанты.

Когда я наконец приблизился к палатке воеводы, лагерь уже жужжал подобно разъярённому улью, спешно переходя в походное положение. Михаил почти сразу попался мне на глаза. Он активно торопил солдат, раздавая указания и зачастую срываясь на крик.

— Быстрее, быстрее, вашу мать! — Не унимался он.

— Что случилось, от чего такая спешка? — Наконец поинтересовался я. От неожиданности воевода даже немного подпрыгнул в седле. Впрочем, очень скоро он вернул себе самообладание.

— Пришёл гонец с острога в дюжине верстах отсюда. — Мрачно ответил он.

— Идут? — Понял я его интонацию.

— Как черти лезут.

— Что известно? Может гонец что-то ещё полезное знает? — После недолгого молчания спросил я.

— Ничего. — Сухо ответил Михаил. — Много их, только и всего. Говорит, встали

лагерем прямо под их частоколом. И огней... Сотни, если не больше.

— Вставай, страна огромная. — Протянул я, пнув в бока своего жеребца. — Мы на разведку, не терять! — Крикнул я через плечо, отдаляясь от воеводы. Самовольство, конечно, но что ж поделаешь. От него ведь приказа не дождёшься, а проверить всё равно нужно. Никак нельзя допустить раннего боестолкновения. Тогда нам точно кранты.

— Лейтенант, доложить обстановку. — В пол голоса пробубнил я рядом лежащему в высокой траве Ивану.

— Десяток всадников. Одеты не бедно, нагрудники блестят. Оружие не разглядеть, но копья точно имеются. Да и скорее всего это не всё. У каждого по сменной лошади, все как на подбор гнедые да вороные. — Он замолк, внезапно закончив излагать то, что наблюдает.

— Совершенно натюрлих... — Протянул я.

— Снова язык коверкаешь? — Влез между нами Генрих. У меня от неожиданности даже соломинка изо рта выпала.

— Ну, Майер, с тобой в разведку не сходишь. — Шутливо толкнул я в плечо друга. — Лейтенант, какой делаем вывод из увиденного?

— Похоже, передовой отряд, вроде нашего. — Пожал плечами Иван.

— Та-ак, а делаем мы что? — Я подводил невероятно молодого офицера к правильной мысли, но Майер нетерпеливо влез в диалог.

— Так ясно что — бить их надо!

— Нет, — Закачал головой Ваня, — прямо атаковать их нельзя.

— Почему же? — Подначил его я.

— Судя по экипировке — они добрые воины, с которыми даже будучи в большинстве сталкиваться опасно. Но...

— Но?

— Но и оставлять их нельзя, потому как наша цель — отсрочить столкновение двух армий.

— Поэтому нужно что?

— Поставить их в такие условия, в которых они не смогут использовать свои сильные стороны. — Разразился он ворохом новых слов.

— О как! — Поднял я палец вверх, глянув на Генриха. Тот в ответ лишь криво усмехнулся.

Дорога здесь была одна, а потому предсказание дальнейшего маршрута движения передового отряда стало задачей скорее тривиальной. Тропа через пол версты поворачивала в густой ельник. По обочинам раскинулись кустарники, оставляя лишь два пути: вперёд и назад. Идеальное место для засады, чем мы и воспользовались. Одна пятёрка слева, одна справа. По идее противник не должен успеть даже испугаться. Однако чтобы повысить шансы на успех, следует ещё и как-то остановить неприятеля, для того, чтобы повысить точность обстрела с флангов. Вот как: раньше никогда не считал себя тактическим гением, а теперь идеи для успешной засады так льются рекой!

Интерлюдия. Командир шведского авангарда.

Вот уже больше двух недель мы ускоренным маршем движемся вглубь бескрайней страны со странным названием Русь. Нет, конечно, в школе я что-то слышал об этих землях на востоке, но никогда бы не подумал, что есть такая большая земля. Клянусь всеми богами: за это время можно было бы дойти от родного Стокгольма до Копенгагена и, вероятно, уже свернуть обратно. А мы тут всё идём, идём и, как ни странно, идём. И хоть бы какой

городишко подвернулся! Но нет, сплошные деревни да остроги, с ошетилившимся гарнизоном. Где же этот пышущий богатством Новгород, по всем приданиям построенный нашими далёкими предками, который так хочет взять король? Да, не так я, сын Шведского дворянина, представлял славный поход на Русь.

Конечно, для хорошего воина двухнедельный поход по сути — дело плевое, но вот только и я, и остальные в моём отряде авангарда уже устали отбивать зад с утра до вечера в седле, наблюдая за приевшимися пейзажами лесов, болот и озёр, сменяющимися с текучей вялостью, а потом жевать не менее приевшуюся солонину. В других походах мы через день или на городишко какой натыкались, в котором и поесть нормально можно, и выпить, и... Ну, в общем, много чего ещё. Ну и биться проходило, конечно. Однако даже самую кровавую сечу я, наверное, предпочту больше, чем двухнедельное прозябание в жестком седле.

Мы все утомлены этим однообразием, боевой дух неуклонно падает. Черт, а это ещё что за *kukjäveler*? Навстречу нашему отряду ехало двое всадников. Одеты, прямо скажем, богато. У одного блестящие нагрудник и шлем с забралом, а у второго всего лишь стёганка, но весьма недурная. Зато у второго есть арбалет, чего нет у первого. У обоих в ножнах по клинку, а за спинами копья и небольшие щиты. Судя по всему воины.

— Эй, вы кто такие? — Эти двое переглянулись и тот, что в блестящем доспехе выкрикнул что-то на ломаном датском. Вот же дьявол! Сколько провёл в походе на Копенгаген, а языка так и не узнал. — Лукас! — Окликнул я единственного мало-мальски понимающего на языке датчан воина. — переведи! — Рослый муж подъехал поближе и стал вслушиваться в речь. Потом что-то спросил и наконец заговорил на понятном мне языке.

— Они приветствуют славных шведских воинов и говорят, что находились в русской армии на задании от самого Олафа и теперь тайно сбежали, прихватив с собой казну их ярла. — Подтверждая его слова, воин с арбалетом продемонстрировал мне увесистый мешок на пару лиспудов весом, который в его руках заманчиво зазвенел.

Интерлюдия. Александр.

Усатый вожак снова что-то сказал своему переводчику, а тот гаркнул что-то уже нам. Теперь Генрих должен был перевести ответ мне. Вообще довольно комично получилось, ведь разговор, по сути, ведётся сейчас сразу на четырёх языках. Когда мы сблизились с их передовым отрядом, я наконец смог более детально их осмотреть. Удивительно, но в их обмундировании даже проглядывалось некое единообразие и стандартизация: стальной нагрудник, меч в ножнах и шлем, чем-то напоминающий конкистадорский. Он также имел некое возвышение, призванное, наверняка, отражать удары с верхней полусферы, уводя их вскользь, защищая голову.

Одежда, не являющаяся бронёй, также впечатляла: высокие конные сапоги, которые в даже в Новгороде днём с огнём не сыщешь, толстые, широкие, едино тёмные штаны, аккуратно заправленные в них и светлые то-ли рубаха, то ли жилет, надеваемые под нагрудник. В общем, этих воинов можно смело приписать к элите армии. Пожалуй, даже гвардии. И вот эта самая элита сейчас смотрела на нас с Генрихом, как на беспомощных хомячков. Ну это ничего-о-о. Вон, у их вожака, считай, мой размерчик. Как раз обновку себе возьму. А то как-то не солидно бить иноземных узурпаторов в древней стёганке. В такой, наверное, ещё Царьград брали, а я тут, видишь ли, на заре пороха в ней щеголяю.

— А почему он не знает языка? — Командир кивнул в мою сторону.

— А я и не из ваших! — После недолгой паузы бросил я. Это мы приняли за своего рода

сигнал: Когда я заговорю в полный голос — мы нападём. Шведы переглянулись, нахмурились, брови. С небольшим запозданием из кустов с обеих сторон послышался ни с чем несравнимый стрёкот арбалетных выстрелов, а ещё через долю секунды прямо в висок стоящему в пяти метрах от меня командира отряда прилетел болт с тупым наконечником. Шлем, разумеется, не смог погасить столь сильного дробящего удара, от чего он клюнул носом и завалился в сторону. Это тоже заранее подготовленная фишка. Самый лучший снайпер, то есть Елисей, получил задачу оглушающим болтом выбить командира противника из строя. Убивать такую важную цель сразу, без допроса, было бы чересчур кощунственным, а потому мы решили взять его живым.

В этот же момент уже остроголовые наконечники стали находить свои цели. В том, чтобы попасть в фактически неподвижную цель с такой плёвой дистанции не было ничего сложного, а потому уже в следующее мгновение живыми и боеспособными остались лишь двое из десяти. От неожиданности они замешкались, но, опомнившись, рванули наутёк. Однако какая засада без перекрытых путей отступления? Трое отстрелявшихся бойцов, находящихся дальше всего от нас, встали на пути отступающих и, метнув свои сулицы, выбили одного из бедолаг из седла. Тот пролетел с дротиком в теле метра три, прежде чем наконец встретился с пыльной землёй. Шансов на выживание — никаких. Второй и, по совместительству, последний натянул поводья, завидев сверкающие наконечники копий из-за круглых щитов. Он стал судорожно оглядываться, но вот уже из кустов с обеих сторон стали выходить остальные бойцы. Послышался очередной щелчок тетивы и я, словно в замедленной съёмке увидел ещё один, молниеносно, но всё же не так быстро, как классический, летящий тупоголовый, оглушающий болт. Изначальная траектория предполагала попадание во всадника, но тот удачно рванул поводья и снаряд угодил в шею коню от чего тот испуганно заржал и встал на дыбы. Всадник не успел ничего сделать и полетел на землю. Его конь устремился в сторону, услужливо позволяя бойцам обступить ещё одного потенциального пленника.

— Брать живьём! — На всякий случай выкрикнул я. Тут же из кустов вынырнул запоздавший «снайпер» с заранее вложенной в ложе последним в его комплекте тупоголовым болтом. Круг понятливо расступился, давая Елисею возможность прицелиться. Сержант садится на одно колено. Я успеваю заметить, как он делает глубокий вдох и на выдохе нажимает на спуск. Его цель в этот момент как раз стояла спиной и в этот раз он не промахнулся. Стальной наконечник со звоном ударился о такой же стальной шлем, а после и воин в тяжелой броне тяжелой тряпичной куклой упал на землю.

— Провести контроль! — Опережая меня, отдал команду Иван. Сначала связали пленников, а после добились раненых. Заниматься разбором трофеев прямо сейчас чертовски рискованно. Ведь неизвестно, на каком расстоянии от основной армии шёл этот отряд и нет ли ещё таких же. Боюсь, не хватит нам выучки, чтобы на равных сражаться с этими, безусловно, опытными воинами. В быстром темпе собрав лошадей и погрузив на них тела, при этом намертво привязав пленных, мы свернули в лес.

Глава 16. «Ход конём»

Возле наскоро поставленного стола, прямо под открытым небом, Михаил и главные чины армии собрались вокруг меня, заглядывая через головы друг друга.

— Итак, что мы имеем? — Я расстелил на столе большой желтоватый лист бумаги и, не заморачиваясь, стал рисовать на нём примерные очертания местности и ландшафта обыкновенной для меня, но необычной для остальных шариковой авторучкой. До этого я старался не переводить чернила в ней зазря и бережно хранил во внутреннем кармане, используя лишь в самых крайних случаях. — Противник разделил свои силы на три основные группы и держит дистанцию между ними — примерно пол версты. Достаточно, чтобы информация доходила от одной группы до другой с достаточной скоростью, но слишком много для моментального взаимодействия. В их распоряжении несколько десятков лёгких полевых орудий. Это плохо. Примерно пятая часть всей армии конная. Это уже хорошо. Я рассчитывал на большее. — Десятки округлённых, готовых вылезти из орбит глаз смотрели на меня, в попытке понять и переварить услышанное. Да-а, по меньше неологизмов будущего надо вставлять в речь. В своём авторитете я почти не сомневаюсь. Проблема скорее в том, что меня банально не понимают.

— Так и что ж с того? — Нетерпеливо пробасил Михаил.

— По полученным от пленника данным, мы разбили передовой отряд восточной группы. — Я обвёл крайнюю слева стрелку. — Сам король находится в центральной армии. Все три группы параллельно двигаются на юг.

— Так раз они все порозень, мы ж их по-одному и перебьём! — Рубанул рукой по воздуху один из сотников. Ответом ему стал одобрителный гул.

— Вы чем слушали? Я ж говорю: между ними от силы пол версты. Пока одни связывают нас боем, — Я ткнул ручкой в правую стрелку, — другие берут в кольцо, — Показываю движение остальных двух групп, — И всё, нету больше армии у нас! — Ретивый сотник недоверчиво хмыкнул. — Я вот что предлагаю: до вечера водить их за нос кавалерией, всеми силами уводя дальше на север. Пехоту же с пушками напротив послать в обход на юго-запад, чтобы потом повернуть на север, обойдя вот эти болота, и ближе к вечеру объединиться с конниками.

— Ну и к чему вся эта кутерьма?! — Взвился кто-то позади.

— Да, правда! — Поддержал его другой голос. Вскоре совет превратился в беспринципный балаган, в котором было ясно одно: все хотят сражаться. Ну, или почти все. Лишь пара человек не поднимали шума, а с интересом смотрели на меня.

Через пол минуты активных споров и взаимных оскорблений, которые в моё время гордо обозвали бы демократией, Михаил не выдержал и ударил со всего размаху по столу кулаком.

— Ну-ка тихо! — Рывкнул воевода и все разом замолкли. Не, ну детский сад, честное слово. — Значит так! — Он опёрся обеими руками о стол и тяжело вздохнул. — Мы сейчас же выступаем навстречу этой армии. — Михаил ткнул пальцем в восточную группировку войск. — Мы шли сюда две недели не для того, чтобы бегать от свеев. — Одобрителный гул стал ему ответом. М-да, в этой палате парламента мне делать однозначно нечего. — Дадим им бой, не сильно их и больше! — Я ничего не ответил. Мне стало ясно, что вякни я сейчас хоть что-то против этой «гениальной» идеи — эти дикари меня просто разорвут как

предателя и паникёра. А в том, что шансов в честной битве у нас нет, я был почти полностью уверен. Порвут наше ополчение как тузик грелку. Полк, может, ещё немного побарахтается, но и его сожрут.

Когда все самые боевые воины полка разошлись, у карты остались лишь я, Алексей и ещё два сотника. Их я помнил не очень хорошо, однако то, что они имели одни из самых больших сотен, я знал точно.

— Мы с тобой, Саша. — Бесцеремонно начал Алексей.

— Серьёзно? — Поднял брови я. — Вот так просто? — Они переглянулись. — Вы готовы пойти со мной даже не взирая на Михаила?

— Ну, бежать-то мы не намерены. — Заверил меня он, чем развеял мечты о прекрасном будущем где-нибудь на необъятном востоке. Нет, ну а что? Это я один бежать боялся, а если со мной две сотни человек, то и не так уж и плохо... Хотя что-то я размечтался. Мы здесь, вроде как, чтобы спасти родину, а не продавать за свои жизни. — У тебя же есть мысль, как нам всё в свою пользу обернуть?

— План имеется. — После недолгой паузы всё же протянул я. — Но мне от вас нужна полная самоотдача. И если всё сделаем по уму... То, по крайней мере, кровью не умоемся.

На просторном поле стала разворачиваться наша тридцатитысячная армия. До сих пор мне не удавалось одним взглядом охватить эту толпу, однако сейчас эта возможность всё же выпала. Масштабы, безусловно, впечатляли. Разумеется никаких ровных формаций, напоминающих римские легионы, я не увидел. По большому счёту просто толпа, выстроенная как попало и с горем пополам разделённая на «куски» по двести-триста человек. Зато полковые солдаты, коих было меньшинство, порадовали. Ровненькие конные квадраты относительно быстро выстроились в коробочки сотнями. К ним присоединились и немногие ополченцы, которые смогли себе позволить выйти в поход верхом. Но даже при этом на фоне общего футуристического хаоса этот оплот порядка откровенно сдавал. Меня также удивило то, что Михаил, похоже, не собирался прикрываться неопытными ополченцами и на острие атаки выставил кавалерию. Вероятно, воевода рассчитывает быстро обратить противника в бегство лихим наскоком. Тактика, очень часто срабатывающая со степными кочевниками, обещала сыграть злую шутку в столкновении с равным, а то и превосходящим противником.

На артиллерию консервативный воевода, похоже, откровенно забил, из-за чего мне пришлось самолично указывать так обожаемым всеми пушкарям их позиции справа и позади от армии, на небольшом пригорке. После долгих споров о том как и что делать лишь потому, что «так делали до нас» и о том, как на самом деле лучше, Федот всё же сдался и передал мне одно орудие вместе с расчётом. Ту самую пушку с кривым стволом.

Далее мне пришлось уже непонятливому расчёту вдальбивать в головы совершенно чуждую для них систему.

— Вас десять тел на одно орудие, а вы, мать вашу, несколько минут на перезарядку тратите! — Вспылил я в конце, чем всё же сломил волевое сопротивление артиллеристов, из которых, справедливости ради, действительно знающим был лишь один. Остальные, как говорится, были на подхвате. То есть, по сути, выполняли самую неквалифицированную работу, которой при работе с пушкой не так уж и много. А вот функцию наводчика, командира и, частично, заряжающего брал на себя этот самый один бедолага, который, впрочем, не особо-то и жаловался, поскольку общепринятое время зарядания было настолько большим и настолько устоявшимся, что торопиться ему было не с руки.

Посмотрев ещё раз в глаза командиру этого «недоорудия», я всё же решил, что оставлять их нельзя. Всё равно по своему сделают.

— Максим, слушай, тут такое дело. — Обратился я к своему брату по несчастью.

— Слушаю? — С улыбкой до ушей протянул он.

— Надо бы присмотреть за этими, — Я кивнул в сторону копошившегося расчёта. — Чтобы делали, как я сказал, а не своим допотопным способом. — Максим же в ответ лишь ухмыльнулся и полез во внутренний карман своей куртки из будущего. Оттуда он вытащил небольшую красную книжечку с гербом Российской Федерации. Только когда она оказалась у меня в руках, я прочитал чёрную надпись на лицевой стороне: «Военный билет». — Ты с собой военник носишь? — Удивлённо спросил я

— Да традиция такая, долго объяснять. Читай! — Кивнул он с улыбкой. И я открыл желанную многими молодыми парнями книжку, бегло пробегаясь глазами по строкам. И чем больше я читал, тем сильнее округлялись мои глаза. Когда же я наконец узнал всё, что мне нужно, я с такой же заразительной улыбкой протянул билет обратно.

— Ну что ж, поздравляю с назначением на новую должность, товарищ сержант-командир артиллерийского расчёта. — И мы оба расхохотались. В другой ситуации никто бы так не смеялся, но сейчас... Сейчас у нас обоих было какое-то истерически-веселое настроение. Похоже, перед боем и правда становишься совершенно другим человеком. Раньше я не понимал, что это значит, а сейчас вот. Испытываю на себе. Кажется, будто сама смерть ходит где-то рядом, похрустывая костями и постукивая косою...

Пол дюжины знамён вяло вились над конницей под действием несильного встречного ветра. Наконец, из дальнего леса стали показываться ровные коробочки шведской кавалерии, а за ней и пехоты. Здесь Михаил меня откровенно удивил. Он решил не нападать, а подождать, пока враг построится. Что ж, интересная у него тактика. Впрочем, строятся они быстро, не то что мы. И даже если сейчас стартануть галопом, то даже тогда, вероятно, не успеешь ударить по неорганизованному противнику.

Я обернулся. На пригорке, где расположилась артиллерия, началась вялая суета. Но только не у расчёта Максима. Кажется, я даже слышал, как он отчитывает своих подчинённых. По-крайней мере по его жестам можно с уверенностью сказать, что он, мягко говоря, не доволен.

Из леса же продолжала тянуться тёмная, бесформенная туча, спешно принимающая смутно знакомые боевые порядки. Еле слышно заиграли трубы. Вдруг за нашими спинами раздался продолжительный гром, а ещё через мгновение над головами громадными чёрными мухами пролетели девять ядер. Сосчитать я их, разумеется, не успел, однако обернувшись, заметил, что на неторопливую перезарядку ушли все расчёты, кроме нашего. Снаряды же, невероятно медленно пролетев над полем боя, ни разу не поразили построения врага. И это очень странно, ведь по какой-либо теории вероятности хоть один, но должен был угодить в противника. С небольшим запозданием раздался и ещё один выстрел. Я внимательно проследил за снарядом. Он пролетел над построившимися коробками противника и влетел в ближайшее дерево, разломав длинный ствол надвое. Даже с такого расстояния это выглядело впечатляюще.

Наконец, и в нашем стане раздался протяжный гудок, а Михаил, едущий во главе, указал рукой с мечом в руке на врага и вся толпа в едином порыве ринулась вперёд. Наш объединённый отряд, общей численностью в две с лишним сотни человек расположился на самом краю правого фланга. Это решение было принято мной в последний момент, как

только я увидел предстоящее поле для битвы. Как я и предполагал, на почти такой же холм, что и с нашей стороны, как-то очень быстро стянулись орудия противника. Точного количества, само собой, я не узнал, но уже через минуту этот самый холм окутался множеством клубов дыма и вот уже по нам с такой же «невероятной» точностью стали прилетать уже вражеские снаряды. Что странно, своей целью вражеские артиллеристы выбрали не основную армию, а наши орудия. Похоже, контрбатарейная борьба для них куда важнее. Или шведы просто не ставят в счёт наших солдат и считают десяток пушек опаснее. Что ж, с такой точностью подавит хотя бы одно орудие они смогут только в случае колоссального везения. Уж больно переоценена в современном военном обществе мощь потенциально грозной, но на сегодняшний день бестолковой артиллерии.

— Слушай, а где те двое твоих? Ну, которые братья схожие? — Спросил подъехавший непонятно откуда Генрих.

— Выполняют задание особой важности. — Ухмыльнулся я в ответ. Мы ещё немного последовали в составе всей армии перед тем как я, наконец, не поймал нужный момент. Вновь прозвучал одинокий выстрел, а немного погодя подтянулись и остальные раскаты грома. Однако, скорость стрельбы нашего орудия, похоже, возрасла под грамотным руководством. Одинокое ядро ударилось в землю прямо перед формациями противника. Из остальных снарядов лишь одно вскользь задело левый фланг, рассыпав на мгновение крайнюю коробку.

— А на кой ляд нам ещё почти сотня лошадей? Или ты на долгую погоню за пушкарями решил поставить? — Усмехнулся Алексей.

— Скоро узнаешь. — Еле заметно улыбнулся я. Пора. — Кивнул я сотнику. Тот кивнул мне в ответ и, вынув из ножен саблю и, крутанув её в кисти, рванул галопом вправо.

— Сотня! За мно-о-ой! — И весь наш отряд почти незаметно отделился от основной массы и скрылся сначала за складкой местности, а потом и в лесной просеке. Будем надеяться, что этого манёвра не заметит ни противники, ни союзники.

Интерлюдия.

— Brand!(Огонь!) — Отдал команду командир. Я судорожно поднёс тлеющий огонёк к фителю. Тот угрожающе зашипел и все мы, все восемь человек обслуги пригнулись, отвернулись и, прикрыв уши, замерли в ожидании выстрела.

Мы делаем вот уже третий выстрел по пушкам этих русских, но ещё не одно ядро не упало даже рядом. По-крайней мере, так говорит командир. Я снова, уже в третий раз взялся за канат, оттягивая пушку на исходную позицию. Вдруг мой напарник остановился, выронив свою половину верёвки. Он смотрел мне за спину, его лицо исказила непонятная гримасса то ли страха, то ли удивления. Я обернулся и, наверное, повторил его выражение лица. Прямо на нас клином мчался отряд конников. Судя по их виду, это совсем не парламентёры. Крайние расчёты стали рефлекторно подниматься к нам, спешно покидая свои орудия. Расстояние неминуемо таяло. Вдруг первые ряды всадников слегка пригнулись, но лишь для того, чтобы в следующий момент откинуть тело назад в замахе. Ещё секунда — и распрямившись, словно пружины чудных механизмов, что я видел на Стокгольмской ярмарке прошлым летом, они метнули в нашу сторону несколько коротких копий. По сравнению с общей массой всадников снарядов этих было не много, но даже при этом несколько из них нашли свои цели. Одной из них так неудачно стал и командир нашего орудия, который, как и остальные артиллеристы, не входящие в простую обслугу, не сделал ни шага назад. А ведь наш командир батареи перед боем требовал приставить к батарее

отряд топорников! Но командир восточной армии, как я успел узнать, упёрся намертво, желая как можно быстрее разбить русских и не стал дожидаться медлительной тяжёлой пехоты.

Интерлюдия.

Не знаю, насколько оправданным было решение забросать для начала позиции противника дротиками, но сделанного, как говорится, не воротишь. И без того деморализованная обслуга забилась в уголок холма, не решаясь дать дёру и уж тем более не желая вступать с нами в бой.

Прямо за нашим кавалерийским клином на максимально возможной скорости двигались две моих повозки, которые братья Ярослав и Мирослав, избегая дорог, провезти по лесу к указанной мною позиции. Мероприятие, безусловно, рискованное. Мы ведь не знаем, сколько ещё шведских отрядов рыскает по окрестностям. Однако всё прошло гладко и мы всей оравой ворвались на позиции артиллерии противника.

— Спешиться! — Что есть сил выкрикнул я и моя команда стала расходиться по отряду, словно чума по средневековому городу. — Действовать по плану! — В эту повозку ядра, в ту — порох. До верху не набивать, чтобы не выпадало! Майер, твою сварливую мать, успокой уже этих богов войны! — И Генрих стал подбирать слова, стараясь изъясняться то на немецком, то на плохом датском, то на совсем ужасном шведском языках. Вскоре запуганная обслуга орудий поняла его и, опасаясь за свою шкуру, стала без зазрений совести помогать нам.

Сражение тем временем шло в самом разгаре. Как там у Лермонтова? «Смешались в кучу кони, люди. И залпы тысячи орудий...» Кхм, ну да, про орудия явно не то. Но картина даже с расстояния открывалась неприятная. Шведы явно превосходили наших в кавалерии, в то время как мы просто давили общим числом. Пока что как такового победителя нет, но вот стоит подтянуться оставшимся двум третям... Повезло ещё, что сейчас их отрезала широкая река, а то бы они, наверное, уже были здесь.

Вдруг один из отрядов, до этого не вступавший в бой и держащийся на ближнем к нам фланге, стал весьма организованно разворачиваться к нам фронтом. Я заметил, что они, почему-то, держатся весьма разрозненной формации, всего в пару человек в глубину и несколько десятков в длину. Я присмотрелся... И обомлел. На плечах каждого тяжело покачивались длинные палки. И нет, это были вовсе не копья. Хотя с такой дистанции местные бы не поняли то, чего понял я. Немногочисленный отряд остановился в сотне метров от нас и поставил свои основные, «толстые» палки на меньшие «тонкие» перпендикулярно.

— Ложись! — Выкрикнул я. Натренированные подобным командам гвардейцы среагировали, возможно, даже не успев понять смысла команды. А вот остальные затормозили. В результате после слитного залпа, похожего то ли на град, то ли на небольшой гром, несколько тел пошатнулось и упало замертво. Один из них рухнул на спину прямо передо мной. Кольчуга на его груди была разорвана в самом центре, а в теле была видна большая дыра. Вот вам и ручной огнестрел, мать его!

Я, поняв, что смерть миновала, вскочил. Идея пришла в голову моментально. Мушкет — это же вам не пушка. Перезарядка такого длится не так долго, а значит ещё хотя бы один выстрел они сделать успеют. Наша задача сейчас — минимизировать потери.

— Гвардейцы — к орудиям! Разворот в сторону противника! Генрих, переведи, чтобы эти, — Я указал на дрожащих на земле шведов, — Занялись своим делом.

Заряженными оказались лишь пять пушек. Возиться с остальными времени не было, а потому я отдал команду оттащить их в общую кучу.

— Пусть метят вон в тех. — Я указал на спешно перезаряжающихся мушкетёров. — Скажи, что чья пушка промахнётся — того я лично пристрелю! — Услышав пусть и наверняка искаверканный, но весьма пугающий перевод, они трясущимися руками стали наводить орудия. Через пол минуты я уже отдал команду на выстрел. Пять последовательных «бахов» и... Только два ядра так или иначе задели небольшой отряд. Один врезался в землю прямо перед ними, один ушёл далеко вверх, а последний, пройдя правее, попал прямо в тыл бьющейся в рукопашной шведской армии. Что ж, это вроде как неплохой результат. Мушкетёры сначала начали перестраиваться, а потом и вовсе попятились, забыв про перезарядку. Фух, ну, вроде пронесло.

— Командир! — Окликнул меня Фёдор. — У нас гости! — Он указал на заросли к северу от нас. Из-за кустов и деревьев стали показываться большие человеческие фигуры.

— Это что ещё за лешие. — Прошипел я. Медленные и громадные, эти воины шли с большими то ли топорами, то ли бердышами на перевес.

— Мы закончили погрузку! — Отрапортовал Алексей.

— Хорошо. — Не сводя взгляда с этих «титанов» ответил я. Всего их около трёх сотен, но прямое боестолкновение с ними для нас, скорее всего, фатально. Проиграем, пожалуй, даже в сухую. Когда они подошли поближе, я смог рассмотреть их. Стальные шлема у всех практически на всё лицо. Только глаза, нос и небольшая часть рта открыта. На теле мощная кольчуга до колен, руки в стальных пластинах. У каждого даже налокотники и наколенники имеются. А их оружие... Наверное, двухметровая палка и массивным рубящим наконечником на конце. Всё это снаряжение весит, пожалуй, килограммов сорок. Но и бугаи в них, похоже, соответствующие.

— Орудия так же собраны в кучу вокруг не поместившихся остатков пороха. — Из ниоткуда появился Иван. Я же перевёл свой взгляд уже на поле боя, откуда на нас уже двигался крупный отряд кавалерии.

— Они хотят связать нас боем, — Указал я на уступающий нам в численности отряд конников, — чтобы потянуть время до подхода вон тех головорезов. — С повозками мы быстро не уйдём и они это знают.

— Похоже на то. — Согласился Алексей. — Я бы так и сделал.

— А что бы ты сделал, если бы увидел неподвижный отряд всадников на нашем месте? — Спросил я.

— Так атаковал конечно! — Выпалил он.

— Вот и я бы атаковал. — Я ещё раз оценивающе глянул на кучу не уместившегося в повозку пороха. — Сади пленных на лошадей и выставляй как можно шире лицом к конникам врага. А ты, Ваня, давай со своими натяни парусину на порох, чтобы не видно было, да спиртом полейте.

— Но... — Захотел возразить сотник.

— Так надо. — Твёрдо остановил его я. — Поверь.

Когда мы незаметно спустились с холма, оставив в качестве приманки несколько десятков пушкарей противника, кавалеристы врага уже перешли на галоп. С их стороны пригорок был более крутым, а потому распознать приманку они могли бы только в последний момент.

Оставив основной отряд в укрытии склона, я со своими гвардейцами отъехал вперёд. И

как раз вовремя. Кавалеристы противника уже как раз влетели в приманку без разбора.

— Давай! — Скомандовал я и через полтора десятка секунд в сторону бесформенной белой кучи метнулись четырнадцать подожжённых болтов. Я мысленно начал вести отсчёт. Раз, два, три, четыре... Неужели не сработало? БУМ! Невероятной силы взрыв поднял облако пыли и только спустя мгновение я увидел, что на холме попросту не осталось ни одной подающей жизни фигуры.

Дистанцию до спасительных деревьев мы проскочили как-то незаметно и спустя ещё десять минут совершенно перестали слышать звон клинков, крики и ржание коней...

Глава 17. «Последствия»

Огарок свечи догорал тусклым пламенем в богато украшенном шатре. В небольшой переносной клетке за стальными прутьями пошаркивала птичка. Статный мужчина лет тридцати сидел на резном стуле и что-то читал, шурясь на желтоватый лист бумаги. Король Олаф. Правитель Шведский, Норвежский, основатель не так давно образованного тайного Стокгольмского ордена, проповедующего старые, уже почти забытые обряды и верования, покровитель Датский и, с недавнего времени, сюзерен объединённых финских племён. Не на добровольной основе, конечно, но да когда ему это мешало?

Вдруг в плотную ткань прохода, глухо постучали и внутрь осторожно просунулось лицо в шлеме с наносником.

— Господин, можно? — Глухим голосом спросил он. Олаф поднял на него глаза, раздражённо дёрнул щетитинистой щекой, но всё же одобрительно хмыкнул.

— Генерал Лукас? — Подозрительно прищурился он. — Заходи. — Широкоплечий воин коротко шагнул внутрь. Его испуганная гримаса никак не сочеталась с внушительными габаритами. Хоть он и старался, скрыть некий страх у него никак не получалось. Сидя за столом, относительно молодой король наклонился, порылся в каком-то ящике и вынул оттуда небольшую толстую трубочку и протянул её своему собеседнику. Тот испуганно сглотнул и торопливо зарокотал:

— Н-нет, спасибо. — Замотал он головой.

— Ну да, ну да. — Понимающе закивал мужчина. После чего поджёг импровизированную сигару о догорающую свечу и жадно затянулся густым дымом. Он откинулся на спинку стула и расслабленно выдохнул клуб дыма. До этого вытянувшийся в струнку генерал едва заметно отшатнулся, однако, уперевшись спиной в чью-то грудь, замер. Тихо лязгнула кольчуга и немолодой воин замер. — Как там говорят русские? — Усмехнулся Олаф. После чего он резким движением встал и открыл глаза. Зрачки его заметно расширились, а белок глаза стал краснеть. — Что-то вроде «перед смертью не надышишься». — Он еле слышно истерически рассмеялся, подойдя в упор к генералу и заглянул в его испуганные глаза. После чего шумно выдохнул и отошёл обратно к столу.

— Ваше величество, сегодняшняя битва... — Он осёкся на полуслове.

— Ах, да! — Оживился король. Мне доложили, что вы сегодня мягко говоря... — Он задумался, подбирая нужное слово, — обделались. Причём так громко, что в армии поползли сомнения относительно вашего стратегического гения.

— Но... — Генерал попытался себя оправдать, однако Олаф, в очередной раз затянувшись, прервал его небрежным жестом. Он выдохнул ещё больший клуб дыма в направлении птичьей клетки. Белое облако остановилось прямо за прутьями, после чего стало медленно опускаться. Находящаяся внутри птица, размером буквально с две ладони, вначале замерла на месте, после чего запрыгала по небольшой площади клетки, раз за разом пыталась взлететь, расшатывая свою тюрьму. После нескольких ударов он бессильно свалилась, грудь её еле заметно вздымалась в глубоких вдохах.

— Вот. — Указал он на полу живое тело. — Когда ресурс оказывается исчерпан, тело бессильно падает, после чего долго восстанавливается. Пройдут не одни сутки, пока она не придёт в себя окончательно. Ну да ладно, — Он вновь повернулся к генералу, — вы провели подсчёт потерь?

— Да, господин. Всего мы потеряли чуть более четырёх тысяч человек замертво, семь из десяти из них — пешие. Остальные конники и все артиллеристы.

— Прямо все? — Сухо спросил король.

— Точно так. Тот конный отряд, что выскочил с фланга, застал нас врасплох. Когда я перебросил на позиции батареи сотню кирасиров — они уже сбежали.

— Сбежали? — Поднял брови Олаф. — А тот взрыв кто устроил?! Я спрашиваю, мать твою, кто под ноль уничтожил всю артиллерию восточной группы армии, да к тому же сотню кирасиров-наёмников?! — Генерал еле заметно вздрагивал после каждого слова. — Расскажи подробнее про то, как вы лишились орудий и обслуги. — Немного успокоившись, сказал он.

— Когда завязалась битва, с левого фланга, из леса, выскочил отряд приблизительно в две сотни всадников. Я и не думал, что русские рискнут отделять от армии так много кавалерии. — Он виновато развёл руками.

— И они, конечно же, рискнули... — Речитативом констатировал Олаф. — Что было дальше?

— Потом на них самостоятельно развернулся отряд Итальянских мушкетёров. — После этих слов правитель заметно оживился и даже по-детски заёрзал на своём стуле.

— Почти половина походной казны на новомодных стрелков. Уж они-то задали им жару?!

— Они сделали один залп, а потом... — Повисла неловкая тишина. — Потом русские, наверняка понёсшие большие потери, развернули наши же орудия на мушкетёров.

— Что?! Но... Как они... — Он шумно выдохнул, собираясь с мыслями. — Чёрт! А они умнее, чем мы думали. Продолжай!

— Несколько попаданий разрушили построение наёмников и они решили отступить. После этого из леса с северной стороны показались отставшие тяжёлые топорники-хускарлы. Я принял решение отправить резервную сотню кирасиров с правого фланга, чтобы связать русский отряд боем и не дать им избежать встречи с хускарлами.

— Я бы тоже так сделал. — После недолгой паузы согласился король.

— Но всё оказалось не так просто. Единственный уцелевший кирасир, недавно пришедший в себя, рассказал, что их отряд влетел на холм и атаковал врага, но... Это оказались не русские.

— То есть как? — Истерически хохотнул Олаф.

— Как я понял, они пересадили на свободных лошадей наших же пушкарей. — Генерал тяжело сглотнул. Его господин же наконец открыто рассмеялся.

— Вот же... Ох, ну, повеселил! Если захватим их генерала — я его сделаю своим помощником. Такое придумать — надо и правда гением быть.

— Потом, как он рассказывает, в их сторону прилетело больше десятка горящих стрел. Какая-то куча ткани вспыхнула уж очень быстро, а в следующее мгновение прогремел мощный взрыв. Ну а дальше вы, господин, и сами знаете...

— Порох рванул. — Констатировал очевидное правитель. — Левая группа армии разгромлена, часть дорогущей артиллерии, так необходимой нам для взятия Новгорода, уничтожена, сотня кирасиров перестала существовать, а гордые мушкетёры были опущены на землю находчивыми русами... — Он ещё немного посидел в немой задумчивости, после чего в очередной раз наклонился, не вставая при этом со стула, и вновь что-то взял в правую руку. — Спасибо, генерал Лукас. — Тот малость посветлел и даже поднял до этого позорно

опущенную голову. — Шведское королевство более не нуждается в ваших услугах. — Он не вставая совершил короткий замах и в следующее мгновение в горле генерала уже торчал второй конец обоюдоострого метательного ножа. Обмякшее тело упало, глухо звякнув кольчугой.

Олаф подождал, пока невозмутимые хускарлы его личной охраны не уберут тело из палатки, после чего шумно вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Хочешь сделать хорошо — сделай это сам. — Он побарабанил по столу пальцами, размышляя над ситуацией. — Похоже, не такие уж эти русские и дикари.

Интерлюдия. Александр.

Люди устали. Остатки некогда внушающей (исключительно из-за своей численности) армии из последних сил добрались до безопасного места у берега неширокой речушки. Все безоговорочно стали валиться на землю. Но только не мои гвардейцы. Хоть они и устали не меньше даже в силу своего откровенно молодого возраста. Абсолютное большинство имело мелкие кровоточащие раны, которые не получилось закрыть или из-за отсутствия практического опыта наложения бинтов, или от отсутствия таковых вообще. Но среди этого абсолюта не было моих подчинённых из числа гвардейцев. Разумеется, я не стал бы считать приемлемой перевязкой закрытие открытой раны грязной тряпкой, которая наверняка занесёт в кровь инфекцию и вскоре убьёт раненного.

— Стой, привал! — Отдал я долгожданную команду. Первая пятёрка — на вас лагерь. Вторая пятёрка — ко мне! — Отряд зашевелился бодрее и вскоре передо мной уже устало топтались пятеро бойцов со своим сержантом. Однако меня сейчас больше интересовал именно рядовой Лаврентий, явно готовый прямо сейчас рухнуть на землю.

— Командир, вторая пятёрка первого взвода по вашему приказанию построена. — Как мог отчеканил Елисей.

— Отставить, сержант. Спасибо. — Я ободряюще кивнул ему. — Устали... — То ли спросил, то ли констатировал я.

— Никак нет! — Максимально бодро постарались ответить они, хотя я всё прекрасно видел.

— Понимаю. Я всё понимаю, ребят, но сейчас нужно ещё немного поработать. Вы все большое молодцы. Родина гордится вами! — На этих словах все поголовно вытянулись, наполняясь гордостью, хоть это для них и было весьма непросто. — Вольно, бойцы! Это сейчас ни к чему. Посмотрите, — Я указал в сторону остальной армии. — ваши боевые соратники сейчас в ужасном положении. Все они сражались на передовой, смотря в лицо смерти. Но среди нет лекарей и ничего о качественных перевязках они не знают. Если им не помочь — они наверняка умрут от грязи в ранах и потери крови. Вот так вот, бессмысленно. Не разменивая жизнь на врага, не защищая свой дом и свою страну. А просто сгниют в этом лесу уже завтра. — Я заметил, как слегка побледнели лица бойцов. — Но вы можете спасти многих. Я учил вас этому, а рядовой Лаврентий знает где-то даже больше моего. Берите все бинты, спирт, всё, что нужно. Помогайте сначала самым тяжёлым. Без нашей помощи армии не будет. И смысла тоже во всём этом не будет. И борьба окажется мертва. — Не дожидаясь приказа, гвардейцы рванули к ближайшей повозке, разбирая импровизированные аптечки и разбегаясь по лагерю с новыми силами.

Само собой, имея в запасе такое небольшое количество людей обслужить несколько тысяч раненых — просто невыполнимая задача. Однако мы работали на пределе своих возможностей спасая сначала самых тяжелых бойцов. Хотя, конечно, самые тяжёлые

остались на поле битвы, которое мы были вынуждены оставить за врагом.

К сожалению, я не смог научить всех зашивать раны, хотя и сам этим навыком владел лишь на начальном уровне. А вот Лаврентий, как оказалось, этому обучен. Он носился с одного конца лагеря в другой, накладывая повязки и довольно-таки умело штопая раны. Наскоро обустроив лагерь, к нам вскоре присоединилась и первая пятёрка, также слышавшая мою речь.

Сам я лично перевязал двадцать одного пациента и судорожно зашил рваные раны ещё трём. Последнее мне давалось с трудом и лишь оперируя третьего пациента я действовал более уверенно. Что удивительно, среди двадцати четырёх моих раненых оказались двое сотников, один из которых примкнул ко мне и моему «недозаговору» против невежества Михаила. Ему массивная пуля мушкета попала в бедро, лишь чудом не задев кость и разmozжив большую часть мягких тканей. Я не знал, что будет с такой раной, но всё же сделал всё от меня зависящее. В ином случае он всё равно скончался бы, а так хоть есть шанс.

Кстати говоря, сам воевода так же получил тяжёлые раны, так как сражался в первых рядах. Его состояние критическое и никаких гарантий я давать не могу. Однако жизнь его, безусловно, является гарантией хоть какой-то сплочённости армии.

— Как наши дела? — Устало поинтересовался Максим, когда я, закончив с последним на сегодня раненым, присел у костра.

— Ужасно, — Вытирая руки, выдохнул я. — Две трети личного состава вышли из строя, одна вторая — безвозвратно. Итого боеспособных частей... — Я задумался. — не более десяти тысяч.

— Против?

— Против более чем двадцати тысяч противников. — Я бессильно откинулся на желтеющую траву. — А что с артиллерией?

— Шесть орудий способны вести бой. — После недолгой паузы ответил Максим.

— Неужели их контрбатареинная борьба оказалась настолько эффективной? — Выдавил я из себя эмоцию удивления.

— Да куда уж там! У них разброс по вертикали громадный, по нам ни разу даже близко не попали. — Он глубоко вздохнул. — Четыре орудия мы оставили с разорванными стволами прямо там же.

— Как так?

— А вот так вот! Как оказалось, эти неучи даже отмеренных зарядов пороха не имеют, а всё на глаз сыпят. — Он искренне сплюнул, высказав свою неприязнь к местному архаизму не самым понятным и цензурным способом. — Когда мы вышли на скорость чуть меньше выстрела в минуту, остальные расчёты стали посматривать на нас, начали ускоряться, торопиться. В итоге и без того небезопасное мероприятие привело к таким потерям.

— Жертвы есть? — Спросил я, хотя положительный ответ, пожалуй, был очевиден.

— Пятерых на месте убило. Ещё четверо скончались во время отступления. Остальные легко ранены, я их уже залатал. — Мы ещё с минуту постояли, обдумывая ситуацию. — Эх, нам бы годик подготовки, да власти над этой... Недоармией. Мы бы тогда...

— Погодь, Макс. — Я обратил внимание на собирающуюся кучку людей не далеко от нас и постоянно косившуюся в нашу сторону. Максим тоже заметил эту внезапно появившуюся толпу, уже двинувшуюся в нашу сторону и бесцеремонно распахнул кобуру, вынув пистолет. — Ты чего это?

— А они ж всё равно не знают, что это. — Пожал он в ответ плечами. — Тоже верно. — Согласился я, а сам незаметно так поправил поудобнее свои ножны, чтобы, чтобы в случае чего успеть выхватить оружие не позднее оппонента.

Как оказалось, собрание это хоть и получилось случайно, однако члены его, как выяснилось, люди не последние. Передо мной стояли почти все сотники армии. Ну, те, кто выжил. Многие раненные, кто-то с подвешенной рукой, кто-то с самодельным костылём. В общем, сразу видно, кто на передовой главный удар принимает.

— Саша, — Начал Алексей, протягивая мне руку. Я лишь устало кивнул своему соратнику. Он и ещё один, недавно возжелавший присоединиться ко мне выглядели на фоне остальных наиболее целыми.

— Вы что-то хотели? — Обратился я ко всей толпе рослых воинов. Они, подобно школьникам у доски стали поглядывать друг на друга, пытаясь скинуть бремя ответственности.

— Да... — Начал один из них, но от чего-то замялся.

— В общем, мы покумекали, — Продолжил за него Алексей, — Михаил сейчас ведёт плох очень. А мы все, ну, вроде как не воеводы вовсе.

— Ежели мечом помахать, или с лука пострелять, то мы конечно... — Продолжил кто-то сзади.

— Считаете, среди вас нет толковых командиров? — Озвучил я давно известный мне факт.

— Ну, вроде как таких нет. — Оборачиваясь, в поисках поддержки, подтвердил Алексей. Его поддержал одобрительные гомон. — А мы уже вот сколько замечали, что ты, Саша, знаешь в ратном деле вельми больше нашего, ну и больше... — Он замялся.

— Михаила. — Закончил я за него. Подтверждать никто не рискнул, хотя по глазам их было видно, что они в целом согласны. — И что же ты предлагаешь? — Я еле сдерживал любопытство.

— В общем, мы решили, что пока воевода не поправится, можно тебе передать его дело. — Внешне я остался невозмутим, хотя внутри всё бурлило от предвкушения.

— Вы согласны подчиняться мне до боя, в бою и после него, во время этого похода, пока Михаил не сможет вернуться к своим обязанностям? — Уточнил, скрывая дрожь в голосе. Сотники переглянулись и почти синхронно кивнули.

— Да.

— Что ж... В таком случае, сейчас моя команда — отдыхать. Завтра на рассвете назначаю общее собрание... — Я задумался. — А вот прямо здесь, у этого кострища. Собирайте всех десятников и пушкарей. А, и ещё. Возьмите из ополчения самых толковых воинов, чтобы голова была холодная, а сердце горячее. Советую брать из купцов или богатых ремесленников. Задача ясна?

— Да... Да... Да... — Вяло ответили они, начиная расходиться.

— Стоять! — Хоть я и устал, но воинскую дисциплину поддерживать нужно даже в только что прибывших частях. Сотники испуганно обернулись и вопросительно посмотрели на меня.

— Пока вы под моим командованием — Никаких «да» или «нет» быть не должно! Говорите либо «так точно», либо «никак нет». Это понятно? — Они ещё немного поступили, но вскоре въехали.

— Так точно! — Почти слитно, но пока без энтузиазма ответили они.

- А расходиться по своим делам можно только после команды «разойдись». Усвоили?
- Так точно! — Распробовав новую фразу, ответили старшие офицеры.
- Разойдись! — И толпа вновь стала рассасываться, но уже значительно быстрее.

Глава 18 «Рокировка»

Этим утром я неожиданно для себя встал по первому сигналу. Даже не столько встал, сколько вскочил, окрылённый каким-то небывалым воодушевлением. Впрочем, гвардейцы не дожидались сигнала вовсе, ибо пока я спешно умывался, одна из пятёрок, не занятая сбором лагеря и переходом в походное положение, продолжила оказывать помощь раненым. Спирт закончился ещё вчера, за исключением того небольшого количества, которое я всё же не решился пускать в ход и оставил про запас. Бинты же уже почти все израсходовали и сейчас в котелках, в которых ещё вчера побулькивало ароматное вечернее варево, кипятились ненужные тряпки.

Я и сам горел неопишуемым желанием помочь бойцам в столь нелёгком занятии, однако меня ждало куда более важное для всех нас дело. Вчерашняя просьба не прошла мимо ушей моих новоиспечённых подопечных и сейчас, то и дело с любопытством стреляя в мою сторону осторожными взглядами, в полусотне метров невзначай так толпилась добрая сотня одетых по последнему слову русской военной техники человек. Во главе их я узнал Алексея с остальными сотниками, которые и собрали эту ораву, неизвестно когда прошерстив всю армию в поисках состоятельных и качественных ратных людей, которые, как я уточнил, должны были и голову на плечах иметь.

Я быстрым шагом проследовал в их сторону. Факт того, что новоизбранный и, что самое главное, молодой воевода соизволил таки направиться к ним изрядно оживил толпу. Смотрели на меня... По разному. Каких только эмоций я не прочитал на их лицах. От удивлённого восхищения до абсолютно презрительного недоверия. Причём вторых было всё-таки больше. Но это и не удивительно. Я же в их понимании, по сути своей, ошибка, которой быть-то здесь не должно. Где ж это видано, чтобы воин, пусть и добрый, но всё же двадцать годов от роду, армией командовал. А то, что от армии здесь одно название, они, видимо, не понимали.

— Здравствуйтесь, воины земли русской! — Я выбросил руку в приветственном жесте и слегка поклонился. Не ожидавшие такой реакции, эти самые «воины» сначала не поняли, а как очухались, так загомонили в ответном приветствии. Сложно было разобрать что-то конкретное, но общий энтузиазм, вроде как, проглядывался. Или вернее сказать «прослышивался»? — Итак, для начала я хочу, чтобы все вы запомнили: приветствовать старшего по чину следует только лишь фразой: «Здравия желаю» и никак иначе. Это понятно?

— Да! Да! Понятно! — Раздались одобрительные выкрики и лишь сотники, получившие вчера от меня знатный такой нагоняй немного погодя опомнились и слитно так выдали стандартный воинский ответ.

— Так точно! — Одновременный выкрик всего-то полудюжины глоток заглушил стадо. Я выразительно глянул на них.

— А это понятно?

— Так точно... — Попробовали на вкус новое выражение воины. Похоже, новый уклад хоть и казался им весьма чуждым, но всё же они по-тихоньку втягивались в процесс.

— Я не слышу! — Резко оборвал их я.

— Так точно! — Последовал мне практически удовлетворительный ответ. Во как, мужики-то на глазах учатся!

— Хорошо! Все вы сейчас стоите здесь потому и только потому, что вас признали лучшими кандидатами на роль будущих офицеров. Однако если я сочту это признание поспешным — вы займёте место какого-нибудь ополченца, которого отберу уже лично я. Если у кого-то есть вопросы — поднимите руку.

Вверх разом устремилось множество рук. Наверное, все, кому не лень, решили задать вопрос касательно того немногого, что я сказал. М-да, это, конечно не понятливые гвардейцы, уже мало-мальски привыкшие к моему жаргону. Ну что ж, время у нас ещё есть, к движению армия будет готова, как мне показалось, через пол часа, не раньше.

— Что ж, в таком случае предлагаю пройти за мной. Вы все сможете задать интересующие вас вопросы. — Мы подошли к месту, где ещё недавно стояли наши палатки. Свой первый военный совет я решил провести именно на этой поляне под открытым небом. Почему я приказал собрать ещё и людей с ополчения? Ну во-первых армии категорически не хватает офицерского состава даже самой начальной подготовки. Во-вторых, взаимодействие полка с этим самым ополчением, как я успел убедиться, сейчас находится на очень условном уровне. Оно выступает скорее как пушечное мясо, которое, по сути, не жалко бросить в самое пекло. Конечно, сделать из ополченцев полноценных воинов в моих условиях практически нереально, но хоть как-то наладить с ними взаимодействие и контакт — значит уже получить в случае битвы огромное тактическое и даже стратегическое преимущество.

Я потратил ещё почти десять минут на то, чтобы рассадить на земле всех в таком порядке, в котором мне хотелось бы. Дело в том, что сейчас по сути вся эта «чудо-сотня» поделилась на две почти равные части «полковых» и ополченцев. У вторых всё же было небольшое преимущество, но его, скорее всего, мне удастся вскоре нивелировать. Я рассадил всех неполным полукругом, так, что ополченцы оказались справа, а полковые, соответственно, слева. Только сейчас я понял, что подобная структура очень напоминает палату представительств США из моего мира и времени.

— Итак, ваши вопросы, господа офицеры. — И снова вверх весьма дисциплинированно взлетело множество рук. А народ-то и правда доходчивый! Что ж, возможно, всё не так уж и плохо. — Пожалуйста, вопрос? — Обратился я к статному немолодому мужчине с тёмной, как уголь, бородой. Он сидел со стороны ополченцев.

— А что значит «о-фи-це-ры»? — Процедил он новое слово по слогам.

— Ну, офицер — это человек, который командует рядовыми. Они делятся на младших, вроде десятников, и старших, вроде сотников. Вообще чинов офицерских множество и каждый старше предыдущего. — Все глубоко задумались, повисла тишина. Вот поднялась ещё одна рука, на этот раз слева. Звякнула кольчуга и приподнялся воин лет тридцати пяти. Это был кто-то из десятников.

— Я слушаю. — Кивнул ему я.

— Воевода, ты вот говоришь, «кан-ди-даты» мы. А это чаво такое? — Он состроил по-детски любопытную физиономию.

— Хм. Ну во-первых запомните все: обращаться ко мне нужно не «воевода», а «командир». Все ж таки воевода ваш сейчас без памяти лежит, а вы уже и меня его чином кличете. А кандидат — это человек, который... Хм... Ну вроде как может стать кем-то, но пока ещё не совершенно точно. — Вопросающий удовлетворённо кивнул и даже, как мне показалось, еле заметно улыбнулся. В глазах остальных так же стало приглядываться понимание.

Когда все вопросы касательно моей непонятной терминологии были исчерпаны, я

наконец смог перейти к главному. К тому, ради чего, собственно, я и собрал их всех здесь.

— Сторона ополчения, — Уже привычно обратился я к правой половине полукруга. — я сейчас обращаюсь к вам. Ваша задача — Распределить между собой всех ополченцев до единого. Я посчитал: если всего у нас осталось около десяти тысяч человек, то каждый должен взять себе по две сотни. — По всей «палате представителей» прошёлся взбудораженный шёпот. — Спокойно, друзья, это не делает вас выше сотников. Все вы, в соответствии с моей системой чинов, на время похода получаете звания майоров, так же, как и сотники из полка. — Вверх поднялась рука Алексея, который, к моему удивлению, всё это время что-то активно записывал. — Я слушаю.

— Командир, то есть как получается: ежели майор, как ты говоришь, выше по чину лейтенанта, то он им командовать может? Так ведь и у тебя гвардейцы лишь два сержанта, да ентот самый лейтенант. — Он поднял на меня глаза, отрываясь от своих записей на желтоватой бумажки.

— Не совсем. Гвардия подчиняется мне и только мне, а командует майор только теми, кто в его подразделении находится. Во всяком случае до тех пор, пока майор другого подразделения в силах выполнять свои обязанности. Ну, то есть жив, здоров, боеспособен. — Алексей почесал затылок, но всё же удовлетворённо кивнул.

— Я понимаю, это не очень просто. Однако это сейчас необходимо как никогда. Без грамотно построенной системы мы обречены на провал. — Все понимающе закивали и вновь принялись меня слушать. — Майоры, отберите себе по два капитана, каждому по сотне. У каждого капитана по три лейтенанта. У лейтенанта три десятка человек и три сержанта. Каждый сержант командует десятью рядовыми. Отбирать в командиры только самых толковых, на обычных крестьян старайтесь не размениваться. А, и ещё. Определитесь между собой, у кого в составе будут только пещцы, а у кого только конники. Допускаю наличие одного смешенного отряда. Вопросы? — И снова лес рук. Я глубоко вздохнул и принялся снова разжёвывать такую непростую, но такую важную систему. Вопросы в основном поступали по поводу новых терминов, что было для меня ожидаемо. Однако для себя я решил, что пока занимаю в этой армии такую высокую должность — строить её буду на своё усмотрение. — Так вот, сторона ополчения, можете взять на время десятников и с ними начать набирать в отряд бойцов. Хватайте всех подряд, всё равно у нас сейчас каждый человек на счету.

— А к чему с десятниками идти-то? — Спросил кто-то с правой стороны.

— Ну, ежели ты сам сможешь собрать две сотни человек и при этом портки не потерять, то вперёд. — Раздались приглушённые смешки. — А десятники вам для силовой поддержки, потому как они, считай, совершенно точно мою волю представляют. — Я ещё раз окинул взглядом сотню воинов, сидящих передо мной. — Задача ясна?

— Так точно! — Гордо рявкнула толпа.

— Выполнять! Начинать можете прямо во время движения, большой привал через пять часов. Разойдись!

Когда все разбежались, я присел, вытирая со лба набежавший от морального перенапряжения пот. Ну, вроде получилось.

— А лихо ты их! — Неизвестно откуда появился Максим.

— А? Ты о чём? — Я всё ещё не мог выпутаться из своих мыслей.

— Ну ты ж считай за пол часа добрую половину всей армейской мат части в головы аборигенам вбил!

— А... Ты об этом. Да куда уж там! Нет, если все они это благоразумно примут, то конечно хорошо. Но, боюсь, по лесам нам прятаться ещё довольно долго. — Я встал, жестом позвав Максима пройтись.

— Провизия на исходе. — Резонно подметил он.

— А когда у нас её было в достатке? — Усмехнулся я. — Но в целом ты прав, долго ждать нельзя. За сегодня мы должны уйти как можно дальше на юго-восток, расходясь со шведской армией по разным дорогам. Искать они нас если и будут, то там, где нас уже не будет. Я думаю двигаться параллельно их курсу и в одну из ночей... — Я огляделся, опасаясь неизвестно кого.

— Что в одну из ночей? — Подвинулся поближе ко мне Макс.

— Нужно нанести решительный удар. Диверсия, покушение, разведка боем... Всё сразу, в общем.

— Думаешь, получится? — Взволнованно спросил он.

— Не знаю. — Я посмотрел куда-то в даль. — Но есть ли у нас другой выход?

— Командир! — Подскочил, завидев меня, Ваня. — Армия готова выдвигаться. — Я благодарно кивнул.

— Выходим. Темп выше среднего, разъезды одной пятёркой, на пол версты, максимально осторожно.

— Так точно! — Выпалил он и побежал передавать указания.

— Нам бы всю армию таких. — Кивнул в сторону убегающего лейтенанта Максим.

— Тогда всё было бы чересчур легко.

Условленные пять часов похода в ускоренном темпе прошли незаметно и сейчас мы уже находились в добрых тридцати километрах от изначального пункта. Требуется большой привал для обеда и передышки. Я отдал соответствующую команду и назад по веренице колонны пошёл сигнал о привале. Сигнал горна был заменён подобной альтернативой исключительно в целях дополнительной маскировки. Что-что, а столь банальное обнаружение нам сейчас вовсе ни к чему.

Двадцати минут я выделил всем на отдых. Людям нужно дать передохнуть

— Алексей, всех майоров ко мне! — Тот с непривычки встрепнулся и, выдав запоздалое «Есть!», умчался выполнять указание. Всего спустя десять минут передо мной уже толпились новоиспечённые офицеры. Ну как сказать офицеры... Купцы, ремесленники, лавочники, зажиточные крестьяне. В общем, люди не бедные и, вроде как, не глупые. Ни о какой военной школе, само собой, не шло и речи. Они мне нужны были скорее для того, чтобы доносить информацию до низов как можно более эффективно. По-крайней мере теперь ополчение не должно представлять ту бесформенную кучу, которая предстала мне вчера.

— Командир, все пятьдесят три майора прибыли. — Новое слово он произносил с каким-то еле уловимым трепетом.

— Спасибо, Алексей. — Кивнул я сотнику. — Доложить о боеготовности отделений.

— Пятьдесят два полностью забиты, один получил семь десятков и четыре человека.

— Хорошо. Конных сколько?

— Полных — два. Ещё один сорок три на пятьдесят семь в пользу пешцов. — Он с готовностью озвучил все цифры, ни разу не сбившись, хотя было заметно, что он всё же немного нервничал.

— Господа офицеры, запомните то, как вы сейчас стоите. Запомните, кто стоит справа

от вас, а кто слева. Именно в таком порядке, справа на лево мы и продолжим дальнейшую дорогу. То есть тот, кто стоит крайним справа вместе со своей ротой пойдёт первым, потом тот, кто стоит левее и так далее. Это понятно? — Я окинул всех внимательным взглядом.

— Так точно! — Более-менее складно отозвались пол сотни голосов.

— Отлично. Сейчас все свободны. Разойдись!

Ещё через десять минут я успел выцепить у ручья Максима. Он постоянно куда-то пропадал из моего вида. Не то чтобы у меня вызывало это какие-то подозрения, просто сам факт того, что вижу я его в последнее время довольно редко настораживает.

— Макс, погодь. — Одёрнул я его, когда он снова пошёл куда-то быстрым шагом, что-то бормоча себе под нос.

— Ась? — Очухался он, вернувшись из астрала.

— Я говорю, ты куда постоянно уходишь? — Прямо спросил я. Он хитро ухмыльнулся и приглашающе махнул рукой.

— Пойдём, покажу.

Как оказалось, на привале все оставшиеся шесть орудий откатывали на отдельную позицию и после небольшого отдыха Макс разворачивал в своей стихии самый настоящий тренировочный лагерь. Расчёты, подобно пчёлам возле улья, кружились возле своих орудий, постоянно то заряжая, то разряжая их.

— Оцени результат работы. — Кивнул он в сторону не угасавшей ни на минуту суеты, подойдя немного ближе. — Батарея, разрядить орудия! — Протяжно скомандовал он. Люди стали с новой силой крутиться вокруг пушек. По началу мне показалось, что их действия, как и раньше, беспорядочны. Однако немного погодя я понял, что Максиму всё же удалось оптимизировать столь нелёгкий процесс.

— Впечатляет. — Резонно заметил я, встав рядом с ним.

— Подожди, это ещё не самое интересное. — Мы дождались, пока все орудия не окажутся разряженными. Когда же наконец все расчёты сообщили о готовности Макс отдал новую команду.

— Заряжай! — И тут понеслась. Бешеный темп, все что-то делают, чем-то заняты. Кто-то просит пыж, порох, ядро. Вот пошли в ход длинные банники. Стоп, они что, уже закончили?! Увлёкшись этим зрелищем, я не заметил, как расчёты вновь сообщили о завершении задачи. — Разрядить орудия, перевести в походное положение!

— Сколько? — Удивлённо спросил я.

— Пятьдесят секунд норматив. Все справляются. Лучший результат — чуть больше сорока. Но мы прогрессируем. — Он глубоко вздохнул, то ли от досады, то ли от того, что просто никак не мог насладиться чистым воздухом прошлого. — Будь у нас нормальные картузы, да ещё неделька подготовки... Я думаю, все заряжали бы за тридцать. В принципе, можно уложиться и в двадцать. Хотя... Не думаю, что конструкция позволит. Всё же архаика редкостная.

— Ну, лучшее из того, что есть. — Усмехнулся я. — Да и сейчас результат мягко говоря поражает. Изначально для них было нормой делать по выстрелу раз в две минуты, а сейчас...

— А сейчас стволы перегреваются. — Прервал меня он. — Четыре-пять выстрелов в нашем темпе и придётся или перерыв делать, или водой поливать стволы. Да и чистить их тоже нужно. Так что, в случае битвы мы отработаем в быстром темпе пару минут, а потом уйдём на передышку.

— Хотя бы так, уже неплохо. А что на счёт картечи? Я её ни у шведов, ни у наших не

видел. Неужели ещё не додумались?

— А черт его знает. — Пожал плечами Максим. — По сути ничего сложного в этом нет. Можно и простые камешки использовать. — Он наклонился и поднял небольшую гальку размером с фалангу пальца. — Во!

— Всего лишь? — Поразился я.

— А ты представь, если таких в одном заряде штук сорок. И летят они со скоростью больше сотни метров в секунду. Любая личная защита этого времени на вылет. Да и нашего, наверное, тоже. — Он в очередной раз подбросил камешек и, поймав его выше обычного, закинул в сторону одного из расчётов. Камешек звонко ударился о ствол прямо рядом с одним из артиллеристов. — Трофим, твою налево! Хорош в носу ковыряться!

— Виноват, командир! — Пискнул ему в ответ щуплый паренёк. — Я глянул на Максима. Это что же, он систему и сюда внедряет?

— Беру пример. — Словно прочитав мои мысли, ответил он.

— Молодец, Макс. Спасибо тебе. У нас теперь есть небольшой, но всё же козырь в рукаве. — Я похлопал своего нового генерала от артиллерии по плечу и направился обратно в основной лагерь.

Я смог прилечь отдохнуть лишь когда до выхода оставались считанные минуты. И так, что мы имеем? Посредственную армию в десять тысяч рыл, имеющую зачатки организации и иерархии. Впрочем, относительно этого времени качество малой полковой части было на весьма высоком уровне. Ополченцы же... О, они как раз начинают строиться в походную колонну. Понаблюдав за ними, я понял, что всё не плохо. Всё просто ужасно. Нет, конечно, раньше они и вовсе шли как попало без намёка на порядок. Сейчас же возымевшие условную власть майоры рвали и метали, перегруппируя части между собой. Ну ничего, время у нас ещё есть, так что пусть набираются опыта. В идеале должны получиться ровненькие прямоугольники двадцать на десять человек, нога в ногу шагающие по дороге друг за другом. Но это у меня в голове, а на деле до реального боестолкновения мы едва ли успеем хотя бы приблизиться к такому результату.

Так, с армией решили, с ней всё очень нехорошо. Артиллеристы же меня порадовали. Если мы хотя бы на пять минут сможем сконцентрировать огонь на плотных формациях противника, которыми тот, как я понял, в основном и воевал, то с такой скорострельностью получится нанести живой силе противника ощутимый урон, оправиться от которого мало кто сможет.

В открытом боестолкновении шансов у нас не много. И это факт, понятный уже не только мне. Так и что же делать? Логично предположить, что нужно получить какое-то преимущество. Вот только какое? На ум сразу приходит идея о диверсии. Вот только где, в смысле в каком месте партизанить? Значит, сначала нужна разведка. Примерное направление понятно. А когда посылать? Ночью или днём? А кого? А в каком количестве? Ох, и ввязался я на свою голову...

Глава 19. «Шах...»

Конец августа, как нередко бывает в этих широтах, встретил отнюдь не теплотой. Небо с каждым днём становилось всё более пасмурным, а ветра холоднее. От салатовой июльской зелени, бросавшейся в глаза, не осталось и следа. Эх, скорее бы уже закончить эту компанию и вернуться домой. Хм... Вот черт, как только я подумал о доме, перед глазами встала не моя однушка в Санкт-Петербурге, а двухэтажное поместье с просторным двором, которое дожидается меня в Великом Новгороде в этом времени, которое и прошлым-то назвать уже и язык не поворачивается. Ну как же? Вот ведь оно, настоящее! А то, откуда я... То ли прилетел, то ли явился. В общем, откуда меня закинуло, оно вроде как и есть прошлое. Моё прошлое. Что-то далёкое и недосыгаемое. Что-то, о чём вспоминаешь с вяжущей сердце теплотой под стук копыт о пыльную дорогу и скрип колёс рядом едущей телеги. И вот вроде как думаешь, чем бы смазать их, что бы не скрипели, а вовсе не о том, как сейчас там, откуда меня закинуло.

Вот уже третьи сутки мы с невероятной осторожностью продвигаемся вперёд. Постоянно кружащие вокруг в радиусе нескольких вёрст разъезды дают мне уверенность в нашей конспирации, однако не можем же мы до самого Новгорода вот так прятаться. От посланной разведгруппы пока ни слуху не духу. Хотя их можно понять. Ведь и мы и шведы почти всё время движемся и разведчикам нужно сначала отыскать вражеское войско, провести разведку, а потом двинуться назад уже в поисках своих. Ведь даже если разница в скорости будет составлять хотя бы один километр в день — посланной группе будет очень сложно определить даже примерный диапазон поисков.

А на начальную разведку я послал десяток Елисея, усилив их на всякий случай Генрихом и ещё пятью дружинниками из полковых. Правда последним приказал не самовольничать и делать лишь то, что скажет сержант. Они нужны были скорее для силовой поддержки, чем для помощи в самой разведке сил противника.

Со вчерашнего дня смог найти время для того, чтобы посмотреть, на что собственно годны части полка. И результат меня очень даже удивил. Все они прекрасно держались в седле, знали копейный и сабельный бой и даже неплохо стреляли из лука. Кстати, луки имели почти две трети дружинников от общего числа. Конечно, в последнем сражении их ряды неслабо так поредели, но даже сейчас эти три с небольшим сотни представляли довольно мощный кулак, которым можно вдарить по слабому месту так, что потом заживать будет ой как долго.

Всё же ратное дело у местных было чем-то священным, неприкосновенным. Тем, чему учились с детства и на протяжении всей жизни. Такая доктрина, за счёт непрерывного обмена опытом позволяет вырастить небольшое количество действительно неплохих солдат. Но вот для больших масс она никак не подходит, поскольку ни одна экономика мира сейчас не потянет вооружение и содержание такой людской массы, чтобы хватило на целую армию, да ещё и на протяжении такого длительного срока. Ведь по сути эти самые воины делами мирными занимались очень условно и неохотно. Да, у каждого из них было поместье, они могли торговать, сеять. Да вообще много чего могли. Вот только большинство из них предпочитало делать всё это лишь для того, чтобы прокормиться и чтобы создавать вид бурной поместной деятельности. А некоторые и вовсе забивали на своё поместье и жили за счёт жалования и трофеев. В общем, как не крути ты эту штуку, у неё везде зад получается.

Такое можно применять для небольшого контингента, например для гвардии. От сотни человек государство много не потеряет, зато у правителя всегда будет элитный отряд, одетый и обученный по последнему слову техники. А в армии уж лучше пусть будет много просто хороших солдат, чем самая малость отличных и целая масса плохих.

— Движение на десять часов! — Выдернул меня из глубоких размышлений Иван, исполнявший функцию часового во время полуденного привала. — Первая готовность! — Отдал он ещё одну, условно-уставную команду. Я не стал попросту копировать систему команд и выражений с армии Российской Федерации, а лишь взял её за основу. Некоторые команды я, почувствовав себя конструктором общества, внедрил от себя. Но всё же старался не переусердствовать.

Гвардейцы же тем временем уже похватили основной комплект вооружения и в полной сосредоточенности готовились встречать гостей, так неожиданно появившихся со стороны леса. Другие, находившиеся рядом воины мешкали несколько дольше, но вскоре и они оказались готовы к боестолкновению. Послышалось множество звуков натяжения тетивы, слившихся в единый скрип. Арбалеты щёлкнули механизмами удержания болта несколько тише, но и они внесли свой вклад в общую какофонию звуков.

Я допускал вероятность того, что это разведотряд, изрядно задержавшись, вернулся с вылазки, а потому не спешил с сигналом. Почувяв неладное, группа всадников в тёмных накидках резко затормозила, хотя и до этого двигалась очень расслаблено. Они откатились немного назад и замешкались.

— Командир, мы ждём приказа. — Обратился ко мне один из сотников полка, чьи солдаты первыми прибыли на позицию.

— Ждём. — Щурясь в сторону отряда, коротко буркнул я.

И не зря я решил выждать. В руках одного из всадников показалось копьё со знаменем у наконечника. Развернувшийся на ветру красно-белый фамильный флаг рода Майеров отбросил все мои сомнения.

— Отставить боевую готовность! — Как можно громче выкрикнул я. — Это наши разведчики. — Мы ждали их уже трое суток и я даже стал сомневаться в успехе операции. Во многом из-за этого все и в особенности мой отряд расслабленно выдохнули и с головой окунулись в омут всеобщей радости, услышав долгожданную новость.

А узнать разведчикам удалось много действительно интересного. Как мы и предполагали, армия противника по прежнему была разделена, но уже не на три, а на два отряда, идущих параллельно друг другу. Вот только на этот раз западный и самый дальний от нас отряд был намеренно ослаблен в пользу главного. Его возглавлял, предположительно, сам король.

Так же от Генриха мне удалось узнать, что в шведской армии достаточно много разномастных наёмников. Начиная с новомодных кирасиров, пришедших на смену тяжёлым рыцарям, заканчивая не менее новомодными и более, как мне кажется, опасными мушкетёрами.

Вся артиллерия и почти вся кавалерия были сосредоточены в главном отряде. Похоже, Олаф после первой стычки усомнился в профессионализме своих старших офицеров и предпочёл всё держать в своих руках. Что ж, тем лучше.

Остаток этого дня я приказал гвардейцам приложить все свои силы к тому, чтобы как можно лучше отдохнуть. Ведь во многом от их бодрости в ночное время зависел успех операции. По моим подсчётам, мы находились примерно в половине дня пути от Шведской

армии и двигались относительно параллельным курсом. Во всяком случае, постоянно курсировавшие отряды, общей численностью до полусотни человек одновременно давали надежду на хоть какую-то маскировку. Для противника нас сейчас по сути не существует. Олаф наверняка считает, что он смог рассеять наши силы и угрозы остатки разбитой армии представлять не могут. В этом и есть наше преимущество, которое, безусловно, нужно реализовать.

Потратив непростительно много времени, я всё же смог отыскать единственного моего посредника и связиста с полком, Алексея.

— Виноват. — Абсолютно серьёзно отчеканил он, когда я отчитал его за нерасторопность. Было весьма странно осознавать, что этот человек, прошедший через столько битв и имеющий такой авторитет сейчас на полном серьёзе беспрекословно признавал свою вину передо мной, двадцатилетним, пусть и крупнее его физически, парнем.

Вот что значит статус в этом времени. Ведь если ты, скажем, король, то тебе и в семь и в сорок семь лет будут кланяться в ноги с почтением просто потому, что ты король.

— Вольно, Алексей. — Я махнул рукой, зазывая его за собой. Немного погодя, он отклеился-таки от своего места и последовал за мной. — Значит, слушай боевую задачу. Нужно отобрать три десятка самых крепких и шустрых полковых, но не из сотников. Можешь брать полные десятки, если они хорошо сработаны. Важно, чтобы в седле держались отменно и лошадей сменных имели. — Он несколько мгновений отрешённо пялился в никуда, обрабатывая и, возможно, переводя мои слова на свой манер, после чего наконец вынырнул из этого состояния.

— Прикажешь полную сбрую собирать?

— Не стоит. Напротив, пусть возьмут по минимуму: саблю, лук с десятком стрел на всякий случай. Тяжёлую броню тоже напяливать запрещаю. Это понятно?

— Так э... — Он вдруг замешкался. — Так точно!

— Молодец. Так, что ещё? Ах, да! Нужно метнуться в конец колонны, к пушкарям, то есть артиллеристам и взять пороху по пол пуда на человека.

— Пол пуда?! — Задыхаясь, выпалил он.

— Думаешь, мало? — Ответил я саркастическим вопросом. — Да, согласен, можно и больше. Но не меньше, чем пол пуда.

— Так а зачем столько? — Озадаченно прошептал он, стораю от любопытства.

— А тебе разве не интересно увидеть, как четверть тонны пороха взрывается? — Я хитро ухмыльнулся и подмигнул сотнику. — Вот и мне интересно. Бум! — Я постарался охватить руками громадное пространство, показывая мощь такого взрыва. — Хотя всё в одном месте мы не взорвём — слишком жирно будет. Ну всё, Алексей, выполняй.

— Есть! — Он подскочил и рванул в обратном направлении.

Так, с этим разобрались. Черт, как же голова болит от всей этой организации, от всего этого всестороннего давления и внезапно навалившейся ответственности. Вот закончится это всё, вернусь к себе в поместье и буду жить, забыв всю эту компанию, как страшный сон. Картошечку себе выращивать, потихоньку ребят в футбол гонять, да коров разводить. И чего я вообще поперся в этот поход? А, ну да, защищать место, ставшее мне родным. Лучше бы собрал манатки, да рванул куда-нибудь на юга, где почва пожирнее и солнце потеплее. Но нет же, надо в героя поиграть! Клянусь, в последний раз в этой жизни беру на себя такую ношу и ответственность! Так, а чем, собственно, клянусь?

— Саша! — Прервал мои размышления голос за спиной. Я обернулся. Это Максим, с

трудом держась в седле мерина, приближался ко мне.

— Что, сотник озадачил? — Хохотнул я, вспоминая про приказ, отданный Алексею.

— Да нет, пороха сейчас навалом! — Он отмахнулся, чуть не выпав при этом из седла. — Но что ты собрался делать? Диверсия?

— Бинго! Завтра последняя ночь, когда у нас будет нормальная возможность нанести удар.

— А почему именно завтра?

— Ну во-первых, потому что завтра новолуние и даже в случае безоблачной ночи света будет очень мало. — Я бросил взгляд на небо. В основном голубой простор лишь ближе к горизонту сменялся множественной облачностью.

— А во-вторых? — Спросил Максим. Я свернул к обочине, дабы не мешать движению, и, лишь бросив короткое «за мной», спешился. Подобрал с земли тонкую веточку, я стал рисовать на пыльной земле примерное положение дел.

— Смотри, — Я провёл одну прямую. — это дорога, по которой движемся мы. — После этого я провёл ещё одну, параллельную первой и в конце соединил обе линии. — А это — Маршрут движения противника. Расстояние между нами — примерно двадцать километров. Здесь, — Я указал на место пересечения прямых. — дороги сходятся и дальше на юг идёт одна дорога.

— Так, это я понял. — Кивнул Максим.

— Дальше, — Я продолжил линию от места встречи путей, — Примерно в паре километров от места встречи проходит мост через реку. Перейти можно только по этому мосту, а у целой армии это займёт около часа, потому что он чертовски узкий.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь. — Максим озадаченно покачал головой.

— Если они поймают нас на переправе — шансов нет. Артиллерия не успеет развернуться, кавалерия будет скована. Единственный выход — переправить армию на противоположный берег и уже оттуда встретить противника артиллерийским огнём, разрушить переправу и оторваться после этого как можно дальше на юг.

— Отлично. Так в чём же проблема? — Никак не мог понять он.

— Я посчитал: даже если мы прибавим темпа — времени может не хватить. Рисковать нельзя, поэтому вот здесь, — Я указал на точку недалеко от места пересечения путей, — нужно организовать оборону. Буквально на час, после чего держащие участок отступят под прикрытие основных сил.

— А разве нет другого брода? Что если шведы решат обойти?

— Другой брод есть, но пока они его найдут, пока поступит приказ его использовать. Нужен всего час.

— Хорошо, я понял. — Кивнул Макс. — Что мне нужно делать?

— Вот что: бери сотню конников из полковых и как можно быстрее выдвигайтесь на ту позицию. Если поторопитесь — через сутки доберётесь. Советую идти отриконь, так будет ещё быстрее. Ещё сутки у вас будет на организацию обороны. Место там хорошее, ты его сразу узнаешь. Прямо Фермопильское ущелье, так что вгрызайтесь в землю, готовьте позиции. Мы как с ночными делами закончим — рванём к вам и уже вместе станем держаться. — Макс понимающе закивал.

— Хорошо. Я понял.

— Выполнять. — Бессильно усмехнулся я.

— Есть! — Подыграл мне Максим и с улыбкой на лице умчался собирать людей. За то,

что у него получится, я не волновался. Всё-таки он сейчас чуть ли не второй человек в армии. Командир над всеми пушкарями, как такого не уважать?

В обед следующего дня мы, отрядом в пол сотни человек одвуконь выдвинулись на юго-запад, стараясь с ходу найти армию Олафа. Не удивительно, что нам это не удалось с первого раза и пришлось ещё два часа рыскать вдоль дороги. И только под вечер мы чуть было не напоролись на отряд из десяти кирасиров, в последний момент нырнув под защиту спасительных кустов.

До темноты оставалось около трёх часов. Это время нужно провести с пользой. Для начала следует обдумать пути отхода. Тут вариантов не много: либо на юг, либо на север. Выбирая второй вариант, мы потратили бы слишком много времени, обходя опасный участок. А ведь после завершения операции мы должны как можно быстрее рвануть на позиции, которые сейчас готовит Максим. К тому же, в отличие от нашей армии, шведы предпочли везти артиллерию в начале колонны и, соответственно, на ночлег он встанет в южной части лагеря. Значит решено — уходим на юг.

Скорее всего Олаф отправит за нами погоню, вступать в бой с которой — чистое самоубийство. Значит потенциальный хвост нужно сбросить и сделать это как можно быстрее. Для этого нужно на пути нашего отхода выставит несколько импровизированных засад для погони, которую за нами непременно вышлют. Собственно, во многом для этого я и взял с собой дополнительно три десятка человек. Кстати, в последний момент с нами напросился и Генрих. Я до последнего не хотел его брать. Всё же операция в первую очередь конспиративная, а Майер старший хоть и довольно умный человек, однако его воинственные немецкие корни могут сыграть с нами злую шутку. Тем не менее, он смог меня переубедить и сейчас, находясь непосредственно рядом со мной, ожидал команды. Ясно одно: эта ночь обещает быть очень жаркой.

Интерлюдия. Густав. Кирасир шведского войска.

Клянусь Одним — эти финны не умеют играть честно! Только за этот вечер я проиграл им в кости половину недельного жалования, добрый клинок, что я забрал себе как трофей с непокорной русской крепости и, что самое обидное, когда мне стало не на что играть, я поставил на кон свой здоровый сон! И что в итоге? Выиграл возможность дежурить сегодня пол ночи! Нет, честное слово, эти финны жулики, нельзя с ними больше играть.

И вот я сижу у костра, глаза мои слипаются, а напарник-норвежец в наглуую храпит. Тоже мне, суровый народец! Хорошо хоть место для размещения палаток нашего кирасирского отряда выпало хорошее: на пригорке, недалеко ручей, вид... Вид, может быть, был бы и впечатляющим, если бы не абсолютная темень вокруг. А вообще места здесь неплохие. Конечно, я пока почти не нашёл отличий от финских земель, но всё же простор ощущается. Озёра, реки, леса. К слову, леса тут действительно много. Чертовски много леса! Ну да это мелочи. Всё же русское войско разбито, скоро мы возьмём Новгород и я наконец-то смогу вернуться в родной Мальмё.

От размышлений меня оторвало отсутствие движения. До этого я наблюдал, как кругами с факелом ходит один из трёх постовых артиллеристов внизу. А сейчас они вдруг сели у костра и не собираются продолжать обход. Уснули что-ли? Все сразу?

— Эй, как там тебя? — Я обратился к дремлющему рядом напарнику. Глухой храп стал мне ответом. Вдруг совсем недалеко, метрах в двадцати от меня что-то шаркнуло. Отчётливо так, ни с чем не спутаешь. Возможно, мне показалось, но я даже видел какое-то движение.

Разогнав сон, я взял из костра деревяшку и уверенной походкой двинулся в направлении

звука. Минут пять я ходил и вглядывался в темноту, но так ничего и не нашёл. Когда же я решил вернуться, уже возле палаток заметил какое-то движение. Фигура человека на мгновение явилась моему взору, после чего буквально растворилась в густом сумраке. Что ещё за чертовщина? Я чуть ли не бегом рванул обратно и теперь уже стал обыскивать территорию вокруг палаток, где спят мои братья по оружию. Кажется, я даже нашёл какой-то след! Ну-ка, ну-ка...

— Густав? Это ты? — Голос за спиной заставил меня буквально подскочить на месте. Я испуганно обернулся. Мой знакомый, Лейв, стоял, стараясь не расхохотаться.

— Твою мать, Лейв! — Шикнул я на него.

— Ну ты бы видел свою рожу! — Хохотнул он.

— Ты чего не спишь? — Задал я резонный вопрос.

— Да ты представляешь: встал я по нужде сходит, подхожу к выходу из палатки, так меня ка-а-ак срубит! Чуть на ногах устоял! Еле выскочил из палатки и дышать тяжело! Но сейчас вроде как полегче.

— Вот, а я тебе говорил! — Показал я ему указательный палец.

— О чём это?

— Не нужно было эту дрянь у хускарлов дымить. Вон она как по здоровью бьёт!

— Да я же совсем немного попробовал. Зато после неё знаешь как сил много в руках!

Ух!

— У артиллеристов обходчик уснул. — Решил я сменить тему. Мой друг обернулся и стал вглядываться в сторону соседнего лагеря.

— Да не, вон, там что-то мелькает! — Я тоже вгляделся. С пол минуты шурился и наконец нашёл подвижный огонёк, о котором говорил Лейв.

— А чего он какой маленький, да и двигается как-то уж больно ме... — Договорить я не успел. Потому как этот самый маленький огонёк на мгновение потух, но лишь для того, чтобы через секунду разразиться целой чередой мощных взрывов.

Глава 20. «Эндшпиль»

Ох и знатно должны рвануть заряды, установленные возле шведских пушек, которые противник так опрометчиво решил стащить все в одно место и выставить при этом охранение в три человека. Да и как таковым охранением эта тройка занималась очень условно, скорее кляня носом у костра, чем занимаясь своей непосредственной задачей. Они по одному, по очереди вставали и не спеша обходили периметр с факелом в руке. Не удивительно, что пятёрке Елисея не составило труда снять сначала одинокого обходчика, а потом и его незадачливых товарищей. Что интересно, с соседних постов не последовало никакой реакции. «Ну перестал факел курсировать по кругу, ну и что с того? Наверняка уснул обходчик, да и черт бы с ним». Наверняка именно так думали те часовые, которые заметили несоответствие привычной закономерности.

Пока вторая пятёрка занималась сапёрными работами, первая времени даром не теряла и, проникнув в особо выделяющийся лагерь, оставила его обитателям несколько неприятных подарков. Выделялся этот самый лагерь в основном тем, что палатки, коих было всего пять штук, оказались чересчур ухоженными и длинными, из-за чего в одной такой, по моим расчётам, спокойно помещалось до двадцати человек. Много людей в относительно тесном помещении. То, что нужно для грамотного и эффективного использования ядовитых паров неизвестной мне кислоты, не имеющих ни цвета, ни запаха. Небольшие бочонки из под кваса послужили тарой, а мешочки с солью по пол кило(что б уж наверняка, соли-то много) — реагентом. Около полутора литров на палатку. Как мне показалось, этого должно хватить. В любом случае больше кислоты у меня не было. Группа должна была отвлечь либо нейтрализовать часовых, после чего в темпе вальса установить активированные «газовые пашки» за ширму палаток и так же быстро скрыться в ночной темени. Со своей задачей ребята справились.

Себе же я оставил самое опасное и, наверное, не менее важное задание — взять языка. В качестве поддержки я взял в свою группу Ивана и, только в качестве потенциально полезного переводчика — Генриха. Майер, пусть и не очень сносно, но владел многими европейскими языками, из которых сходство с аналогами моего времени имел только немецкий.

Когда шведы ставили лагерь, я заметил, что на его южной окраине, не далеко от расположения артиллерийских орудий, выросла какая-то чересчур богатая и, что самое главное, одинокая палатка. Конечно, никакой генерал и, тем более, сам король, не будь он полоумным кретином, не встал бы на ночлег в столь уязвимом месте. Однако я рассчитывал, что человек, который может позволить себе подобную роскошь, имеет достаточную ценность, чтобы ради его персоны устраивать целую операция по захвату. И я не прогадал. Не смотря на то, что никакой охраны непосредственно близ палатки не было, внутри нас встретил низенький мужчина, сидящий за столом и изучающий ворох бумаг, разложенных на большом прямоугольном столе. Он глянул на нас сначала раздражительно, но, почуяв неладное, нервно сглотнул и аккуратно встал из-за стола.

— Кто вы? Что вам нужно? — Дрожащим голосом выпалил он на неизвестном мне языке.

— Генрих, ты его понимаешь? — Услышав нерусское имя, мужчина посветлел и робко улыбнулся. Только сейчас я заметил на его носу нечто, отдалёно напоминавшее очки. Тонкая

железная оправа и небольшие круглые стёклышки. Не удивительно, что я не сразу заметил их на его лице.

— Похоже, это язык франков. — Неуверенно предположил Генрих. Майер кашлянул, вспоминая давно изученную речь. — Господин, вы не пугаться. Мы — не убивать вас, но вы должны пойти с нами. — Генрих озвучил заранее обговоренное предложение и замолчал.

— Только если вы обещаете достойные условия военнопленного. — С гордостью ответил француз, хотя от современного французского я не узнал ни слова. По правде говоря, я его и не изучал никогда, но даже при этом различия ощущались.

— Говорит, пойдёт, только если к нему будут относиться соответствующе. — Перевёл Генрих.

— Скажи, что ему будет положена полная неприкосновенность и стандартная воинская пайка. В любом случае, — Я как бы невзначай вскинул арбалет, — выбор у него невелик. — И то ли два массивных наконечника, направленных в грудь, повлияли на нашего пленника, то ли шведы к нему относятся не очень хорошо, но согласился он сразу же, заверив меня многочисленными кивками.

— Имя? Должность? Как оказался в шведском войске? — Генрих перевёл мои вопросы и стал вникать в бесконечный лепет этого низкорослого мужичка с гладко выбритым подбородком.

— Его зовут Жак Бернард. Он родом из Дижона, что во Франции. Говорит, инженер и осадных дел мастер. В шведское войско был нанят самим королём Олафом для помощи в осаде крупнейшего города русского севера — Новгорода. — Когда Генрих закончил, носитель самого распространённого имени во Франции гордо вскинул подбородок и легонько, с издёвкой, ухмыльнулся.

В этот момент раздался мощный взрыв, заставивший на мгновение затрястись мебель и немногочисленную посуду. Эх, жаль я не увидел, как от такого, без преувеличения «кабума» разлетаются, подобно спичкам, орудия. Всё, аллес, нет больше в шведском войске бога войны.

— Ваня, бери нашего гостя, но не спускай с него глаз. Генрих — хватай бумаги, — я указал на разложенные по бесформенной кучей желтоватые листы. Что-то мне подсказывает, что они имеют громадную ценность для этого. Я открыл свой вещмешок, а Майер стал пачками складывать туда листы с, наверное, одному богу понятными записями и чертежами. Когда мы закончили и Генрих вылетел на улицу в след за Иваном, я взял со стола масляную лампу и швырнул её в угол шатра. Та разбилась, освобождая горючую смесь и огонь, начинающий медленно но верно поглощать палатку. Отлично, это внесёт еще больше хаоса в сегодняшнюю ночь.

Лошади ждали нас в двухстах метрах от палатки пленника. Честно говоря, не запомнил, как мы пролетели эту дистанцию. Солдатам в лагере сейчас было явно не до нас и никакого сопоставления мы не встретили. Добавляя масла в огонь, из рожи на востоке в сторону лагеря устремилась дюжина огоньков, заставляя шатры вспыхивать, подобно спичкам. Потом ещё одна партия. И ещё. Всё, первый отряд полкового отряда отстрелялся, отвлёл на себя внимание часть внимания и в быстром темпе стал уходить подальше на юго-восток.

Выбегающие из палаток, не успевшие облачиться в броню, воины метались то ли в поисках командиров, то ли выискивая ночных обидчиков. Однако ни то ни другое у них не получалось. Проскользнув под покровом тьмы к небольшому овражку, мы наконец вышли к месту встречи. Француз показал себя неплохо. Хоть он из выдохся неимоверно, но ни разу не

высказал жалоб, стойко перенося внезапно свалившиеся на его голову лишения.

На первый взгляд могло показаться, что овраг чист и лишь полтора десятка лошадей, пусть и запряжённых, мирно пасутся во тьме. Однако когда мы с нашей группой спустились вниз, в кустах по кругу послышалось шуршание, а высокая трава неестественно задвигалась.

— Ястреб! — Негромко, но так, чтобы мы услышали, крикнул голос из кустов.

— Звезда! — Успокоил я Фёдора ответным позывным, который знали только мы. Только те, кто участвовал в этой операции. Из зарослей повсюду стали вставать грамотно замаскированные бойцы. В случае отсутствия ответа на вторую попытку опознать своих или в случае непосредственной угрозы нас бы сейчас нашпиговали десятком болтов. И правильно бы сделали. Конечно, подобной практики у гвардейцев пока не было, однако я в них, почему-то, не сомневаюсь.

Осмотревшись, я понял, что ждали все только нашу группу. Обе отряда выполнили поставленные задачи и успешно вернулись на место сбора в полном составе. Впрочем, в успехе второй пятёрки я не сомневался, поскольку смог лично услышать результат их работы.

— Я проследил — как рвануло, так из тех палаток, что мы травили, никто даже не высунулся! — Восхищённо доложил Фёдор об успешном выполнении задачи своего отряда.

С северной части оврага, который от нескольких десятков разрастающихся очагов пожара посветлел, как перед рассветом, стали доноситься множественные крики. Голоса приближались, а когда мы седлали лошадей и были готовы пуститься во весь опор, сверху показалась сначала одна фигура, указывающая на нас, рукой, а потом и множество других.

— De är här! Alla kom hit! — Я не понимал, что они кричат, однако судя по тональности это были явно не миролюбивые призывы сложить оружие.

— Уходим! — Рывкнул я и на нервах ударил шпорами в бока лошади уж очень сильно, от чего та, не ожидав такой наглости, рванула с места непривычно резво. Я еле удержал своё тело, от полёта кувырком назад, но всё же остался в седле. Над головой, слева и справа засвистели одиночные стрелы. Вдруг кто-то из бойцов рядом со мной издал протяжный вдох, сопровождаемый неестественным щелчком. Я бросил короткий взгляд в сторону звука и заметил, как фигура оседает на шею лошади, а та, в свою очередь, предательски свернула с изначального маршрута движения. Я задействовал, наверное, все свои силы, чтобы не остановиться и, стиснув зубы, в очередной раз вдарил шпорами в бока лошади.

Мы едва успели перейти на галоп, как вдруг за моей спиной раздалось пронзительное лошадиное ржание. Я отчётливо услышал, как чей-то скакун на полном ходу рухнул на землю, вполне возможно оставив под собой и всадника. Я зажмурился и голова моя вдруг стала невероятно тяжёлой, мысли роились и я, кажется, вырубился.

Очнулся я уже когда наш поредевший отряд добрался до соснового леса.

— Командир! — Потряс меня за плечо Иван. — Живой?!

— Живой, живой, — Сквозь зубы прошипел я.

— Большой отряд конников в трёх сотнях шагов. Двигаются к нам, быстро. — Он обернулся, вглядываясь в так удобно освещаемую пожаром темноту. — Уже двести шагов!

— Вперёд, вперёд! Рванули! — Я почувствовал, как к горлу подступил ком. Два человека мы оставили в том овраге. Если они не погибли на месте, то им не повезло, поскольку разъярённые катастрофическими потерями шведы не станут вникать в несуществующие правила обращения с военнопленными.

Тем временем расстояние между нами и преследователями неумолимо сокращалось. Ну

где же эти чёртовы дружинники?! Вдруг у поворота, на обочине, мелькнул тусклым огоньком факел, который, по моей инструкции, тут же затушили. Вот они! Я немного сбавил скорость, перемещаясь в конец нашего отряда. Когда мы проезжали мимо места, где я загорелся факел, я, что есть сил выкрикнул:

— Давай! — И махнул рукой, эотя и не видел скрывавшихся в темноте силуэтов.

— Взяли! — Натужный восклик оповестил меня о том, что меня услышали.

Вначале ничего не произошло. Однако когда до поворота на огромной скорости долетел отряд наших преследователей, послышалось множественное ржание, ругань и звуки всеобщей свалки. Натянутый меж двух сосен канат сработал как надо, на время остановив целеустремлённых всадников.

Вскоре нас стали настигать остатки отряда, сумевшие оправиться от замедляющего эффекта столь неприятной, но простой хитрости. Их было по прежнему слишком много, а потому я возложил все надежды на второй, уже более серьёзный туз в нашем рукаве. На этот раз я наоборот вырвался вперёд, благо мой конь, имеющий ярко выраженные польские корни, которые здесь являлись гарантом высокого качества породы, без труда обогнал меринов остального отряда. Заметив очередной сигнал на обочине, я мысленно выдохнув и перекрестившись(хотя особым религиозным рвением никогда не отличался), издал протяжный свист, означающий сигнал к действию. Вспыхнул очередной огонёк и маленьким пламенем, иногда извергая небольшие искорки, пополз к центру дороги с ярко выраженной «кочкой», которой здесь, на самом-то деле, быть не должно. Иван среагировал быстро и короткой командой перенаправил отряд по правую сторону дороги, чтобы ненароком не зацепиться за эту самую «кочку».

Когда мы преодолели это неестественное препятствие, огонёк уже почти подобрался к конечной цели. Однако и противник был близок к нам как никогда и уже осыпал нас множеством опасных снарядов, которые то и дело свистели рядом. Когда мы отделились от неровности на добрых пятнадцать метров, я расслабленно выдохнул. Правда выдох мой слился с мощным, оглушающим взрывом, наверняка отбивающим у преследователей всякое желание продолжать погоню. А разложенные стороной к противнику мелкие камешки, которые в теории играли роль осколков, наверняка проделали в мягкой плоти несколько лишних отверстий.

Мы проехали в быстром темпе ещё около полукилометра, после чего я принял решение встать на привал, свернув с основной дороги на несколько десятков метров в лес. Лошадям нужен был срочный отдых, а нам — перегруппировка и возможность объединиться с отрядом из полка.

— Сержант Елисей! — Не глядя окликнул я младшего офицера.

— Я! — Устало отозвался он.

— Доложить о потерях в отряде.

— Рядового Бориса не досчитались. — Понурился он, выдавил он. Я хорошо помнил того паренька. Какими-то особыми талантами он не отличался, однако, как и остальные, был трудолюбивым, готовым на всё солдатом. Тонкая спица вонзилась в сердце тяжестью потери. Нет, нельзя сейчас расслабляться!

— Сержант Фёдор! — Тишина стала мне ответом. — Сержант Фёдор! — Вновь негромко но настоятельно проговорил я, пытаясь глазами в темноте найти знакомый силуэт.

— Командир... — Обратился ко мне Иван. — Фёдор рядом со мной был, когда мы из оврага рванули. Это его лошадь тогда замертво упала. — Было заметно, как с каждым словом

лейтенанту становится всё тяжелее говорить. И мне тоже вдруг стало не по себе. Мне тяжело было терять рядовых, но сейчас я лишился сержанта. Больше, чем Фёдора, я знал только Ивана. Нельзя, нельзя поддаваться эмоциям. Сейчас важно этих людей сберечь, а уже потом...

— Десяток, слушай мою команду! — Собравшись с духом, пробасил я. — Встаём лагерем без огня до подхода готовивших ловушки полковых. До этого момента один человек занимает пост у дороги. Я заступаю первым. Сохранять тишину. Приказ понятен?

— Так точно! — Слитно, но меланхолично отозвался отряд.

Я стал следить за дорогой, ведущей на юг. Точнее следили лишь мои глаза, потому как голова в этот момент не могла сконцентрироваться на одной мысли. Все они роились единой кучей, как в день, когда я попал сюда, в этот мир. Я не заметил, как в суматохе всех этих мыслей по щеке вдруг скатилась одинокая слезинка. Опомившись, я смахнул её рукой и, глубоко вздохнув, принял решение собраться. В конце концов, я командир диверсионного отряда или кто?! Вдруг из-за поворота показался отряд из полутора десятков всадников. Я прижался к земле, наблюдая за ними. Они, похоже, о чём-то негромко и односложно говорили. Однако когда эта кавалькада приблизилась ко мне, я понял, что говорят не они, а только один из них. И негромко, озираясь по сторонам, повторяет одно и то же слово.

— Ястреб! — Разнеслось недалеко. — Ястреб! — После недолгой паузы снова, не столько крикнул, сколько громко сказал он.

— Звезда! — Радостно выкрикнул я, поднимаясь с земли.

Как оказалось, из всего отряда силовой поддержки, что я взял с собой, уцелело лишь пятнадцать человек. При этом боеспособных из них оказалось лишь девять. Слишком уж большие силы противник выделил на погоню за нарушителями ночного спокойствия. Объединившись, мы выдвинулись на последний марш бросок, протяжённостью в почти десять километров.

Интерлюдия. Максим.

Я уже не знаю сколько точно мы пашем на этом импровизированном плацдарме на берегу небольшой, десять шириной речушки, но земли мы переворошили уж очень изрядно. Сама река хоть и не была широкой, почти по всей длине имела внушительную глубину и только здесь её можно было перейти относительно спокойно — будучи по пояс в воде. Сам берег без единой травинки начинался метрах в пятнадцати от воды, а значит между нами и противником в момент первого зрительного контакта будет около сорока метров. Ну, может чуть больше за счёт разницы высот в нашу пользу.

Сотня человек не покладая рук несколько часов готовит оборонительные позиции. Не знаю, как в двадцать первом, но в шестнадцатом веке это уж точно что-то с чем-то.

— Четвёртая группа, хорош прохладиться, помогите второй группе в ельнике! — Я носился по всем позициям, отдавая распоряжения.

— Командир, куда ставить? — Здоровый мужик лет сорока с густой бородой, с какой-то невероятной лёгкостью держащий на плече крупное, килограммов семьдесят бревно, ходил за мной, держа мой темп, почти бежал.

— Седьмая группа — на южную позицию! Займитесь маскировкой орудия! — По обеим сторонам дороги мы возвели некое подобие земляных бастионов, что-то вроде редутов. Причём с той стороны, откуда должен был появиться враг, эти позиции выглядели как два холмика, всё так же покрытые желтеющей травой, как и вся местность кругом. С тыла же всё это напоминало средневековую крепостную стену в разрезе, с тыльной стороны усиленную

рядом брёвен. Два яруса позиций: для ведения стрельбы стоя на земле и находясь в окопе. Линии траншей находились перед «стенами» и были тщательно прикрыты травой. Из окопов можно было быстро перебраться в пределы укрепления по небольшим тоннелям под стенами. Отдельная ямка для орудия скромно выделялась по середине южного укрепления, которое, из-за особенности ландшафта, пришлось делать значительно больше северного. Сама пушка по моему личному указанию была доставлена сюда на несколько часов позже основной группы стройбата. Да, Саша не просил об этом, но всё же пушка должна выиграть для нас достаточно времени. Подтянуть бы сюда всю батарею, да жалко оставлять противнику столько добра.

— Так куда ставить-то?! — Не унимался преследующий меня солдат.

— Вон туда. — Я указал в другой конец позиции, откуда мы с ним только что пришли.

Он разочарованно сплюнул и галопом поскакал на место.

Вдруг из-за деревьев на другом берегу с пронзительным свистом выскочили всадники, посланные мною в случае чего предупредить появление противника. Что, неужели уже?! Мы же только пол часа назад провожали взглядами колонну основной армии, чей отход должны будем прикрывать на этих позициях! Галопом преодолев всю дистанцию, разведчики, по краю объезжая вырытые на дороге волчьи ямы, въехали на территорию укреплений.

— Что видели? — Не дожидаясь, пока они спешатся, спросил я.

— Отряд всадников, больше двух дюжин, явно торопятся. — Пророкотал главный из них, к которому я и обращался.

— Оружие? Снаряжение? Знамёна? — Разразился я ворохом вопросов, но ответом мне стал лишь унылый жест плечами. — Вашу ж мать! — Выругался я себе под нос. — Приготовиться к обороне! Ядро — заряжай!

Глава 21. «...И мат»

Лошадей мне сейчас жаль даже больше, чем всадников. Одвуконь после активных боёв ехали далеко не все, а скакать всё время приходилось рысью. Но сейчас мы наконец добрались до долгожданной реки, где Максим по моей просьбе организовывал позицию для обороны. Вот только когда я оглядел противоположный берег — не заметил абсолютно никакого движения. Что-то здесь определённо изменилось с моего последнего появления, однако что именно...

— Отставить готовность! — Послышалась непонятно откуда пронзительная команда, когда мы подошли к берегу реки. Вдруг, словно из под земли, стали вставать многочисленные фигуры людей. Все заметно напряглись, а уцелевшие полковые даже схватились за луки. Я жестом остановил их. Похоже, Максим подготовился даже излишне хорошо. Да на таких позициях можно целую армию сутками держать! Ну, если, конечно, иметь при себе все соответствующие чудеса современной техники, которых у нас вроде как и нет почти.

Строго по еле заметной тропинке к нам быстрым шагом, почти бегом, направился сам фортификатор.

— Осторожнее, мы тут всё к чертям собачьим перерыли! Давайте по правой части дороги, строго за мной. — Максим торопливо махнул рукой и засеменял обратно уже по другому безопасному маршруту.

Когда Макс рассказал мне обо всех тонкостях с нуля возведенного, земельно-бревенчатого бастиона — у меня прямо челюсть отвисла. Буквально за пол дня сто пар рук соорудили оборону, которая местным даже и не снилась. Конечно, имея артиллерию, сломить эту недокрепость очень легко. Вот только на вряд-ли у Олафа осталось что-то калибром крупнее мушкета.

— Вот что, Макс. Ты бери с собой раненых и двигайте к мосту. — Он встрепнулся, желая обжаловать мой приказ. — Пойми — там сейчас ты гораздо нужнее. Нужно организовать переправу, а потом грамотно расположить орудия для дальнейшего её уничтожения. — Теперь он смотрел на меня уже более осмысленно. Ловким движением отстегнув кобуру, неизменно висевшую на поясе, Максим протянул её мне.

— Вот, возьми. — Буркнул он.

— Нет, оставь. — Я отрицательно покачал головой. — От пятнадцати убитых шведов нам легче не станет, а вот тебе он может пригодиться.

— Ещё кое-что. — Он махнул рукой, подзывая меня на артиллерийскую позицию. — Вот. — Макс достал откуда-то из ящика два мешочка килограмма по три каждый. Я взял один из них. Внутри глухо брякнули те самые мелкие камешки. Много, очень много маленьких камней.

— Картечь? — Усмехнулся я.

— Ну не свинцовая, конечно. — Он грустно пожал плечами. — Но мы её испытали — результат признан удовлетворительным.

— Хорошо, это нам очень пригодится. Спасибо, Макс. — Я протянул ему руку. Он ответил мне крепким рукопожатием.

— Обещай, что выживешь. — Процедил он сквозь зубы.

— Да куда я денусь с подводной лодки? — Мы рассмеялись. Потом постояли вот так

ещё немного и он, серьёзно кивнув, побежал собираться.

Первый отряд показался ещё через пол часа после того, как мы прибыли. Рановато, однако! Получается, держаться теперь нам вовсе не час, а полтора. Ну, это в идеале. Если же станет совсем тяжело — отойдём немного раньше. Конечно, если представится такая возможность. С северной позицией, где расположились чуть более тридцати человек, под командованием Алексея, связи никакой не было, а потому решили, что она будет играть роль ведомой и повторять за действиями основной, южной позиции. Здесь же разместилось аж целых восемь десятков человек.

Отряд противника, по всей видимости передовой, состоял всего из двух дюжин человек самой разной экипировки. От красивых кирасиров до не очень-то красивых, больше напоминающих пастухов, конных застрельщиков. Ну и солянка сборная в армии у шведского короля! Я решил не дожидаться, пока столь неопасный отряд активизирует драгоценные ловушки.

— Лучники! — Не заботясь о конспирации, выкрикнул я. Шум семи десятков (мои гвардейцы-арбалетчики не в счёт) натянутых разом тетив заставил отряд разведчиков резко остановиться. Они заозирались, но не смогли заметить никакой видимой опасности. — Бей! — О, как же прекрасен звук разом вырвавшихся из луков десятков стрел, устремившихся к противнику! Звуки, издаваемые целями уже не столь приятны, но так же будоражат кровь и рассудок. Больше половины всадников, подобно ёжикам утыканными стрелами, повалились замертво, в основном вместе со своими скакунами. Остальная же, меньшая часть с такой резвой быстротой припустила назад, что, казалось, их лошади скоро издохнут от интенсивных ударов шпорами. — Каждый второй! — Отдал я новомодную команду, лишь недавно внедренную в ограниченную практику. Вдвое меньше, чем в первый раз стрел легли на луки и тут же получили невероятный запас потенциальной энергии. — Бей! — И вновь многочисленное треньканье и свист уходящих снарядов. И вновь множество пронзительных криков известили меня об успешной практике залповой стрельбы даже из такого непрактичного, на мой взгляд, оружия, как лук.

После второго залпа способных к сопротивлению или хотя бы к бегству врагов не осталось. Несколько кирасиров, чьи нагрудники приняли на себя основной импульс энергии, еле слышно подавали голоса. Кто-то оказался придавлен собственным скакуном, а кто-то просто пережил попадание стрелы, неудачно выпав из седла.

— Первый, второй, третий десятки — соберите стрелы и лошадей! Четвёртый, пятый — прикройте их! — Позиции махом опустели, а более полусотни человек организованно двинулись выполнять приказ. Это первый и последний раз, когда нам дают вот так вот поживиться трофеями. Сейчас подойдёт основная масса и начнётся такой цирк с конями...

Интерлюдия. Король Олаф. Через пятнадцать минут после первого боестолкновения.

— Мой король, эти русские организовали серьёзную земляную фортификацию возле единственного на участке брода. — Единственный оставшийся генерал, с заметной дрожью в голосе тыкал в карту этих богом забытых мест, добыть которую удалось лишь очень большой ценой. — Мы потеряли уже пол сотни человек, пытаюсь прощупать их оборону. Похоже, тот, кто всё это придумал — настоящий оборонный гений!

— Прямо-таки гений? У русских? — Я вспомнил, как совсем недавно этот же генерал принижал достоинства «дикарей с востока».

— Э-э... Ну, может они наняли кого-то из Европы... Но это не важно! Вы посмотрите: перекрёстный огонь, грамотная маскировка, ловушки по периметру. — Вдруг на том берегу

что-то глухо ухнуло и в полусотне метров от нашей палатки со свистом грянуло ядро, судя по всему зацепив в полёте нескольких воинов. — О, ещё и артиллерийская позиция! — Восхищённо произнёс генерал. Я грозно зыркнул в его сторону и вновь склонился над картой.

— Похоже, они хотят переправить армию по мосту. — Я ткнул пальцем в условное обозначение переправы через широкую реку. Тут уж простым бродом не отделаешься. — А как переправятся — взорвут мост. Это очевидно, я бы и сам так сделал. Если им это удастся — они смогут оторваться от нас на несколько дней, которые мы потратим на поиски другого моста. А если хотя бы тысяча русских закроется в Новгороде — мы без артиллерии завязнем в нём до зимы! — Я представил последствия такого исхода и даже непроизвольно поёжился. — Готовьте кирасиров, генерал.

— Но их после этой ночи осталось всего двести с небольшим всадников! — Возмутился в ответ выходец из Норвегии. Я взял его за грудки и сквозь зубы проговорил.

— Мы не можем терять ни минуты. Собирайте всадников и разметаите эти шалаши, покрытые травой к чёртовой бабушке! В усиление оставляю вам две сотни Стокгольмского ополчения и пол сотни хускарлов личной гвардии.

— А вы? — Испуганно просипел он.

— А я с остальными двинусь в обход этого брода. Нельзя дать русским перейти мост раньше нас!

Интерлюдия. Александр. Через двадцать минут после первого контакта.

На другом берегу раздался звук, с которым я, наверное, ничего не спутаю. Трубный клич к атаке. Ну, это я его так окрестил, а как оно на самом деле называется — даже не представляю. Зато вон те ребята в стальных нагрудниках и на хороших лошадях, что собираются в тонкую линию на другом берегу — явно в этом разбираются по больше меня. «Да когда ж эти кирасиры у них закончатся?» — бормотал я себе под нос, взводя в очередной раз свой арбалет. Бьём их, бьём, а они, честное слово, как из Китая лезут! Или что там сейчас на территории поднебесной? Империя Мин? Ну, значит как из империи Мин.

— Орудие — картечь! — Выкрикнул я короткую команду, чем немало взбудоражил расчёт. Это как же — первое боевое применение нового вида боеприпаса. Эх, сюда бы пулемёт, да ленту на пару тысяч патронов! Хоть сутки стоял бы тут, да поливал от души. Но нет, имеем то, что имеем.

Здраво оценив наши укрепления, основная масса всадников направилась на их южную часть. Северную же, где от души и очень даже успешно командовал Алексей, своим вниманием удостоило лишь пара тройка десятков конников. Ну им это, как говорится, на три залпа. Хотя, это, конечно, как повезёт. Нам же предстояло выстоять под напором примерно полутора сотен кавалеристов.

Как только вся эта орава зашла в воду, грянул очередной слитный залп, вдвоенный ещё и с арбалетными щелчками, пусть и не такими многочисленными, но индивидуально гораздо более убойными. И вновь попадали, подобно солдатикам, множество врагов. Волна малость поколебалась, но вскоре продолжила свой рывок, заметно ускорившись. Они хотели как можно быстрее сократить дистанцию до неприятеля, которого толком-то и не видели.

Когда кавалькада пересекла условный центр реки, я дал отмашку артиллеристам.

— Пали! — Командир орудия кивнул пареньку с тлеющей палочкой, название которой я так и не удосужился выяснить. Тот выдохнул, как будто сейчас собирался принять на грудь и медленно поднёс свой инструмент к казённой части ствола. Орудие привычно бухнуло и

откатилось по специальному наклону назад. Я перевёл взгляд обратно на кирасиров. Десятки, если не сотни маленьких камешков с многочисленным свистом улетели в их сторону. Когда же картечь поразила цели, стала ясно видна полоска, обозначающая линию огня. В этом промежутке вдруг магическим образом «не стало» врагов. Я, словно в замедленной съёмке, наблюдал как падают один за одним всадники. Кто поймав головой маленький, но невероятно убойный на такой скорости камень, кто вместе с израненным скакуном, а кто просто запнувшись о тело впереди идущего. После таких больших разовых потерь волна поколебалась сильнее, а те, кто находился вблизи внезапно образовавшейся просеки и вовсе — попятились назад. Когда же кирасиры всё же пересекли естественную преграду, в строю осталось едва ли четверть от изначального количества. И всё же они нашли в себе силы и, продолжая неумолимо терять людей, перешли на галоп.

Я повернулся посмотреть, как дела у Алексея. На их позиции орудия не было, да и стрелков имелось значительно меньше, а потому свои пол сотни они ковыряли очень неторопливо. Около трёх десятков всадников уже разогнали своих скакунов и готовились влететь на позиции. Последняя надежда на волчьи ямы перед траншеями. Обе группы достигли их почти одновременно. Первые ряды попадали, вторые споткнулись об них и также полетели вниз. Остальные же успели среагировать и, объезжая павших товарищей, всё же достигли долгожданных окопов из которых их всё это время поливали ненавистные им русские воины. Одако их там уже не было. По узким проходам, подобно солдатам вьетконга, солдаты из траншей ушли под защиту двухметрового бревенчато-земляного вала, неподвластного коннице. Момент, и десятки жал, вылетев из бойниц, в упор расстреляли ничего непонимающих всадников. На участке Алексея же всё сложилось не так гладко. Похоже, там завязался скоротечный бой, который, впрочем, был быстро выигран и, я надеюсь, выигран в сухую.

Интерлюдия. Максим.

Наконец мы добрались до моста. Да, не будь здесь этой переправы — перейти через не очень бурную, однако довольно широкую реку, наверное, мы бы не сумели. Сейчас же длинная гусеница колонны ступила на деревянный мост и начала медленно, но верно переправляться через реку. Я выехал на его середину и стал контролировать стабильность движения. Заторы нам сейчас нужны меньше всего.

Однако как только до меня добралась первая телега, с обратной стороны я слышал многочисленный топот. Не быстрый, но мерный и пугающий своим количеством топот множества лошадиных ног. Вскоре показались и всадники. Они выезжали из-за поворота метрах в ста пятидесяти впереди. Всё выезжали, выезжали и, казалось, им нет конца. Сказать конкретно, кто это такие я не возьмусь, слишком уж неоднобразная у них форма одежды. Я только набрал воздуха в грудь, дабы отдать приказ об отступлении на берег и подготовке к сражению, как меня опередил один из сотников. Запыхавшийся, он источал страх своими глазами, но в голосе его я не заметил смятение. Лишь бесконечное желание сражаться.

— Командир, там это, — Он указал рукой на запад, в противоположную от таинственного отряда сторону. — Шведы строятся. Много! — Я перешёл на западный край моста. В нескольких сотнях метрах действительно разворачивались баталии со знакомыми знамёнами. Тем временем странных кавалеристов с юга становилось всё больше и они начали медленно приближаться к нам. Показывая то на нас, то на шведские коробки, они явно пытались выяснить кто и где. Что же, нас тут теперь с двух сторон закроют?! Ну уж нет,

я каким-то там дикарям из прошлого живым не дамся!

Интерлюдия. Александр. Через сорок пять минут после первого контакта.

— Ваня, что с болтами?! — Я бегал по окопу, выясняя текущий расклад дел. Хоть Иван и находился в двух метрах от меня, мне почему-то хотелось кричать.

— Последний заряжаю! — Так же громко, похоже, тоже на волне адреналина, отозвался лейтенант.

— Мурат, у тебя что? — Спросил я ближайшего ко мне рядового.

— Всё, нету больше! — У молодого татарина в голосе прорезался некогда подавленный акцент. — Эти дети шайтана всё лезут и лезут, как не стреляй в них! Уже девятых снял, а их меньше как будто не становится! — И правда, переправа и наш берег уже буквально были усыпаны горами человеческих и лошадиных. Кто-то дёргался в предсмертной агонии, но стонов их я от чего-то не слышал. Снова по строящимся в атаку шведам бахнуло ядром орудие, раскидав несколько бедных тел. Последний картечный заряд я берегу как зеницу ока. Все-таки пока что слишком близко враги ещё не подходили.

— Похоже готовят решающий штурм! — Заметил Ваня, буквально прочитав мои мысли. — А что у полковых со стрелами?

— Всё, больше дальнего боя не будет, последние стрелы в прошлой атаке отстреляли! — Я разочарованно сплюнул, вглядываясь в готовящих атаку врагов. Если впереди шли посредственного качества воины, в основном с маленьким щитами, копьями и иногда топорами, при этом почти без брони, то за ними, строго по центру, мощным кулаком виднелись те самые «медведи». Огромные воины и с двуручными топорами. Вот их-то никак нельзя пустить в ближний бой. Без стрел центр — наше слабое место, отдав которое, мы откроем врагу путь во фланги, в слабо укрепленные участки обороны обеих позиций. Стены-то не по кругу стоят, а только по фронту. Боюсь представить, что будет, если эти тяжеловесы навяжут нам бой.

— А может того, рванём уже? — Спросил один из дружинников.

— Нет, ещё рано. — Зло буркнул я, хотя и сам бы сейчас не отказался свалить из этого ада.

Тем временем шведы пошли в атаку. Лёгкая пехота разделилась на две части, примерно по семь десятков человек, в то время как тяжёлая продолжала уверенно идти по центру. Похоже поняли, суки, что мы без стрел сидим. Когда ополченцы пересекли брод, позиция Алексея один раз вяло огрызнулась неполным залпом, застав противника в распloch. Те засуетились и затормозили. Тогда Алексей встал в полный рост.

— Отряд, за мной, в атаку! — Он поднял саблю вверх и с лихим кличем бросился на ополченцев. Те сначала даже не поверили в такое нахальство, но вскоре оклемались и двинулись навстречу. Когда они схлестнулись, стало понятно, что в равном бою у шведского ополчения нет шансов. Численное превосходство — это единственное, что у них было. Они пытались окружить небольшой отряд Алексея, но тот гордо сдерживал натиск, обильно орошая землю шведской кровью. Так было ровно до того момента, пока опьяненные такой наглостью топорники не обошли отряд с тыла. Это в корне изменило ситуацию и без того маленькая группа начала медленно таять. Через две минуты я поймал глазами взгляд Алексея. Уже безжизненный, мёртвый, он как бы просил у меня прощение за совершенное.

— Не понял я тебя, Алексей. — Печально бормотал я себе под нос. — Не понял...

Я пришёл в себя лишь через пол минуты, когда ещё раз ядром выстрелила пушка.

— Орудие — картечью! — Рывкнул я и артиллеристы стали спешно заряжать последний

мешочек победы. Две сотни противников же медленным шествием двигались к нам. Стрелы закончились и отбиваться осталось в рукопашную. Отступить сейчас мы не сможем, даже если захотим. Нам просто не дадут седлать коней и уж тем более — подорвать орудие. А оставлять врагу даже одну пушку я не имею никакого желания.

— Готово! — Подал голос командир орудия.

— Пали! — И вновь множество мелких камней собрали обильный урожай у ополчения и не такой обильный — у топорников, которым, похоже, было абсолютно фиолетово на маленькие кровоточащие раны.

Я закрыл глаза и события стали меняться с невероятной скоростью. Вот мы начали сражаться в ближнем бою с ополченцами. Успех явно сопутствовал нам. Вот передо мной предстаёт лицо шведского солдата, искаженное гримасой боли. Его тёплое тело никак не хочет отдавать моё копье. Пришлось оставить. Вот подошла тяжелая пехота и нас стали теснить. Один за одним падали самоотверженные дружинники и, несколько реже, — осторожные гвардейцы.

Вдруг краем глаза я заметил нечто неладное. Я повернулся, при этом чуть не схлопотав топором по голове, и ужаснулся. Выпавшая из рук убитого артиллериста тлеющая палочка подпалила фитиль, ведущий к заряду, который должен был в случае отхода подорвать орудия.

— Ложись! — Только и успел выкрикнуть я, перед тем, как прогремел мощный взрыв и я вырубился, отлетев на пару метров.

В глазах сплошная муть и, кажется, видит только один глаз. А, нет, вот и второй подключился с небольшим опозданием. Меня сильно шатает, хотя я могу поклясться, что лежу неподвижно. Взгляд фокусируется. Картина, явившаяся мне, ужасает. Множество тел. Кто-то вяло двигается, а подальше от эпицентра продолжается рубка. Похоже, опытные топорники уже чувствуют себя победителями. Трое из них попались мне на глаза. Они медленно и величаво продвигались в мою сторону, попутно добивая оказавшихся живыми бойцов. Вдруг на левого из них кидается фигура. Сфокусировавшись, я узнаю в нём Елисея. Остальные не обращают внимания на сержанта, считая, видимо, что их товарищ справится. Елисей значительно уступает воину в габаритах, однако умело пользуется скоростью и даже саблей ранит того в ногу. Однако опыта у шведа явно больше и в следующее мгновение он топором бьёт по ногам гвардейца. Тот мгновенно падает, а швед, решая его не добивать, движется дальше. Вот и всё. Похоже, закончилась моя история в этом и вообще в любом мире.

Приподнявшись на локтях, я стал прожигать взглядом ближайшего ко мне палача. Ну давай, сука, иди сюда! Узнай, как русские умирают! Он сделал ещё пару шагов ко мне, как вдруг справа раздался еле слышимый хлопок. В ушах звенело, поэтому на самом деле он мог быть и гораздо громче. Однако это не отменяет того факта, что закованный в броню тяжёлый воин пустил из горла короткий фонтан крови и рухнул на колени. Ещё два хлопка и правый воин, дважды дёрнувшись, завалился на спину. Левый уверенным шагом пошёл на источник звука, но тут же схлопотал пулю прямо между глаз. Я обернулся и ожидаемо увидел фигуру Максима. Он подбежал ко мне, держа пистолет наготове.

— Саня, ты как?! — Громко спросил он. — Саня!

— Да живой я, живой! — С болью в груди откликнулся я. — Ты чего здесь делаешь?

— Так это, — Он растерялся. — Подкрепление пришло! Саш, ты прикинь!

— К-какое подкрепление? — С трудом выдавил из себя я.

— Семь тысяч конников! Из похода на Казань, с царём во главе. — От поступившей информации застучало в висках. Я приподнялся повыше, оглядываясь вокруг. Отовсюду с восточной стороны, подобно муравьям, выползали сотни конных дружинников. Они одним наскоком опрокинули остатки шведов, атаковавших позиции и обратили тех в бегство. По моим губам скользнула лёгкая ухмылка, после чего мозг наконец отключился.

Интерлюдия. Царь Иван Васильевич.

— Значит, говоришь, неизвестный гость взял армию под себя?

— Точно так, царь-батюшка! — Закивал низкий сотник, который, как мне помнится, первым спешил пересечь мост. — Дак мало того, что зелен он ещё, так ведь и не дворянин! Вообще я против был, чтобы его назначали заместо Михаила, так ведь нет, они ж не слушают! Особенно Алексей, он дак и вовсе главный заговорщик!

— А где этот Алексей сейчас?

— Так ведь голову сложил в сече той последней. — Почесал затылок сотник. — А я следил за этим Александром, царь-батюшка! Ох и иноземец он, как пить дать соглядатай шведский. Али польский, кто его знает?

— Значит пока наш иноземный гость, — Царь выделил слово «наш», — Героически бил врага, терял своих братьев по оружию и за Русь кровь проливал — ты скорее в Новгород рвался?

— Так ведь не дворянин он, как же его можно...

— А ты, — Прервал его царь, — Какой вотчиной владеешь?

— Так селом Борки, на три сотни душ. — С гордостью отметил сотник.

— Отлично. — Царь постучал пальцами по столу. — Собирай вещи, дарую тебе две деревни под Казанью. Там теперь твоя вотчина.

— А Борки? — Ахнул в ответ наблюдательный «воин».

— А Борки я дарую Александру. Ведь ежели вотчина у него есть, то он кто? Дворянин. А ежели дворянин, то и воеводой новым его избрали верно. Правильно я говорю? — С нажимом произнёс я.

— Но... Так ведь как это, царь-батюшка! — Он вскочил с места, но сильные руки стражников оттащили его к выходу.

— Передавай привет татарам! — На последок крикнул царь с усмешкой. — Александр, говорите... И что же ты за птица, иноземец?..

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net